

Академия наук СССР
Сибирское отделение
Институт проблем освоения Севера

**АРКТИЧЕСКАЯ
ПОЛИТИКА:
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

*/Материалы экспертного опроса
к международной конференции/*

Под редакцией В.И.Бакштановского

Тюмень 1990

Арктическая политика: человеческое измерение. Материалы экспертного опроса к международной конференции. Под редакцией В.И.Бакштановского /АН СССР. Сибирское отделение. Ин-т проблем освоения Севера. - Тюмень, 1990.

Сборник содержит материалы экспертного опроса, проведенного в рамках проекта «Арктические ценности: выбор сбалансированного пути развития /циркумпольная аксиология и праксиология/».

Вслед за опросами экспертов "Самотлорский практикум - 2"/1988/ и "Освоение без отчуждения" /1989/ здесь продолжено исследование ситуации морального выбора в арктической политике с точки зрения экспертизы подлинности и мнимости конфликта - инновационного и традиционного, консультирования выдвигаемых моральным сознанием императивов этики Севера.

Участники опроса - исследователи, представляющие многообразие научных дисциплин, связанных с новым освоением: этнографы, экологи, философы, социологи и деятели культуры.

Часть материалов возникла в диалоге с экспертами, а некоторые интервью получены по междугородному телефону. Сохранена авторская редакция, ряд заголовков дан ответственным редактором.

Научно-организационная работа - Л.В.Лебедева, М. В.Логинова

Обложка - художник М. М. Гордубей

Издание осуществлено при содействии Штаба ЦК ВЛКСМ Западно-Сибирского территориально-производственного комплекса.

(С) ИПОС СО АН СССР, 1990

УВАЖАЕМЫЙ ЭКСПЕРТ!

Лаборатория прикладной этики Института проблем освоения Севера СО АН СССР проводит экспертный опрос по теме: "Арктическая политика: человеческое измерение".

Замысел организаторов опроса:

а) определить ценностные ориентиры субъектов политической деятельности страны в целом и выявить возможность применения этого знания к деятельности субъектов арктической политики, связанной с освоением и развитием Севера; б) диагностировать типичные ситуации "арктической конфликтологии"; в) определить морально-этические критерии разрешения конфликтов.

Основной предмет коллективной экспертизы - идея "этики социально-нравственного консенсуса".

Просим Вас ответить на следующие вопросы.

1. Является ли этически значимым понятие "человеческое измерение" или оно - суть схоластика, "речевая фантазия" эпохи перестройки?

Беспредельно ли применение этого понятия или оно действует в рамках определенной сферы социально-экономических, культурных, политических явлений общества? Как его можно приложить к арктической политике?

2. Допустимо ли говорить об особом направлении приложения этики: "Арктическая аксиология", "Этика Севера"? Если да, то чем оно, по-Вашему, может отличаться от этики других направлений "Розы ветров" (этика Юга, Востока и т.д.)? Каковы должны быть гуманитарные основания такого направления этики, ее нормы, ценности? В чем, по-Вашему, ценностные основания, драматизирующие арктическую политику?

3. Каковы, на Ваш взгляд, типичные конфликты, ситуации социально-нравственного выбора - культуры, ценностей, образа и стиля жизни - в условиях определения арктической политики?

4. В последнее время все чаще говорят о необходимости "сбалансированного развития" любого общества. Многие специалисты особенно настаивают на необходимости "сбалансированного развития" Севера (советского, американского, канадского и т.д.).

Как Вы считаете, каково этическое содержание этого понятия, вернее, возможна ли «Этика Сбалансированного Развития»? Мы были бы признательны Вам также и за критические замечания по поводу этой популярной в наши дни идеи развития (например, о соотношении этой идеи и идеи приоритетного развития традиционного для народов Севера образа и стиля жизни).

5. Мы будем Вам благодарны, если Вы внесете предложения как критического, так и конструктивного плана в созданный участниками январской деловой игры в Тюмени проект декларации «Базовые ценности и основные принципы арктической политики».

Заранее благодарим за сотрудничество!

Д Е К Л А Р А Ц И Я

«Базовые ценности и основные
принципы арктической политики»

На арктических территориях Советского Союза сложилась критическая ситуация. Ее основные черты:

- непосредственная угроза исчезновения народов, издавна населяющих Арктику;
- угрожающее состояние природной среды в результате хищнической хозяйственной деятельности;
- сосредоточение в районах с экстремальными природно-климатическими условиями больших масс людей, адаптация которых затруднена.

Одна из главных причин обострения арктических проблем - отсутствие научно обоснованной, гуманитарно и экологически ориентированной советской арктической политики.

Высшей ценностью, на которую ориентируется разработка арктической политики, является, как максимум, гармоническое развитие Арктики как компонента становящейся ноосферы (планетарного единства природы и человека) и, как минимум, выживание Арктики как своеобразного социально-природного феномена.

В рамках гармонического развития Арктики необходимо обеспечить как реализацию внутренних, сущностных тенденций личности, каждого народа, независимо от его численности, общества в целом и природной среды, так и согласованность их совместного существования и развития.

При реализации этих ценностей предлагается исходить из следующих основных принципов:

- примат гуманитарных и экологических интересов над технико-экономическими, последние выступают средствами и факторами реализации первых, а не наоборот, как это пока имеет место;
- недопустимость деления народов, проживающих в Арктике, на «отсталые» и «цивилизованные», исходя из узко понимаемых критериев современности и прогресса;
- возрождение, сохранение и развитие любого народа, населяющего Арктику, и избранного им образа жизни;
- поиск консенсуса как принципа принятия решений в арктической политике, недопустимость принудительного навязывания субъектам арктической политики способа реализации решений;
- минимизация ущерба состоянию физического и психического здоровья людей, привлекаемых для временной работы в Арктике;
- арктическая политика должна базироваться на комплексном научном исследовании Арктики с учетом как общих характеристик, так и особенностей и взаимосвязей всех составляющих ее компонентов (подстилающей поверхности, покрова, атмосферы, человеческих сообществ);
- необходим дифференцированный подход к различным территориальным частям Арктики;
- обеспечение предсказуемости экологических, гуманитарных и социальных последствий любого сколько-нибудь значительного социального и хозяйственного проекта;

- арктическая политика всех приполярных государств и общественных организаций должна исходить из единства принципов и международной кооперации.

В числе ближайших задач по реализации арктической политики необходимо отметить:

- организация комплексной экологической и гуманитарной экспертизы текущего, прогнозируемого и планируемого состояния Арктики как объекта освоения;

- безотлагательная разработка и реализация нормативных международных актов, запрещающих все техногенные воздействия, имеющие губительные последствия для природы и населения Арктики;

- обеспечение свободного волеизъявления коренных народов Арктики в процессе совершенствования административно-политического статуса и структур власти;

- приведение социальной сферы в соответствие с особенностями жизнедеятельности в условиях Арктики;

- приоритетное внедрение трудосберегающих технологий и техники "в северном исполнении";

- всемерное содействие организации деятельности и материальной базы вознаграждения и развития культур народов Арктики;

- создание единого информационного центра и координации научных разработок по проблемам арктической политики.

ОБЕСПЕЧИТЬ САМОДВИЖЕНИЕ ЖИЗНИ

Понятие "человеческое измерение" значимо и для Севера, и для любой области человеческой деятельности.

2. Если мы приняли "человеческое измерение", то развитие "этики Севера" не только необходимо, но и, может быть, более значимо, потому что - осознанную спорность подхода - человеческая жизнь на Севере дороже, чем в других регионах, из-за экстремальности условий, трудности выживания, сохранения человеческой общности, культуры.

Разумеется, человек, не испытавший на себе, что такое жизнь на Севере, может оспорить этот тезис, не принять такого особого подхода к ценности человеческой жизни.

Почему на Севере высоко ценилось тепло человеческих отношений? Потому что были огромные пространства и мало людей на этих пространствах. Поэтому люди ценили человеческую жизнь.

Гостеприимство, например, принято у любого народа. Бескорыстная помощь любому человеку характерна и на Севере. Первым делом его прими, накорми, напои, спать уложи и т.д. и не спрашивай, когда он уедет, что ему надо, если он гость. Но в чем особая ситуация? Если вы проявили негостеприимство в деревне, где плотно живут, в городе, где очень плотно населенные местности, то каждый первый /второй/ может показать пальцем и сказать: "Это не гостеприимный человек, обошелся плохо с гостем". Общественная ситуация довлеет над ним. На севере поскольку люди жили маленькими группами - дом, селение - на больших пространствах, позора он мог вообще не бояться. Один раз приехал человек, уехал, и никто не узнает, что ты выгнал гостя. Ты отвечаешь лишь перед своей совестью, перед самим собой, перед своим богом. Исследования специально этики Севера или Арктической аксиологии я бы принял, но как другие народы на это посмотрят?

3. Типичная конфликтная ситуация, на мой взгляд, заключается в том, что мы утратили приоритет интересов человека. Это можно увидеть и в нравственной области, и в культуре, образе жизни. Прежде всего, конечно, все это было задавлено нашим индустриальным развитием. Это главный конфликт. От него в равной степени, скажем, пострадали в социальном, бытовом, культурном, во всех отношениях народы Севера и даже русскоязычные старожилы. Из-за такого нашего разбойного освоения все оказались в одинаковой ситуации.

Я думаю, что промышленное развитие никакой культуры нам не принесло (наоборот - антикультуру): ни культуры производства, ни культуры человеческих отношений, ни культуры вообще, в общечеловеческом смысле.

Говорят нередко еще и о конфликте культур.

Культура - в том смысле, какой мы вкладываем в понятие культуры - я думаю, всегда сочетается с другой, вполне возможно было бы их нормальное уживание. Одна культура обогащала бы другую, и от этого появлялась какая-то третья культура. А уж если у промышленного освоения культуры как таковой не было, то что ждать от этого?

4. Идеальный вариант - отдать приоритет традиционным отраслям, традиционной культуре, традиционному обряду жизни народов Севера. Это, конечно, идеальный вариант, потому что лучше природы никто ничего не придумает.

мал и никто ничего, видимо, никогда не придумает. Не зря, скажем, природа, любая земля принимала такое количество людей, которое она могла выдержать, прокормить и обогреть, чтобы они себя нормально чувствовали. Почему мы никогда научно не обосновываем, скажем, развитие промышленного освоения Севера, Дальнего Востока, других регионов Арктики?

Ни один ученый не просчитывал, сколько может земля выдержать, какое количество людей. Скажем, в нашем регионе миллион с лишним приезжего населения, мы никак не сможем свести концы с концами, чтобы прийти к гармонии на первой ступени, гармонии жизни - чтобы продержаться и этот миллион населения и сохранить традиционные отрасли, нормально развивать промышленность. Тут явный перебор. Необходим процесс постепенный» чтобы обеспечить самодвижение жизни. Ничего искусственного не делать, не вносить. Север должен развиваться постепенно, жизнь сама разумно диктует, что и куда должно идти.

Хотя мы прекрасно с вами понимаем, что сейчас не можем обеспечить приоритетное развитие традиционному образу и стилю жизни, надо на путях сбалансированного развития что-то искать. Это - способ приближения к идеалу, потому что деваться больше некуда.

Это, может быть, дело какого-то далекого будущего, но под понятие «сбалансированного развития» надо подключить весь Арктический регион, побережье Союза, побережье Канады, Аляски и, таким образом, все приполярные страны. Тогда многие проблемы легче и проще было бы решать. Если мы погубим свою Арктическую зону, то это скажется на жизни других, прежде всего, арктических народов. В этом плане сбалансированность развития - то, что в это понятие входит, это как раз есть рациональное зерно.

5. Декларация в целом привлекает. Прежде всего теми принципами, которые важны для всей страны, а не только для Севера, для арктической политики.

Что мне понравилось, так это примат гуманитарного над технико-экономическими интересами. До сих пор было наоборот. Важен и второй пункт - "недопустимость деления народов на отсталые и цивилизованные и т.д." Любая культура, прежде всего, ценна сама по себе. Она сама имеет свои точки отсчета, свои вершины, свои достижения. В принципе сохранения и развития любого народа, населяющего Арктические регионы, я думаю, тоже верный подход. В Декларации, по-моему, отмечено многое, что сегодня отражает жизнь народов Севера.

Г.А.Агранат

... ПРЕЖДЕ ВСЕГО - ОБ "АРКТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТАХ"

Свое устное размышление сконцентрирую вокруг двух вопросов анкеты. Прежде всего - об "арктических конфликтах". Конфликтных ситуаций очень много. Природопользование, например. Государству нужны ресурсы, но способ их добычи угрожает интересам природы Арктики, разрушает биосферу, подрывает основы жизни коренного населения. Как разрешить противоречие?

Нужно ресурсосбережение, необходима структурная перестройка хозяйства, снижение материалоемкости и энергоемкости производства. Тем самым мы сможем производить топлива и сырья меньше, в том числе и в Арктику, на

Севере, которые, как известно, являются их крупнейшими поставщиками в стране. А это значит, что мы уменьшим пресс на природу Севера, на охотничьи, промысловые угодья коренного населения. В общем, улучшим окружающую среду, и значит, сможем смягчить многие конфликты, беды, несчастья. Разрешение конфликта природопользования на Севере лежит вне Севера, в изменении общей хозяйственной и научно-технической политики страны.

Конфликт "пришлые - аборигены". По существу он определяется только что изложенным конфликтом. И в этом случае, и в целом я бы сказал, что достижение нравственных, этических целей базируется на решении "низовых" - социально-экономических, политических - факторов. Покуда мы не перестроим хозяйство страны, ее экономическую, научно-техническую политику, мало что доброго можно сделать на Севере. Только тогда может стать реальным примат гуманитарного над экономическим. Если же ставить вопрос более глубоко и на перспективу, то надо менять ценностные ориентации общества, человека. Прежде всего - снижение фактора потребительства. Пока до этого далеко, мы должны хоть немного оставить Арктику, Север - в разумных, конечно, пределах - в покое. Не я один, а многие наши видные экономисты, экологи, такие как профессора А.А.Арбатов и М.Я.Лемешев, давно говорят, что если мы перестроим нашу технологию и хозяйственную политику, как это сделал Запад, то нам совсем не нужно столько сырья, нефти, газа, железа, никеля, меди и др. Подобный подход в конечном счете приведет к оздоровлению моральных ситуаций. Такому оздоровлению поможет и переориентация теоретического подхода к экономической оценке природных ресурсов на Севере, к оценке ущерба природе, который приносится неразумной деятельностью человека. По существующим методикам нанесенный ущерб оценивается экономистами по той явно видимой практической пользе, которую ресурсы природы имеют на сегодняшний день и в обозримом будущем. А это значит, что, скажем, карликовая береза ничего не стоит, а разрушение почвенно-растительного покрова тундры и лесотундры оценивается лишь по потерям охотничье-промыслового и оленеводческого хозяйства. В конечном счете получается, что за испорченный гектар Северных земель ведомства платят во много раз меньше, чем за гектар курских земель, где разрабатывается железная руда. Надо в корне менять методику подхода, иначе получается, что даже в случае компенсации за разрушение природы, за полную потерю огромных пространств Арктики - а ведь известно, что Арктическая природа восстанавливается крайне медленно или совсем не восстанавливается - плата весьма не велика. Да и вообще, можно ли мерить эту потерю деньгами?

Еще одна сложная ситуация. Как и все, что у нас делается, внедрение нового стараются вести всюду и в единых формах. Я имею в виду вопросы расчета, самофинансирования и самоокупаемости. В Арктике же, на Севере, по крайней мере на первых порах освоения территории, невозможно обойтись без определенной помощи государства, без льготных экономических и социально-экономических нормативов во всех сферах жизни. Исторически так было всегда в районах нового освоения, такая практика известна и сейчас в северных районах Канады, Аляски, на севере Скандинавских стран. Без существенной помощи государства коренному населению трудно наладить свой быт, укрепить традиционные отрасли хозяйства. Итак, если мы пойдем по новым экономическим стереотипам, то боюсь, что еще более ухудшим наши социальные и национальные дела на Севере. Вот еще пример, когда нравственные проблемы полностью зависят или теснейшим образом связаны с решением проблем об-

щего социально-экономического, финансового и организационного порядка.

Таковы, как мне кажется, важнейшие конфликтные ситуации в Арктике, которые самым прямым образом связаны с решением нравственных проблем. Это вовсе не означает, что изучение этих проблем не имеет самостоятельного значения. Конечно, имеет, и, в частности, на мой взгляд, очень важно проследить эволюцию нравственных принципов коренного населения, вообще, эволюцию духовного уклада. Не менее важное значение имеет изучение нравственного отношения пришлого населения к аборигенам. Кстати, этим очень активно занимаются в зарубежных приарктических государствах.

Особый вопрос - концепция так называемого "сбалансированного развития Севера". В последнее время она действительно "гуляет по свету" и начинает усиленно пропагандироваться применительно к Северу, особенно в США и Канаде. Считают, что ее истоки в трудах так называемой "Комиссии по окружающей среде и развитию", возглавляемой известным деятелем мировых экологических движений госпожой Брундтланд, бывшим премьер-министром Норвегии. Основной идеей Комиссии была эта самая концепция, по которой "развитие общества должно идти не в ущерб природе, будущим поколениям и местному населению". Многие видят более ранние истоки в идеях Махатмы Ганди, а также в других восточных философских и теологических принципах гуманизации отношений человека и природы. На Севере эта концепция делает ставку на минимизацию эксплуатации невозобновляемых ресурсов, повышение приоритетности местного хозяйства, основанного на возобновляемых ресурсах, а также на максимальном учете охраны природы и интересов коренного населения. Кстати, эта концепция в общем не нова, в Канаде о ней говорилось еще в 70 годах, а в СССР лет на 15-20 раньше. Впервые она выдвинута была нынешним академиком ВАСХНИЛ Е.Е.Сыроечковским.

Но даже на Западе считают, что пока это только лозунг. Все зависит от решения тех конфликтных ситуаций, о которых говорилось выше.

Конечно, это нравственный путь развития, но до тех пор, пока мы не найдем альтернативы северным ресурсам, не найдем экологически грамотные методы их эксплуатации, не решим и другие проблемы, о которых только что говорилось, вряд ли нам такая благородная концепция поможет. Вариант сбалансированного развития - это, по существу, принцип равных приоритетов между отраслями, эксплуатирующими невозобновляемые ресурсы, имеющие общесоюзное значение - и традиционными отраслями хозяйства, использующими возобновляемые ресурсы и являющимися основой жизни коренного населения.

Не хотелось бы, чтобы создалось впечатление, что я выступаю за консервацию Арктики и Севера, превращение этого региона в заповедный край. Такие идеи выдвигались в начале 70-х годов в США и Канаде, когда звучал первый очень тревожный крик о грозящей гибели природы. Но эти идеи оказались несостоятельными. Надо считаться с реалиями жизни. Без ресурсов Севера нам не обойтись. Это поняли не только у нас, но и в других странах. Речь идет лишь о разумном ограничении наступления на Север, ограничении, которое соответствует новым технологическим и хозяйственным структурам.

О ТАКОЙ ЭТИКЕ МЫ ПОДУМАЛИ В САМЫЙ ПОСЛЕДНИЙ МОМЕНТ

1. Не являясь специалистом в вопросах этики, я просто отвечаю в рамках своего понимания. "Человеческое измерение" во многом повторяет расплывшиеся сейчас понятия - "социально ориентированная политика", "политика, обращенная к человеку" и т.д. Само по себе, если разобраться со строго научных позиций, оно может быть и не вполне правомочно. Однако с точки зрения нашего общества, которое большую часть своей истории работало и жило без большого внимания к каждому члену общества, я думаю, такое понятие сейчас не помешает, и люди прекрасно понимают, что оно значит. Поэтому, я думаю, что выражение "человеческое измерение" имеет право на жизнь.

2. На мой взгляд, "Этика Севера" столь же правомочна; это такая же этика, только немного запущенная и забытая, как и этика других стран света. Север - и не только наш, но и зарубежный - представляет собой такую географическую зону, которая была мало населена, и там сравнительно поздно, только в последние десятилетия возник вопрос о взаимодействии человека, индустрии и природы. О Юге мы уже много знаем: проблемы политические, национально-этнические... На Севере все то же самое, но на Севере все эти проблемы были в большей степени законсервированы. Не из-за климатических условий, конечно, а в силу того, что там проживает относительно мало народу, и были сравнительно ограничены интересы промышленно развитых стран.

Сегодня, когда все больше и больше эти страны обращаются к Северу, этот вопрос встает с той же остротой. Поэтому об этике Севера можно говорить, как и об этике любой другой стороны света, но только как об этике, о которой мы подумали в самый последний момент.

Драматизм арктической политики? Возникла угроза исчезновения или сильной деформации целого ряда северных цивилизаций. Но каждая из них, сколь бы она ни была малочисленна и, на первый взгляд, экзотична, казалось бы и не применима к современной жизни - если смотреть с утилитарных позиций - каждая цивилизация имеет самостоятельную ценность, как чисто человеческую, так во многом и практическую (которую мы сейчас мало представляем).

3. Мне представляется, что суть ситуации - выбор между развитием современного образа жизни и сохранением сложившихся здесь локальных цивилизаций. Все народы имеют право и, наверное, должны жить по возможности более комфортно. Но в некоторых случаях создание таких комфортных условий может нарушить сложившиеся обычаи, культуру. Здесь необходимо найти именно ту самую меру, которая позволила бы сохранить коренные народности, их культуру, и вместе с тем, дала бы максимум благ современной цивилизации.

4. Что понимать под "сбалансированным развитием"? Если в баланс включать и этические основания, то к такому развитию надо стремиться. А что заложить в основу? Каждый человек, особенно человек, от которого зависит принятие решений, понимает сбалансированность по-своему. Многие хозяйственники, например, понимают под сбалансированностью выполнение заданий плановых с одной стороны, и создание необходимых жизненных условий сотрудникам предприятий - с другой. Человек, мыслящий более широкими категориями, включает в баланс весь набор культурных ценностей, и такие условия труда, которые не угнетали бы человека, не допускали бы его деградации. Еще

шире? Можно включить все этические вопросы, о которых говорили выше. Если вопросы этические включать в сбалансированное развитие, тогда вопрос отпадает сам по себе.

Г.С. Батыгин

ШАББАТ - ЭТИКА СЕВЕРА?

Прежде чем взять на себя смелость принять участие в экспертизе арктической политики, я обязан сделать одно предварительное замечание, хотя бы для того, чтобы оправдаться.

Дилетанту, который знает о Севере из книг либо понаслышке, не составило бы чести выдавать себя за эксперта, если бы не идея, привнесенная из, казалось бы, инородной топики и давшая автору уверенность, что его высказывания не праздные. В экспертизах даже глупости часто оказываются небесполезными, поскольку о них смогут судить профессионалы. Мыслью о парадигматической трактовке Шаббат я обязан беседам со своим коллегой Самуилом Клигером по вопросам Галахи и особенно признателен ему за возможность прочитать в рукописи статью об экологической интерпретации субботней заповеди.

Позволю себе предварить ответ на поставленные вопросы кратким описанием заповеди о субботе.

Сначала текст первоисточника - Торы: "Помни день субботний, чтобы святить его; /шесть дней работай и делай все дела твои/, а день седьмой - суббота Господу Богу твоему; не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни скот твой, ни прозелит (пришелец), который в жилищах твоих, /ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них, а в день седьмой почил; посему благославил Господь день субботний и освятил его" (Исход, 22, 8-11).

Казалось бы, что общего имеет еврейская Суббота с этосом Севера где сам факт появления еврея (по твоей воле) – событие экстраординарное?

Север привычно воспринимаемый как "район нового освоения", то, можно пользоваться безнаказанно, воспринимается сегодня как край Эйкумены - граница человеческого пространства, где происходит столкновение с предельными вопросами бытия. В спокойном (относительно) "центре земли", в Москве, например, предельные вопросы сознаются как серьезные, но далекие, а здесь, на краю света, они "даны в ощущения". Может быть, именно на Севере пролегает та граница опыта, где кончается опытное знание и начинается вера? Может быть, именно на Севере "хомо идиотес" - человек простой - дошел до запретной зоны и изумился, что суровая природа оказалась столь хрупкой и беззащитной? Оказалось, что раны от бульдозерного ножа на Севере не заживают. И, может быть, именно на Севере человеку предоставлен шанс остановиться и замереть перед величием Его творения, и понять - на секунду - собственное паскудство?

Если бы требовалось ответить на вопрос, что такое этика Севера, можно было бы сказать: это этика покоя. История знает трагическую дилемму действий и покоя на протяжении тысячелетий. Человек проклят трудом не потому, что в поте лица своего обязан добывать хлеб свой, а потому, что обречен разрушать гармонию мира, внедряться в него своим органом и мнить при этом себя разумным.

Ни одно - даже самое крупное животное - не наносит вреда природе. Че-

ловек же еще не понимает своего мирского предназначения в ожидании суда. Хомо фабер - человек преобразующий, для которого мир - экспериментальная лаборатория, создал удобную для себя оптику полезности, порождением которой и является неудержимое стремление к интервенции в "районы нового освоения". При этом он мнит себя благодетелем туземцев, которые оказываются совершенно беззащитными перед оптикой полезности.

Шаббат не просто безделье. Это философия и ритуал отрешения от греха "полезного" вмешательства в мир и погружения в великий труд созерцания Бога. Чтение Торы, чистый огонь ритуального подсвечника, неспешный разговор с детьми, светлая атмосфера семейного единения образуют альтернативу шестидневным делам, суете и томлению Духа.

Строгость заповеди поддерживается запретом совершать дела с началом субботы, после захода солнца в пятницу, под страхом смерти: "Кто осквернит ее (субботу), тот да будет предан смерти: кто сделает в оную дело, та душа должна быть истреблена из среды народа своего" (Исход, 31, 14). Разумеется, процессуальные нормы Санхедрина практически исключают прецеденты избиения камнями за осквернение субботы, но самое главное в том, что "полезные дела" в день покоя - величайшее преступление перед Законом. Шаббат отесняется, как трактует Галаха, ради спасения здоровья и жизни человека.

Хитроумный секуляризированный критик может в очередной раз посмеяться над талмудическим ритуалом из-за его видимой ненаучности и совершенно нерациональной детализации прецедентов.

"Пашущий подлежит наказанию за малейшее количество работы: полющий и обрезающий сучья или ветви подлежит наказанию, какую бы часть работы они ни исполнили; подбирающий валежник (хворост) для очищения почвы подлежит наказанию за малейшее количество работы; если же валежник подбирается для топлива, то наказание наступает тогда, когда количество собранного достаточно для сварения легкого яйца. Подбирающий травы для улучшения почвы подлежит наказанию за малейшее количество работы; если же трава подбирается для корма скоту, то наказуемость наступает тогда, когда собрано травы в размер рта козленка" (Шаббат, гл. XII, 2; пер. Н. Переферковича, Талмуд; Мишна и Тосефта. Т. 2, СПб. Издание П. П. Сойкина, 1903, с. 67).

Требовать обоснования, имея в виду рациональность предписаний Талмуда, здесь бессмысленно - Галаха должна быть заучена наизусть и неукоснительно выполняться. Человек Севера в отличие от "хомо фабер" понял бы предписания Шаббат если не в их содержании, то в их интонации, поскольку традиционная - уже архаичная - культура Севера тоже опирается на детальные ритуализированные предписания, создающие этос ненасильственного существования человека на Севере. И сама природа здесь не натура, а космос, звучащий как гармоничный аккорд. Человек Севера слышит этот аккорд, и скрип преобразования равнозначен для него святотатству - как гусеничная колея в тундре, как тара и металлолом на северном побережье, как гиганты индустрии в Заполярье.

Может быть, в философии Субботы смыкаются географически и этнически не пересекавшиеся до сих пор духовные традиции, и это смыкание доказывает общность бытийных истоков и грядущей судьбы людей?

Теперь - ответ на вопросы экспертизы.

1. Понятие "человеческое измерение" - скорее всего, порождение нашего стремления противостоять технологической интервенции в мир и одновремен-

но безъязыкости цивилизации, утраты имени. Поэтому, в определенной мере, "человеческое измерение" - элемент новояза. Измерение предполагает континуум, безразличную к бытию количественную определенность. В конце концов, Север как "район нового освоения" или полигон для ядерных испытаний - тоже результат человеческого "измерения", можно сказать, "человеческого, слишком человеческого" измерения. Если уж продолжить эту парафразу, этике Севера, по большому счету, это - мост к сверхчеловеку, выход за пределы инструментального, полезного существования в свободу. Этике Севера в этом плане не северная этика, а шанс для человечества.

2. Этика Севера - в принципе - не отличается от этики Юга. Но речь идет не об арктической этике, а об арктической политике. Здесь нужна не созерцательная мораль, но дело, такое, которое бы совершило немислимый переход от восприятия Севера как "подручной вещи" к пониманию его самодостаточности. Если угодно, нужно сделать все возможное, чтобы превратить Север в заповедную зону.

3. Типичный конфликт арктической политики - столкновение идеологии "освоения" и экологии, в том числе этнической экологии. Идет конкиста XX века, и Север терпит поражение перед алчными завоевателями, где силой, где хитростью меняющими золото на пустую консервную банку.

4. "Сбалансированное развитие" скрывает в себе словесный маневр для продолжения конкисты. Настоящий "баланс" - эквилибриум экологической системы Севера возможен только при невмешательстве в его жизнь. Иначе получится диалектика: с одной стороны,... с другой стороны,... - тоже разновидность войны. Советские, американские, канадские границы образуют препятствие для сохранения Севера, но хорошо, что пока это препятствие есть. Может быть, здесь появится возможность международной юрисдикции?.. Что касается народностей Севера, то, по всей видимости, надо смириться с утратой реального существования традиционной культуры - возврата нет. Эту культуру надо хранить как историческую память, но жизнь на Севере возможна сегодня как подвижничество. Но не исключено, что такое подвижничество не будет редкостью.

5. Декларация "Базовые ценности и основные принципы арктической политики" по своему содержанию выходит за рамки региональных проблем и имеет общегуманитарное значение. Главная идея Декларации о гармоническом развитии Арктики, как компонента становящейся ноосферы (планетарного единства природы и человека), реализуема лишь в том случае, если новое гуманитарное мышление станет императивом человечества.

И.Э. Бекешкина

ПРИОРИТЕТ – ЛИЧНОСТЬ

1. "Человеческое измерение" - безусловно, не схоластика и не открытие периода перестройки. Это - суть нравственной оценки общества еще с тех пор, как было сказано: "Человек есть мера всех вещей". Применение этого критерия в принципе претендует на абсолютность, но сталкивается с такими же претензиями со стороны иных способов измерения человеческой жизни - экономической эффективности или независимой от человека объективной истины /хотя и они, конечно, тоже являются формами человеческого бытия в мире/.

"Человеческое измерение" в арктической политике означает признание в

качестве приоритета не идеи светлого будущего человечества и даже не глобальной экономической пользы для страны в целом, а жизненных интересов человека, живущего на Севере. А для этого народ должен стать хозяином земли проживания, ее недр и всего содержимого на ней.

2. "Арктическая аксиология", "Этика Севера", конечно, существуют, хотя сегодня модно делать акцент на "общечеловеческих ценностях". Однако подобно тому, как по-прежнему различаются христианская этика и этика ислама, а в русле христианской - этика православия и протестантизма, так же, очевидно, специфичны и нравственные представления коренных народов Севера. И дело здесь не в географическом направлении "розы ветров" /Юга, Востока, Севера/, а в неповторимости истории и образа жизни. Может оказаться, что у народов Арктики больше общего с индуистским буддизмом, чем с мышлением современного шведа.

Вопрос о том, каковы должны быть нормы и ценности арктической этики, вряд ли правомерен, ибо она есть, реально существует, и задача ученого - ее изучение и перевод на рефлексивный язык.

Драматизирует арктическую политику то обстоятельство, что она должна одновременно охватывать человеческие общности, базирующиеся на двух различных культурно-ценностных основаниях: патриархальную культуру коренных народов и индустриальную цивилизацию переселенцев. От того, насколько удастся наладить диалог и взаимопонимание между ними, зависит будущее Арктики.

3. Наиболее типичный конфликт /и не только арктической политики/ в выборе приоритетов. Традиционно в нашей стране была принята следующая иерархия: государство - класс - коллектив - семья - личность, то есть первенствовала всегда общность как можно большего масштаба. Критика тоталитаризма пока не привела к коренной перемене принципа, переворачиванию пирамиды в пользу личности. Более того, сегодня, с возрождением национального самосознания, эта приоритетность все более перемещается к нации, народности, и личность опять остается величиной производной, вторичной.

Видимо, при определении в качестве приоритета арктической политики сохранения северных народов следует решить: остается ли право у индивида, составляющего народ, на выбор культуры, ценностей, стиля жизни, или он обязан следовать здесь за традиционными для народа ценностями? Раньше индивид лишался выбора, поскольку насильно, грубым вмешательством извне уничтожалась сама основа традиционного образа жизни - среда обитания и традиционных занятий. Поэтому, естественно, первый шаг на пути реализации права на выбор - сохранение самой основы этого выбора. Однако можно удариться в другую крайность, лишить индивида выбора иным, противоположным образом: заранее, с рождения условиями воспитания и образования крайне ограничить возможности, обрекая на традиционный круг занятий и образ жизни. Это - не пустые опасения; во время практикума "Самотлор-2" приходилось в разговорах с национальной интеллигенцией слышать об "излишности" среднего образования, которое может подвинуть индивида к выбору иного, нетрадиционного выбора жизни за пределами ареала обитания коренных народов.

Как показывает опыт истории, всякая попытка сохранить существование за счет урезания личностной самостоятельности, изоляционистское отгораживание от мира как способ сохранить свою самобытность неизбежно ведут к консервации достигнутого уровня развития, а затем - к застою и упадку. Поэтому жестко встает задача бесконфликтного соединения традиционного образа

жизни, ценностей северных народов с достижениями современной цивилизации.

4. "Сбалансированное развитие" не означает равномерного, пропорционального развития всех сторон общества, это, скорее, подчиненность принятым приоритетам. Если в качестве такового считать этическое измерение, то это означает, что все развитие подчиняется интересам человека. Эта идея вполне согласуется с идеей приоритетного для Севера развития образа и стиля жизни до того рубежа, пока за личностью признается такое же право выбора своей жизни и судьбы, что и за народом. Если же каждому индивиду из коренных народов заранее определена его судьба, это входит в противоречие с этическими приоритетами и означает тот же национальный тоталитаризм, который ничем не лучше державного.

5. Относительно замечаний к проекту декларации "Базовые ценности и основные принципы арктической политики":

- в Декларации говорится о необходимости дифференцированного подхода "к различным территориальным частям Арктики", однако отсутствует принцип дифференцированного подхода к различным социальным общностям, населяющим Арктику, различающимся по национальному, культурному, образовательному признакам, времени проживания на Севере;

- неясно, кто же является субъектом арктической политики, кому, собственно, рекомендованы разрабатываемые в Декларации принципы и задачи: даже если это не центральные ведомства, у которых на Севере специфические интересы, а органы местной советской власти, то и тогда, в силу действия демократических механизмов принятия решений большинством, эти решения далеко не всегда будут в пользу коренных народов Севера. Следовательно, необходимо подумать над механизмом реализации хороших принципов и задач;

- совершенно обойдена основополагающая хозяйственная сторона жизни северных народов. Как скажется на приоритетах арктической политики всеобщий переход всех территорий страны на хозрасчет и самофинансирование?

Л.С. Березин

СЕВЕР БЕЗ МИФОВ

Человеку всегда свойственно мифологизировать окружающий мир, усложняя семантику отражающих его понятий, "нагружая" их неочевидным /но всегда, впрочем, объяснимым, доступным "расшифровке"/ семиотическим содержанием. Причем в еще большей степени, чем к любым другим, это относится к понятиям, отражающим пространственные параметры и координаты жизнедеятельности общества, что, очевидно, обусловлено пространственной ограниченностью как индивидуальной, так и коллективной жизнедеятельности. Чем менее экономически, информационно ассимилирован тот или иной феномен в социальную жизнь, тем большую семиотическую "надстройку" он приобретает.

Что такое Север? Любой словарь легко даст вам ответ: точка горизонта, сторона света, земля, там лежащая. Чисто географический термин, отсылающий нас к "меридианам и полюсам Земли". Отчего же так часто мелькает он в речи социолога и экономиста, политолога и филолога, а теперь еще и этиков? Очевидно, потому, что семантика этого слова намного богаче его сугубо гео-

графического содержания. Такого рода констатация, очевидная сама по себе, оставляет, тем не менее, ряд вопросов, касающихся интерпретации семиотических значений слова "Север" и ее границ. Этот подход, впрочем, в той же мере применим и к трем другим географическим координатам.

С феноменом семиотизации слова "Север" мы сталкиваемся еще в детстве, в волшебной сказке, где Север зачастую выполняет многоцелевую функцию, во-первых, персонажа, во-вторых, сказочного пространства с, вообще говоря, строго определенными параметрами. В первом случае Север выступает в качестве потенциально, а зачастую и актуально, враждебной герою могущественной, "надчеловеческой" силы. В таком представлении отражается то чувство опасности, которое вольно или невольно внушает Север как предельно дискомфортная и, в известной степени, "внечеловеческая среда, предельно обнажающая противоречие "культуры и природы". Стоит отметить, что ни одна другая сторона света не получила подобной семиотической "надбавки". Во втором значении волшебная сказка изображает Север в качестве специфического пространства, всей своей организацией иницирующего размеренность, осторожность, созерцательность, постоянную готовность к возможным неожиданностям как главные требования к поведению героя. Сюрпризность, описываемость в терминах "лунного пейзажа", обязательное одиночество героя, романтическая интерпретация ландшафта отражают в волшебной сказке неизведанность, неосвоенность Севера, где "внеземность" пространства означает его незначительную ассимилированность культурой, социумом.

В этом последнем смысле, казалось бы, Север является идеальным пространством утопии, как народной, так и, в большей степени, литературной, одной из наиболее распространенных форм, которой выступают так называемые "утопии пространства" или "утопии бегства". Последние, как правило, располагали идеальное государство в неопределенно далекой географической точке, хотя и с вполне ясно описанными координатами. Главное требование к ней заключалось в неочевидности параметров территории, неполной верифицируемости ее изображения. Однако среди литературных утопий практически нет ни одного примера пространственной организации утопии в северном ландшафте. Причина, очевидно, в том, что даже при известной романтизации Севера внушаемое им чувство опасности и дискомфорта явно противоречит неявно сформулированным, но вполне определенным требованиям к физико-географическим параметрам территории идеального общества. Север - пространство преодоления, а не наслаждения, и в этом смысле, антиутопическая, сугубо прагматическая среда.

Все предшествующие рассуждения специфицируют Север в ряду других сторон Света, а уравниваются они в идеологической интерпретации. Да, Север здесь уже наравне с Югом, Западом, Востоком, это "идеологическое понятие" и знак. И не только в терминах геополитики, которая страны и народы располагает на двух взаимосвязанных "осях" - Восток и Запад, Север и Юг. Север получил наряду с этим и вполне определенное значение политико-идеологической репрессалии, и объекта "бытового расизма" в укоренившихся стереотипах конкистадорского освоения.

Следует отметить, что аналогичные семиотические значения могут получать и другие, отнюдь или не вполне северные территории, в том случае, если они обладают, пусть и не в полном объеме, сходными параметрами: суровостью климата или рельефа, слабой социально-экономической освоенностью и т.д.; таким образом, сама географическая определенность пространства имеет

здесь лишь вторичное значение. В этом смысле понятие "этика Севера", так же как, допустим, "этика Востока", не имеют собственного содержания, точнее, вкладываемое в них содержание им самим не принадлежит, будучи "делегировано" либо идеологическими /нравственные нормы, отождествляемые с той или иной политико-экономической системой/, либо этносоциальными /традиции и нормы поведения определенных этнических групп, неотъемлемым элементом которых данная территория является/ факторами. Этическое измерение здесь отражает столкновение культур, общностей, различие которых идеологически или этнически обусловлено, т.е. ситуацию универсальную, индифферентную к ее географическим координатам. Использование термина "этика Севера" здесь, на наш взгляд, выступает, с одной стороны, уступкой, а с другой - развитием мифологии Севера, имеющей давние традиции и приобретающей сегодня, очевидно, новых адептов. Попытка безобидная, но лишь в том случае, если не уведет нас от здоровой прагматики, выступающей главным критерием эффективной политики на Севере.

В чем сейчас в первую очередь нуждается арктическая политика, так это в отказе и осуждении экономических, политических и духовных основ конкистадорства как средневековой, по сути, формы колонизации, построенной не на ассимиляции, а на тотальном разрушении существующей на территории цивилизации да и самой территории. В этом, если угодно, ее "человеческое измерение", хотя сам термин представляется, скорее, публицистичным, нежели научным по причине как своей предметной неопределенности, так и явной идеологичности. В политическом лексиконе он означает не больше и не меньше как необходимость соразмерять деятельность по экономическому, социальному и культурному "освоению" северных территорий /кавычки здесь представляются уместными, поскольку этот регион давно освоен, и сам термин отражает не более чем высокомерие индустриальной цивилизации/ с потребностями и интересами населяющих их людей, т.е. с этической, социологической и любой другой точки зрения. Если же все-таки принять этот термин, то его предметная область должна включать в себя, по нашему мнению, взаимодействие социальных /в специфическом - социально дифференцирующем – значении/ факторов и сред, с одной стороны, и всех иных - физико-географических, экономических и т.д. - с другой, а также меру корреляции социосферы с интересами и потребностями индивидов и групп, т.е. ее социально-воспроизводственный потенциал. В этом смысле термин "человеческое или социальное измерение" содержательно связан с концепцией взаимосвязанного или сбалансированного развития территории, основанной на принципе взаимосоответствия природной, техногенной, этносоциальной, политической и культурной сфер, с одной стороны, и консенсусе социальных групп и общностей - с другой. Проблема в том, что и та и другая части "баланса", их критерии характеризуются высокой степенью неопределенности.

Перспективы консенсуса на Севере объективно осложнены изначальным различием, жесткой дифференциацией потребностей и ориентаций населяющих территорию групп, а также присутствием лишь частично репрезентированных здесь общерегиональных и внерегиональных интересов. Основными социальными субъектами выступают: 1) коренное население, представленное народами, ассимилировавшими данную территорию как составляющую своего этноса, а также приезжими, занятыми традиционными формами хозяйства; 2) приезжее население, занятое индустриальной деятельностью и ее обслуживанием, как постоянное, так и временное; 3) население региона в целом, в той

или иной форме воспринимающее давление северных проблем и иницирующее характер и цели их регулирования; 4) население страны в целом. Нет нужды говорить о противоречивости, конфликтности данного континуума интересов, разнонаправленности присутствующих здесь ориентаций, среди которых: 1) патриархальная, 2) популистско-перераспределительная, 3) либерально-сциентистская, 4) державно-идеологическая.

Очевидно, что ни одна из этих ориентаций, репрезентированных, как правило, самостоятельными социальными субъектами, не может быть реализована в чистом виде; не они являются объектами нравственного, политического выбора. Только признав это, мы сохраняем возможности "северного" консенсуса. В противном случае, мы остаемся пленниками мифа о Севере, приобретающего все более разрушительную роль.

И.В. Бестужев-Лада

... НЕОБХОДИМА РАЗРАБОТКА ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА

1. "Человеческое измерение" - это калька с американского, где оно стоит в давно установившихся понятийных рядах и противостоит "социальному", "экономическому" и другим "измерениям". У нас данное словосочетание стало обычным пустословием типа "человеческий фактор" и т.п., причем неясно, что именно тут "человеческого", что "измеряется" и чему противопоставляется. Чтобы пустословие превратилось в научную категорию или хотя бы в конструктивный элемент последней, необходима разработка понятийного аппарата в определенном понятийном ряду, с установкой надсистемы и подсистем /структуры понятий и их место в системе понятий/. До этой работы - хотя бы в постановочном плане - на мой взгляд, целесообразнее выражать смысл, скрываемый приведенным словосочетанием, более привычным термином типа: приоритет подлинно человеческих ценностей /относительно технических, экономических и т.п./.

2. "Север" в мировом общественном сознании сегодня - это развитые страны "Запада", противостоящие развивающимся странам "Юга", т.е. Азии, Африки и Латинской Америки /две последние не подпадают под традиционную категорию "Восток"/. Поэтому понятие "Этика Севера" - изначально двусмысленно и будет понято как этика самодовольных североамериканцев, западноевропейцев и японцев. Что касается "Арктической Аксиологии", то это словосочетание вряд ли будет соотнесено с так называемыми "народами Севера", поскольку те заезжают в весьма умеренные широты, а, скорее, отнесется к специфике этнических отношений среда участников полярных экспедиций. Но тогда должна быть и "Арктическая идеология". Что касается самих понятий применительно к "народам Севера" или вообще к людям, живущим за Полярным кругом, то они выглядят оскорбительно для северян выделением их из людского сообщества в особый разряд. Наверно, рациональнее говорить о специфике экономических, социальных, этнических и т.д. отношений в условиях Советского Севера /в отличие, скажем, от Средней Азии или от Канадского Севера/.

3. Типичные проблемные ситуации на Советском Севере /"Арктическая политика" - тоже двусмысленно, ибо под ней можно понимать также борьбу за Северный Ледовитый океан, вообще за Арктику, с США и Канадой, по аналогии с "Балтийской политикой". "Дальневосточной политикой" и пр. /связаны с конкистадорским хищничеством, трагедией ассимиляции коренных народностей и

деморализацией людей, поставленных в условия хищников - "покорителей". Это вершина "дерева проблем", каждый элемент которого легко поддается деагрегации.

4. Против идеи /и "этики"/ "сбалансированного развития" нет принципиальных возражений, если понимать под этим противопоставление как концепции "покорения Севера", так и концепции "консервации Севера" насильственно-утопической попыткой возврата к далекому прошлому, т.е. стремление сохранить основополагающие цивилизованные балансы - топливно-энергетический, материально-сырьевой, экологический, демографический и др., не допуская нарастания дисбалансов, что имеет место в настоящее время. Всякое другое значение опять-таки будет двусмысленным, а "этика" оказывается тут притянутой за уши, поскольку логически больше подходит "политика" /и уж затем - моральное отношение людей к той или иной политике /.

Непонятно также словосочетание "приоритетное развитие традиционного образа и стиля жизни". Это что же, "назад, к XIX веку"? Но ведь это – утопия, а мы уже реализовали одну такую /"казарменный социализм"/. Наверное, опять-таки имеется в виду ограниченное /сбалансированное/ развитие, ориентированное на подлинно человеческие ценности, с учетом всего конструктивного в образе жизни коренных народностей /но было много и неконструктивного, обреченного/.

5. Все мыслимые замечания к декларации "Базовые ценности и основные принципы арктической политики" сводятся к тому, что декларация успела устареть и модернизировать ее можно только с учетом того, что наша страна собирается менять свой социально-экономический и политический строй /при любых вывесках типа социализм" и пр./ переходом на рыночную экономику и демократическую /многопартийную/ политическую систему. Специфика такого перехода в условиях Севера должна найти возможно более полное отражение в Декларации.

В.Г. Богомяков

"ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ" АРКТИЧЕСКОМ ПОЛИТИКИ – ЭТО, ПРЕЖДЕ ВСЕГО, АНИТЭКСПАНСИОНИЗМ

1. Понятие - "человеческое измерение" не воспринимается как схоластика или речевая фантазия эпохи перестройки. Возможно, измерение некоего человеческого начала в явлениях и процессах окружающего мира, подобно тому, как мы измеряем температуру или уровень радиации, даст возможность выйти из этики, основанной на логике "да - нет", с ее фундаментально-примитивными понятиями, берущими начало в заповедях Моисея и Нагорной проповеди, безусловно верными на все времена, вплоть до Апокалипсиса, но столь же безусловно тривиальными и обыденными.

Почему вообще, наряду со всем понятными добром и злом, стали говорить еще и о каком-то "человеческом измерении"? Может быть потому, что в настоящее время многое из зла начинает себя обнаруживать как бесчеловечное, т.е. яснее и обозначимее становятся нити, ведущие к конечной вселенской катастрофе, к уничтожению человека как космической уникалии. В кризисный момент начинают очень остро задумываться над тем, что же такое человек, и здесь проявляется вся убогость, недостаточность, тривиальность знаний, кото-

рые дают науки об обществе и человеке. В данной ситуации новое, более глубокое понимание человека, "человеческого измерения" реальности возникает, как думается, не как результат чисто научного теоретизирования, а во многом как результат интуитивного прорыва, конкретной работы по высветлению бытия, попытки выйти за пределы наличной социальности к новому обществу с человеческим лицом, выйти за пределы существующих парадигм, постигающих мир как единый живой организм.

Находящееся в становлении новое понимание человека, по-видимому, не некая строгая научная доктрина или теория, а, скорее, своеобразное гуманистическое искусство, мудрость особого рода, дающая канал расширения гуманистического сознания. Сам предмет рефлексии выступает против "позиции стороннего наблюдателя" против холодного объективизма. Кабинетный ученый, занимающийся "человеческим измерением" наподобие того, как занимаются классификацией бабочек - явление противоестественное.

Можно наметить несколько самых общих принципов, ориентирующих субъекта на "человеческое измерение" окружающего: принцип изначального /"богоданного"/ равенства всех проявленных в той или иной ситуации сил; принцип миролюбия, миротворчества, стремления к компромиссу, диалогу; антисхоластика, ориентация на живое постижение жизни; ориентация на наилучшие международные стандарты, отвечающие общечеловеческим идеалам; установка на красоту, гармонию, здоровье.

Применительно к арктической политике "человеческое измерение" - это, прежде всего, антиэкспансионизм. До последнего времени в общественном сознании прочно сидела мысль о том, что экспансия тех или иных социальных структур на все новые и новые пространства - это всегда, безусловно, хорошо. Такая мысль непосредственно вытекает из идеологии алчности, призывающей удовлетворить все новые и новые "возвышающиеся" потребности, заставляя природу работать на себя. Сейчас происходит кризис этой идеологии. Далее, "человеческое измерение" арктической политики - это недопустимость примата одних интересов над другими, пусть даже менее "научными", "цивилизованными", "экологически-гуманистическими" и пр. Только режим согласования, в котором до конца должны проявиться внутренние, сущностные тенденции всех сил, включенных в арктическую политику. Этот момент представляется особенно важным, т.к. всегда есть соблазн - объявить монополию на истину и сделать политику одномерной. Раньше политика строилась под безусловные технико-экономические приоритеты, а сейчас, похоже, приоритеты экологической чистоты уже начинают восприниматься как некая аксиома, лежащая вне зоны критики. "Человеческое измерение" арктической политики, как и вообще любой политики, предполагает, что арктическая зона и все проявленные в этой зоне силы должны выступить не объектом манипуляции, а некой самоуправляющейся системой, "полем с сопряжения общих усилий", для чего необходим поиск консенсуса, приведения всех субъектов арктической политики к режиму согласования. Современная ситуация свидетельствует о том, что вообще не следует переоценивать роль науки в политике. Особенно, как нам кажется, это относится к арктической политике, накладывающейся на некую предельную сферу существования современной цивилизации, где обнаруживается вся нелепость воздвигнутых ею конструкций, за которыми открывается страшная бездна.

Весьма забавной представляется мысль об арктической политике как о чем-то, базирующемся на комплексе наук, т.к. этот комплекс - бессмысленный хоровод глухого, слепого, немого, безрукого и одноногого.

Разумеется, науки должны участвовать в арктической политике - изучать некоторые особенности и взаимосвязи компонентов арктической зоны, но именно участвовать в политике, а не составлять ее фундамент.

2.-4. Допустимо ли говорить об "этике Севера"? Наряду с общечеловеческими нравственными ценностями можно, как нам кажется, выделить различные "этики", основанием для которых являются различные мировоззрения, миропонимания, в которых некоторые аспекты человеческого бытия как бы "приглушены", другие, наоборот, усилены, некоторые из которых являются более глубокими, другие - более поверхностными и т.д. В таком случае, отвечая на заданный вопрос, следует отметить существование разных "этик Севера".

Прежде всего, это этика народов Севера, которые традиционно здесь жили. Индустриальное насилие над Севером своими негативными последствиями имело не только разрушительное воздействие на природу, не только разрушение основ традиционной жизнедеятельности, но и непоправимый моральный ущерб, нанесенный северным народам.

Вторая "этика Севера" - этика покорителей, освоителей ценностей, которые в свое время были хорошо описаны у Джека Лондона. Уже сам глагол "освоение" имеет противоречивые смысловые оттенки; с одной стороны, человек овладевает чем-либо, а с другой - вынужден изменяться для того, чтобы овладеть. Слово "освоение" произошло от "свой" и, действительно, на самом общем уровне специфика ситуаций освоения связана с взаимодействием, взаимопереходом "своего" и "чужого". Освоительская этика, которая восторжествовала при движении на Север нефтяных и газовых ведомств, рассматривала весь Север как нечто безусловно "чужое", выступающее в качестве источника безграничного потребления; при этом "свое" в рамках такого миропонимания неизбежно становится сферой полного своеволия, волюнтаризма, безграничных, каких угодно изменений. Такая "этика" нередко может проявлять себя в форме оборонно-наступательного мышления. Далек не случайны все эти образы "трудового фронта", "битвы за нефть" и т.д. и т.п. Освоение в такой его модификации было бы правильнее считать производным от слова "война", чем от слова "свой".

В настоящее время мы наблюдаем кризис описанной "этики". Происходит осознание некоторых пределов в человеческих действиях, осознание того, что любая среда не безгранична как источник потребления, а сам ты можешь в процессе освоения вызвать в себе необратимые деградационные изменения. Формируется новая этика - "этика разумного освоения" или "этика сбалансированного развития". Она предполагает более бережное отношение и к "своему" и к "чужому", становящемуся "своим", отслеживание и контролирование наиболее опасных участков деятельности, проведение разного рода компенсаторных и восстановительных мероприятий, "заботу" о малых народах и т.д. На этапе сбалансированного развития субъект освоения осознает ограниченность узкоутилитарных целей, но это, разумеется, не значит, что он вдруг начинает жить по законам гуманизма, просто он становится более разумным, более рационалистичным. Оборонно-наступательное мышление начинает размываться определенным либерализмом, умеренным плюрализмом: черно-белые представления о мире сменяются многоцветной картиной, где есть и полутона, есть то, что "ни хорошо, ни плохо" и т.д.

Существует (правда, в головах незначительного числа людей) и еще одна "этика Севера", которая может прийти на смену "этике сбалансированного развития", если История будет иметь свое продолжение. Эта этика предпола-

гает осознание того, что "свое" не совсем свое и "чужое" не совсем чужое, т.е. субъект должен будет осознать себя клеточкой развивающегося, постоянно трансформирующегося мирового организма, должен будет выйти из эгоистических рамок к беспредельности текучих, взаимопереплетающихся форм жизни, осознать свою неабсолютность, основанность на бесконечном множестве отношений и свою ответственность перед существующим. Это и будет подлинная гуманизация освоения Севера, т.к. такое понимание предполагает нравственное отношение ко всему существу: к себе, к другим, к миру вообще.

Л.С. Богословская

КТО ЖЕ ТАКИЕ МЫ, ИДУЩИЕ НА СЕВЕР?

Со всей откровенностью нужно сказать: "Мы сделали Арктику, Сибирь и Дальний Восток нашими внутренними колониями, сырьевыми придатками не только центральных и южных районов нашей страны, но и многих зарубежных государств". За счет этих регионов мы развиваем промышленность других стран и свою собственную. А ведь сейчас ни одна страна в мире без самой острой необходимости не разрабатывает северные, а тем более полярные месторождения. Это недальновидно и экономически не выгодно: ведь стоимость их освоения и эксплуатации та же, что полеты в космос.

Целый ряд проблем многих республик решается за счет природы Севера, самой жизни коренного и старожильческого населения. По тому, кто едет в эти регионы, можно безошибочно определить "горячие точки нашей страны". В погоне за деньгами сотни тысяч приезжих вламываются в северную природу, захватывают или сметают с лица земли маленькие поселки коренных жителей, прямо или косвенно убивают все живое. Многие министерства и ведомства процветают в значительной степени за счет Севера, поддерживают это рвачество в государственном масштабе, используют его как источник рабочей силы для очередных своих чудовищных проектов. Отрицательный экономический эффект после действий таких проектов неизмеримо превысит ту прибыль "в свой карман", о которой пекутся Миннефтегазпром, Миннефтегазстрой, Минэнерго и ведомства - смежники. Вопросы правового, гуманитарного и нравственного порядка при этом даже не возникают - как будто у северных земель, рек озер и морей нет истинных хозяев, живущих там многие сотни, а то и тысячи лет.

Необходимо четко понимать, что экономически /в рублях/ может быть оценена лишь небольшая часть отрицательных последствий добычи и транспортировки полезных ископаемых по тем технологическим схемам и в те сроки, которые предлагаются в современных технико-экономических обоснованиях. К сожалению, только эта часть последствий там и рассматривается на компенсационной основе, но рассматривается неполно, и во многих случаях ущерб природе и коренному населению занижен на несколько порядков. Однако наиболее значительный ущерб в областях экономики, культурно-исторического наследия, языковой среды, социально-этнической структуры коренного населения, его здоровья и генофонда, а так же многих сторон жизни приезжего населения, в том числе и вахтовиков, стоимостному измерению не поддается и, соответственно, ни в коей мере не компенсируется денежными отчислениями. Вопросы экологической безопасности, правовой, социальной и гуманитарной

ответственности нашего общества не подлежат исключительно экономической оценке. Как правило, в технико-экономических обоснованиях полностью отсутствует программа защиты историко-культурной среды коренного населения, его священных мест, кладбищ, культовых памятников. Так же отсутствует программа сохранения языков коренного населения. В целом технико-экономические обоснования не предусматривают даже попыток защиты социальной, культурной и духовной сфер жизни коренного населения, его судьбы, ведения отраслей хозяйства. При освоении месторождений, безусловно, будут нарушены следующие статьи Всеобщей декларации прав человека 17.2; 22,23.1; 23; 3; 25.1; 26.3 и 28. Как правило, в ТЭО также не рассматриваются проблемы сохранения здоровья, генофонда как коренного, так и приезжего населения и не учитываются все более обостряющиеся проблемы межнациональных отношений. Общая численность всех коренных жителей Севера и Дальнего Востока в настоящее время не превышает 180 тыс. человек. По мнению руководителей министерств и ведомств, осваивающих северные регионы, не стоит и печалиться о такой малости. Но уверена, каждый человек, обладающий хотя бы задатками нравственности, без колебаний возразит - стоит! Наше государство несет ответственность перед всем миром как за физическое сохранение народов Севера и Дальнего Востока, так и за сохранение того разнообразия культур и типов хозяйства, которое создано этими народами и прекрасно адаптировано к экстремальным природным условиям. Осознание себя частью природы, принципов "социальной солидарности с природой" позволили северным народам создать поразительную форму традиционного природопользования. В наше время они являются устоявшимися, исторически сложившимися компонентами северных экосистем и демонстрируют долговременный экологически сбалансированный способ освоения окружающей среды. Земли и воды Севера и Дальнего Востока издавна не только природная, но и культурно-историческая среда коренного населения. Для серьезного человека потерять ее означает потерять смысл жизни, а нередко и саму жизнь. К сожалению, проблемы взаимодействия европейской цивилизации с древними культурами народов, еще совсем недавно живших, да и сейчас во многом сохраняющих племенной уклад и родовые условия, очень трагичны.

В чем же дело, почему так губительно это соприкосновение? Почему столь не эффективны все попытки "белых братьев", часто искренние и безкорыстные, помочь этим народам? Мне кажется, дело, прежде всего, в принципиальном различии, часто в расхождении жизненных установок, культурных и социальных традиций северных и европейских народов. Опыт индустриального освоения как советский, так и зарубежный показывает, что никакая материальная помощь со стороны государства или ведомств, никакое строительство поселков и, так называемого соцкультбыта, не могут решить основных проблем бытия коренных жителей Севера, если они лишаются своих исконных угодий, богатых геологическими ресурсами. Абсолютное большинство тех, кто принимает решения по проблемам народов Севера у нас ли, на Аляске или в Канаде, очень смутно представляет себе, с какими человеческими общностями они имеют дело, какие пласты человеческих отношений они приводят в движение. Почти все "решатели судеб" подсознательно уверены в превосходстве европейских культурных и социальных стереотипов, европейского образа жизни, до которых и надо "подтягивать" коренных северян. Но, увы, "подтягивание" превращается в "вытягивание", а скорее, "выдергивание" людей из своей культуры, из своих традиций. Думается, дело совсем не в том, сколько тысяч или да-

же миллионов рублей, долларов, фунтов будет отпущено в помощь северным народам. Дело в том, что это именно помощь, а не субсидии на суверенное развитие народов, обладающих огромным культурным и духовным потенциалом, которому нет места в системе ценностей современной европейской массовой культуры. Думается, что пора понять, кто же такие мы, идущие на Север, в Арктику, какой собственной культурой мы обладаем. Ведь культура наша стала почти исключительно культурой внешних проявлений, она лишена обращения личности внутрь себя, к глубинным пластам сознания и подсознания. Культура наша стала самодовольной и навязчивой, решающей все вопросы с ходу, без глубокого размышления. И об этом нам надо думать. Нам надо посмотреть на себя прежде, чем начинать разработку и освоение северных и, тем более, арктических территорий, ведь Арктика осталась последним регионом глобального значения. Без Арктики мы не сможем сохранить наш климат, мы не сможем сохранить баланс биосферы всей планеты. И именно осознание того, что народы имеют право на свой собственный труд, понимание важности вклада традиций коренного и другого населения, ведущего племенной образ жизни, в культурное многообразие и социально-экологическую гармонию человечества должны сейчас лежать в основе всех разработок северных, а тем более, арктических территорий.

В.Т.Ганжин

СТРАНОВЕДЧЕСКИЙ РЕФЛЕКС В ЭТИКЕ КОНЦА XX ВЕКА

1. Понятие "человеческое измерение", по-моему, входит в давнюю традицию, связанную с конституированием и развитием философии как самосознания культуры. Обнаружив "человеческое измерение" мира, Сократ уточнил предмет философии, потеснил натурфилософию и освободил место для моральной философии. Первым "социологом" среди древнегреческих мудрецов решил предстать Протагор, утверждая, что "человек есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, несуществующих, что они не существуют" (последнее, правда, крайне сомнительно). Другие "антропологические волны", уточняющие предмет философии и ориентации развития культуры, были возбуждены Возрождением, различного рода стихийными бедствиями, тотальными (так они казались) угрозами, нарастанием деструктивных тенденций в механизмах цивилизации. Спад "антропологической волны", как можно полагать, совпадает по фазе с подъемом объективистски-натуралистических воззрений человека на мир. Диалог субъектоцентризма и объектоцентризма, видимо, отражает одну из специфически человеческих черт отношения к действительности в культуре. "Забуться" в практике преобразования мира или "вернуться к себе, вспомнить о человеческом, слишком человеческом" - такова альтернатива, таков выбор. Издержки субъектоцентризма в том, что он консервирует личные условия жизни и данный демографический контингент, ориентируя социальную программу на "прожигание жизни", а опасность объектоцентризма в том, что при этом человек - едва ли не последняя из мерок общественного богатства и культурного наследия. Если судить так, то придется признать, что разговор о "человеческом измерении" был затеян, чтобы хоть немного уйти от крайностей объектоцентризма (расхищение национальных богатств в угоду

централистки-организованному социальному управлению, ведомствам, эксплуатации всех видов производительных сил ради отчетной цифры и т.д.).

Имеет ли моральные измерения понятие "человеческое измерение"? Если мораль человечна, то вопрос об этом вообще не возникает. Вопрос в другом: как мораль помогает человеку соизмерять с собой действительность? Не является ли она основным средством координации между "миросознанием" и "самосознанием" человека (Д. С. Шимановский)?

Измерять мир, в том числе и мир Арктики, можно "желудком", "ногами", "головой", "сердцем", "печенью" и даже "щитовидной железой" (если Семипалатинский ядерный полигон перенесут на Новую землю). Ясно, что преимущественные с точки зрения культуры и экологии масштабы измерения - это "ноги" и "сердце", как у Дм. Шпаро, или "голова" и "воображение", как у Р.Кента.

Коренные же северяне, к примеру, гренладские эскимосы-инуиты, имели свой образец человеческой соизмеримости Арктики, "создав такое совершенное орудие охоты на морского зверя, как гарпун с поворотным наконечником, охотничью лодку - каяк, ставшую прототипом современной байдарки, глухую меховую одежду специфического покроя, куполообразное жилище из снега - иглу, жировую лампу для варки пищи, освещения и обогрева жилища". И еще один показатель - эмоциональная тональность моральной лексики языка. По отзывам специалистов, эскимосский язык не содержит не только бранных выражений, но и сколько-нибудь резких, задевающих человеческое достоинство характеристик.

Интересы этики, по-моему, состоят в том, чтобы двигаться от минимума (признавая необходимость учета "человеческого измерения" современных процессов, освоения Арктики) к максимуму (утверждая в рамках планетарной социальной и культурной экологии уникальность места арктической полярной этнодемографической и социально-нравственной общности как составной части современного человечества).

2. Поскольку я сторонник страноведческой этики (см: Ганжин В.Т., Алексина Т.А., Петякшева Н.И. Глобальная /страноведческая этика/ Вестник Московского университета, серия 7, 1989, № 4), постольку полагаю, что в мысли Паскаля: "вопрос нравов - это вопрос географической широты" есть для современности свое рациональное зерно. Оно состоит в том, чтобы с помощью выработанных полярными и приполярными народностями культурных образцов экологизировать хозяйственное мышление в ареалах умеренных широт, используя их также как урок для смягчения нравов (хотя бы как аргумент против концепций врожденной агрессивности человека, а также как реальный аргумент в профилактике самоубийств в умеренных широтах, в воспитательной практике, когда этос жизнелюбия падает до самой низкой отметки, а дух морально разоружается и впадает в нигилизм). Следует подумать об ответной реколонизации духовной жизни населения умеренных широт, обогащении ее арктическими ценностями ("коммунитарность", жизнестойкость, простота и доверительность в межличностном общении, воспитании и социальном управлении, "аксиологическая прозрачность" арктической картины мира) как условия, которое необходимо выполнить для того, чтобы современное мировое сообщество могло перейти от состояния демографического конгломерата к состоянию общепланетарной нравственной общности.

3. Арктическая политика, чтобы быть таковой, должна разрабатываться и осуществляться за полярным кругом. Для объединения усилий по экологической защите и оздоровлению арктической природы различных стран - СССР,

Канады, США, Дании и др. - стоит, видимо, учесть опыт международного освоения Антарктиды. Как минимум следовало бы изменить политику развития Арктического и антарктического института (А и АИ, г. Ленинград), перепрофилировав его с морали, позволить ему самому выбрать свое настоящее и будущее. "Социальное и национальное ретро" становится все более модным, и это в целом позитивная тенденция. "Родники народной нравственности" (В.Н.Шердаков) будут спасены и расчищены именно при такой политике. Не надо забывать: счастье достижимо, а высокий смысл жизни возможны тогда, когда действует политический механизм обеспечения общественного порядка и реализации единой логики социального развития.

5. О декларации "Базовые ценности и основные принципы арктической политики".

Среди задач и приоритетов арктической политики необходимо оговорить, по-моему, две принципиальные цели: во-первых, какова роль Арктики в современной цивилизации и каково, стало быть, место арктической политики в мировой политике (это и будет основанием для разработки международных норм и актов в рамках ООН и ее органов) и, во-вторых, каково место Севера в народнохозяйственном комплексе СССР.

В отличие от крайнего Юга планеты северное Заполярье имеет длительную историю освоения и большой потенциал в мировой культуре. Это необходимо признать и сделать отправной точкой международного арктического права, которое привело бы к выравниванию возможностей социокультурного развития народностей Севера с населением умеренных широт.

Что касается народнохозяйственного комплекса, то здесь, видимо, следует ставить вопрос сначала о возмещении территориям того экологического и социального ущерба, который нанесен ведомствами добывающих отраслей, за счет повышения дотаций из союзного и российского бюджета, в том числе и в валюте, а также за счет приоритетного развития в перспективе в северных поселениях социальной сферы (это, кстати сказать, будет также дополнительным аргументом, может быть, даже тормозом при ресталинизации политического сознания).

Согласен с тем, что демократизация, гласность, нравственное возрождение северных народностей должно идти своими, особыми темпами, своим путем. Думаю, что для нашего Севера больше подходит канадский вариант межэтнических отношений, чем тот, который есть в США.

Лозунг арктической политики может быть таким: "человек на Севере человеку и природе - друг!"

М.Г.Ганопольский

АРКТИЧЕСКАЯ ЭТИКА И ПАРАДИГМЫ СБАЛАНСИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ

1. Выражение "человеческое измерение" кажется мне приемлемым по отношению к любой сфере деятельности, в том числе и к политике, но его применение требует некоторого пояснения.

Пока это выражение лишь метафора, но метафора необычная, внутренне противоречивая. Считается, что метафора дает целостный нерасчлененный образ объекта. Иное дело - измерение. Это - сопоставление отдельного при-

знака с эталоном или же - более широко - линейное упорядочение данного признака.

Что же такое человеческое измерение? Либо это отказ от одномерности "измерения по признакам" в пользу объемности и образности целостного видения, либо - некая синтетика аспектных проекций, соответствующих градациям наук о человеке. Тем самым ответ на этот вопрос зависит от принятой парадигмы человековедения. Поэтому и понимание этической значимости здесь двояко. В первом случае - это синоним человеческого смысла деятельности, во втором - один из ее аспектов (наряду с другими, например, эстетическим).

Термин "арктическая политика", насколько это можно судить по публикациям, обозначает сформировавшееся в арктических странах (кроме нашей страны) общественное движение, критически оценивающее различные стороны воздействия человека на арктическую и субарктическую зоны Земли. Соответственно именуется и объект этой критики - существующая арктическая практика.

И эта практика, и ее критическое осмысление политичны по своей природе, поскольку в условиях породившей их цивилизации являют собой поле взаимодействия различных общественных сил с достаточно разнообразным спектром интересов. Поэтому перенесение данного термина на нашу почву, действительно, сопряжено с определенной фантазийностью и схоластичностью. И если рассматривать соединение выражений "арктическая политика" и "человеческое измерение" как попытку заземлить заимствованный термин, то такой ход правомерен и перспективен. Ведь наша страна, реально существуя в Арктическом сообществе не может не индуцировать в себе поля взаимодействия общественных сил, ориентированных на общечеловеческие ценности. Понятно, что идеи и терминология заимствуются довольно легко, но плагиат в политике вряд ли возможен... В конечном итоге, созидание любой политики (как политики, а не как диктата власти) – процесс длительный и неоднозначный, но я рискну предположить, что он всегда проходит в пространстве человеческого измерения.

2. Поставленный вопрос – один из тех, которые можно отнести к проблематике географии морали. Недавно В.Т.Ганжин и его коллеги в русле этой проблематики задали импульс для самоопределения страноведческой этики. Стержнем избранной ими методологической позиции стал отказ от сложившейся еще в античности традиции преимущественного внимания к личности как носителю моральности, традиции, при которой любая общность, да и человечество в целом, рассматривались в качестве семантической проекции личности. Меня также интересовали вопросы этической регионалистики, но в несколько ином ключе - в контексте проблемы локальных феноменов нравственности, условием обособления которых является четко выраженная организационная структура. Этот подход я и хотел бы сохранить, пытаюсь понять, что такое "этика Севера".

Гипотетически можно принять существование трех основных типов организации людей: организации власти, организации материального производства и поселенческой организации. В регионах со сложившейся структурой отношений этого может быть достаточно, чтобы через различные варианты субординации внутри организационной триады строить модели нравственного микроклимата. Иное дело - районы интенсивного промышленного освоения, в особенности те из них, что находятся в арктической и субарктической зоне. Они предстают как определенным способом организованные социоприродные ком-

плексы. Способ организации формирует и соответствующую сетку ценностей. Именно эти ценности, вникающие на стыке взаимодействия человека и суровой, но достаточно хрупкой и ранимой северной природы, можно считать основным содержанием Арктической аксиологии.

Однако эти ценности (их иногда называют "ценностями покорения") не исчерпывают всего ценностно-нормативного комплекса, тем более, когда широко распространенным является не десантный, вахтовый и подобные им методы организации трудового процесса, а освоение – обживание. Поэтому, чтобы говорить об этике Севера, нужно иметь в виду складывающиеся здесь специфические нравственные отношения, особый стиль жизни людей, для которых Север не только место приложения труда, но и часть их самих.

Тем самым я подхожу к ответу на следующий вопрос анкеты.

3. В этом вопросе, насколько я понимаю, речь идет о попытке основать банк, где было бы представлено эмпирическое богатство нравственной жизни Северных регионов. Вероятно, это и есть предвосхищение широкомасштабного исследования, с которого может начаться Северная этика?

4. Идея сбалансированного развития - политична. Она предполагает баланс сил не только между человечеством и природой, но и внутри структурированного человечества. Возникнув как механическая (Ш. Монтескье), а затем как экономическая (А.Смит) модель, она прошла сквозь смену целого ряда парадигм и теперь предстает в облике нового планетарного политического мышления. Для оценки ее перспектив важно определить основные моменты противостояния. В настоящее время это может быть религиозный фундаментализм (например, исламский), рудименты тоталитарности в идеологии и в политике, некоторые виды национализма. Смогут ли они, будучи внутренне несбалансированными, уже сейчас вовлечься в орбиты сбалансированного развития?...

Т.С.Гольдберг, Р.С.Гольдберг

ПО КОМУ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ?

Хотелось бы предположить, что авторы-составители вопросника читали практическое пособие "Как писать для "Ассошиэйтед пресс". Во всяком случае, вопросник этот составлен по всем американско-журналистским канонам: первый абзац сжато излагает все событие, а остальные - лишь поясняют его, уточняют детали, подробности.

Этим предположением, думается, мы достаточно обосновали свое право отвечать лишь на первый вопрос, который, по нашему мнению, вбирает в себя всю тему.

Итак, "является ли этически значимым понятие "человеческое измерение"? Или оно - суть схоластика, "речевая фантазия" эпохи перестройки?"

Думается, хотя сказанное далее звучит достаточно антропоцентристски, человек - сам по себе цель и средство, мера всех событий, которыми сложена история общества. Какими бы всеобщими и всеохватывающими целями не прикрывалось Нечто, в итоге - все служит человеку. И если не каждому, как это задумывалось и декларировалось, то уж кому-то одному, конкретному, безусловно.

Даже тогда, когда стали Евангелием строки:

Единица - вздор,

Единица - ноль ...

Даже тогда, когда во всем провозглашался примат общественного над личным и считалось предосудительным даже упоминать об индивидуальности...

Даже тогда, в обществе шла такая тайная и такая явная борьба, такая естественная и очевидная, как рост трав на выбритом по-английски газоне. Ибо если один говорил: "...Как безымянные на штурмах мерли наши", то другой не мог не возразить, что "...не было безымянных героев, а были люди, которые имели свое имя, свой облик, свои чаяния и надежды..." Сегодня с самых высоких советских трибун звучит требование защитить права меньшинства. А самое малое меньшинство, применительно к людям, - это один человек. Сегодня мы на подступах к такой смене ориентиров, критериев, которые, хотелось бы верить, сделают невозможным повторение тех страниц отечественной истории, что имели место при полном отрицании прав меньшинства. Каким бы ни было авторитетное большинство, оно всегда может быть отвергнуто еще большим большинством. Следовательно, путь этот не имеет ограничителя, бесконечен, а потому - бессмыслен.

В преломлении этих рассуждений к Арктике, такой поворот - в сторону малости - тем более является необходимым, потому что до сих пор, до сего дня арктическое малолюдство приносилось и приносится в жертву большинству населения области, скажем, а оно, в свою очередь, в жертву населению республики, затем - всей страны... Приоритет малого перед большим. Значимость индивидуальности. Самоценность личности. Об этом думается, когда речь идет о перспективах возрождения Арктики. Без возрождения Человека Арктики не возродит и самой Арктики. А утратив Арктику, неизбежно утратим и всю Землю. Потери начинаются с самого хрупкого. Особая ответственность в этом возрождении, а точнее - в осмыслении этого, только что начавшегося процесса лежит на небольшом отряде арктической интеллигенции, но ее почти нет. Та, что сложилась исторически, выбита. О сегодняшних интеллигентах из коренных национальностей трудно говорить как о принадлежащих к арктической ветви. Это, скорее, интеллигенция вообще, в этой всеобщности - трудность осознания себя частью Арктики, в ней - зерно нынешних и будущих конфликтов. Сегодня все называют себя представителями народа, говорят от имени народа, клянутся его интересами. Задача арктической интеллигенции - в осознании своей ответственности за народ, который она пытается поднять, сплотить и повести к целям, о которых он, народ, якобы, мечтает. Думается, что сегодня этого знания, точного знания недостает. Какого-то сплошного зондирования, изучения не проводилось. Легко возмутить, поднять, а что потом? Потом остается лишь ясное чувство недовольства? Вспоминается старый фильм "Мертвый сезон", одно место из которого, при всей опасности аналогий, все же нам хочется процитировать: "Разве есть у вола какие-то комплексы? Вол? Ну и вол, и, слава богу..." Сегодня масса взаимоисключающих предложений, кстати, одинаково слабо рассчитанных и не подтвержденных на практике. Подъем. Борьба. С чем - это ясно. А за что? За какие и кому ясные цели? Или опять по-старому: ввяжемся в бой, а там посмотрим, что получится? В начале рискованщ го пути, начертав на знаменах защиту интересов меньшинства, мы должны продумать способы выражения интересов этого меньшинства, определения, чего же оно хочет? Будем логичны и, опекая меньшинство, т.е. каждого отдельного человека, выясним, чего он хочет? Пойдем не от общества, а от человека. Нас, подчеркивающих необходимость осознания индивидом своей индивидуальности, необходимость защиты этой индивидуальности, могут уп-

рекнуть в противопоставлении человека обществу. Это так. Но спросим себя: какого общества мы взыскуем? Общества нулей или общества единиц, индивидуальностей, личностей? Речь идет о взгляде на проблему с позиций личностных. То, что мы имеем сегодня - суть плоды того национального нигилизма, который сложился всем ходом культурного развития на Севере. Духовное развитие народов Севера было с самого начала не просто приобщением к культуре, а к культуре другого народа, в данном случае русского народа. Именно эта культура олицетворяла в глазах северян общественный прогресс. Молодая национальная интеллигенция пошла по пути отрицания национально - традиционного в культуре, поскольку в общественном мнении оно ассоциировалось с примитивом, первобытностью, отсталостью. И лишь много-много лет спустя Ю. Рытхэу сказал, что народы Севера заслужили себе памятник хотя бы потому, что они не только сумели выжить в суровых арктических условиях, но создали специфическую арктическую культуру, к сегодняшнему дню практически уже уничтоженную. Хочется напомнить два последних, наверное, штриха в разрушении элементов арктической культуры на Тюменском Севере. Первый - в конце тридцатых годов, когда под прикрытием "борьбы с шаманизмом" были перебиты практически все творчески одаренные индивидуальности /а шаманами были именно такие люди/. Второй - в середине сороковых годов спровоцированное НКВД восстание на северной оконечности Ямала /"Мандала"/ стало поводом для расправы с последними, быть может, носителями свободомыслия. Стоит ли после этого удивляться покорности, с которой нынешние северяне воспринимали все последующие перемены, преобразования согласно сменяющимся друг друга концепциям - то неполноценности кочевого образа жизни, то вращающихся в социализм, то вращающихся в промышленное освоение.

Примат общего над индивидуальным, отказ от индивидуального ради чего-то общего прекрасно прослеживаются в немногочисленных, но широко разрекламированных документах под стандартным названием "О мерах по дальнейшему улучшению... " А что получил от них отдельный человек? Попробуем проиллюстрировать. На средства, скажем, выделенные в 1980 году на реализацию этих "Мер... ", в поселке Ноглики на Сахалине, где проживает 60% всех нивхов, были приобретены микрокалькуляторы, пластиковые лыжи, грейдер и... 500 унитазов "Компакт". В печати в последнее время много говорится об исчезнувшем генофонде наций. Если это горе для большого народа, то для малого - трагедия, возможно, непоправимая. Быть может, именно поэтому столь велик разрыв между стремлениями отдельных представителей северной интеллигенции и теми, кто пасет оленей, ловит рыбу, ставит капканы в тундре. Известно, что рост образования не всегда сопровождается появлением нового культурного слоя в структуре личности. И так ли уж далеко отстоят в своем отрицании те молодые национальные интеллигенты, что буквально травили на деловой игре в июне 1989 года поэта Андрея Тарханова, от пастуха-оленевода, который убежден в своей простодушии, что "у ненцев писателей не бывает" /по данным нашего опроса в 1980 г./ . Еще не успев сами сделать первого шага, они начали упрекать поэта в тех шагах на пути к профессиональной художественной культуре, которые были сделаны им практически в одиночку. Что здесь? Политическая незрелость, непонимание того, что каждое движение должно, прежде всего, обрасти человеческой плотью, единомышленниками? Или элементарное стремление утвердиться в отрицании? А может быть, то - отголосок недавнего прошлого народов Севера, когда достойным считался лишь труд, приносящий материальную пользу? Трудно сказать однозначно. Есть и такой

вариант: воспитанные на материале инациональной культуры, они не готовы видеть в стихах представителя своего народа национальное достояние. Могло ли быть иначе, если они и не учились по книгам своих поэтов? Естественно, и проявление со стороны интереса к тому, что их самих не интересует, вызывает у них неприятие. Увы, приходит на память, быть может, слишком резкое, но справедливое сравнение. Амеба потому и остается навсегда амебой, что она без конца делится. Общество, политическое или какое-то другое движение ничего не достигнет без согласия, без консолидации, без объединения всех заинтересованных сил, без умения ради главного поступаться деталями разногласий, уступать и учитывать всю гамму разноголосых точек зрения. Ситуация, которая складывается, не дает повода и для оптимизма в экспертизе. Эксперты ищут рецепты. Но беспокоит и умозрительность, отстраненность самой экспертизы, не основанной на реальных исследованиях. А может быть, прав постулат, который содержится в старой книге Стругацких "Трудно быть богом"? Там есть фраза, обращенная представителем отставшего в историческом развитии народа к всесильному небожителю, прибывшему с передовой во всех отношениях планеты: "Оставь нас, господи, и дай нам идти своим путем". Спросим себя: не запоздали ли наши торопливые попытки удержать влагу давно растаявших снегов, поймать ладонью струю ручья, бог весть когда сбегавшего по каменному склону? Не столкнемся ли мы сейчас с тем же, с чем столкнулись создатели, наконец-то, вышедшего из печати юкагирского букваря, обучать по которому оказалось практически некого, поскольку лишь сто человек этого малочисленного народа владеют родным языком.

Е.Ш. Гонтмахер

ЗАПОВЕДИ СБАЛАНСИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ

1. Понятие "человеческое измерение" имеет безусловную этическую значимость. Все предыдущее развитие СССР проходило под знаком "коммунистического измерения", которое в теории включало в себя потребность и интересы человека, но на практике выдвинуло на первый план интересы лишь отдельных слоев и социальных групп, управленческих структур. Результаты налицо: разделенное, а не однородное общество (как по национальным, так и по социальным группам), низкий уровень жизни большинства населения, политическое бесправие и экологические бедствия. И вот теперь возникла настоятельная необходимость направить все усилия и блага общественного прогресса именно на человека, каждого и любого из нас. В противном случае противоречия, ныне существующие, просто разорвут советское общество, приведут его к глобальной катастрофе.

Если остановиться лишь на констатации самой необходимости "человеческого измерения", то это и будет "речевой фантазией" эпохи перестройки. Нужно разрабатывать конкретные программы внедрения "человеческого измерения" для различных общественно-политических ситуаций. Одна из них - арктическая политика. Считаю, что проект Декларации является первым шагом конкретизации понятия "человеческое измерение" применительно к ситуации, сложившейся в Арктике.

Думается, что "человеческое измерение" есть перелицованное нашим неправовым мышлением универсальное и всеохватывающее понятие "права человека". В этом смысле "человеческое измерение" имеет беспредельное и

универсальное применение. Арктическая политика также должна строиться на фундаменте соблюдения "прав человека", т.е. в данном случае в качестве приоритетов выступают права коренного населения Арктики на собственность, свободу действий и выбора.

2. С моей точки зрения, говорить об особой "арктической аксиологии" нельзя. Если исходить из всеобщности "человеческого измерения", то основные этические ценности (нормы поведения между людьми и отношения с окружающей средой) в принципе везде одинаковы - на Севере, Юге, Западе и Востоке. Другое дело, что в разных "частях света" эти нормы нарушаются в самой различной степени. К примеру, в развитых странах Запады образ жизни и взаимоотношения людей в наибольшей степени приближены к желательному, с точки зрения этики, состоянию. На Востоке ситуация намного хуже. Неблагополучно и положение Севера, где многие всеобщие человеческие ценности утрачены. Таким образом, нет "арктической этики", а есть "арктическое состояние общечеловеческой этики", которое столь всех нас и беспокоит.

Драматизирует ситуацию в Арктике утрата тех же ценностных оснований, что и по всей стране. Но вот степень драматизации в Арктике выше, чем во многих других местах из-за особо ранимой природной среды, сверхбыстрого темпа продвижения "цивилизации", обилия малых народов, неприспособленных к быстрым изменениям образа жизни.

3. Можно назвать несколько типичных конфликтов, ситуаций социально - нравственного выбора в современной Арктике:

- столкновение двух образов жизни - традиционного и пришлого - и вытекающие отсюда последствия;

- конфликт двух взглядов на природу (потребительского - со стороны пришлых освоителей и взаимопроникающего - со стороны коренных жителей);

- столкновение мировоззренческих ценностных ориентаций (узкопрагматическое стремление к максимальному заработку у пришлых и оставшиеся еще духовные и моральные ценности - у коренных жителей);

- противоречие между традиционными устоями образа жизни коренных жителей (прежде всего, малых народов) и неостановимо надвигающимися извне ценностями (вполне положительными, с точки зрения цивилизованного гражданина индустриального или постиндустриального научно-географического и хозяйственного направления на экологическое и этнографическое (если я не ошибаюсь в характере его деятельности). Перспективным кажется опереть арктическую политику на "три кита" - ИПОС, АиАИ и Институт народов Севера - с тем, чтобы в дальнейшем, по мере скоординированного развития региона, выработать свои специфически региональные органы политического планирования и самоуправления. Чтобы арктическая политика была успешной, она, во-первых, должна суметь преодолеть затянувшиеся конфликты между Востоком и Западом (особенно большие надежды здесь можно, видимо, возложить на все ветви эскимосского этноса), а, во-вторых, найти средства, чтобы грамотно выйти из непризнававшегося, но существовавшего и углубляющегося до сих пор конфликта в рамках одной социальной системы - между Севером и Югом (здесь огромные надежды мы вправе связывать с новым Верховным Советом России, признавая, вместе с тем, что все этносы России и других республик умеренных широт, откуда шла маятниковая миграция на Север и кто поставлял туда технику и оборудование, должны принять на себя часть вины за насильственное искажение образа жизни народов Севера).

4. Идея сбалансированного развития Севера (советского, канадского,

скандинавского, датского), насколько я ее понимаю, кажется мне перспективной в двух отношениях: а) как требование минимизации военной и крупнопромышленной деятельности, б) как требование создать службу спасения и экстренной помощи населению приполярных стран независимо от национальной принадлежности тех или иных территорий. Максимизировать на Севере, в особенности на советском, можно и нужно бы возможности туризма, путешествий в национальные парки и экологически чистые регионы. Такого рода "индустрия" дала бы много преимуществ. Для этики одно из них имеет принципиальное значение: она позволила бы, думаю, сдвинутые экологическими опасениями мозги "набекрень" у большинства пишущих на общественно-политические темы (они ведь жители умеренных широт) сбалансировать. Эту идею, стало быть, надо связать с идеей интеллектуального баланса с помощью арктической ментальности. Тогда будет сделан шаг к духовному оздоровлению общества или, по крайней мере, к включению моральных тормозов в его "технократической культуре".

Что касается идеи возрождения традиционного для народов Севера образа и стиля жизни, то в нее стоит, по-моему, вкладывать большие капиталы, ибо она согласуется с формирующейся активной политикой возрождения России, а самое главное - она перспективна, поскольку позволяет поднять человеческое достоинство (если ее толковать именно в этом ключе) и, уже приобщив человека к обществу); это противоречие ставит под большое сомнение будущее малых народов Севера, даже если им будет обеспечено полное материальное благосостояние по европейскому образцу.

4. Понятие "сбалансированное развитие" многослойно. Отсюда следует "первая заповедь" этического анализа этого понятия - всесторонний, комплексный взгляд. Какие же основные слои можно выделить?

Во-первых, это взаимоотношения между различными группами людей: социальными стратами и территориальными общностями, поиск баланса их интересов в различных сферах: экономической, политической, культурной, морально-нравственной и т.д. В полной мере это относится и к развитию Арктики.

Во-вторых, это взаимоотношения между человеком и природой, что, в свою очередь, распадается на целый ряд отдельных направлений, где необходимо искать баланс (например, взаимоотношения промышленности и сырьевых ресурсов; промышленности и окружающей среды; проблема населения как потребителя природных ресурсов - воды, земли, воздуха; населения и окружающей среды, принимающей продукты и отходы жизнедеятельности человека и т.д. и т.п.).

Отсюда следует "вторая заповедь" - использование компромисса, консенсуса как универсального средства для согласования интересов и нахождения действительного состояния сбалансированного развития.

Третья "этическая заповедь" "сбалансированного развития" - отказ от традиционных понятий "прогрессивности" и "выгоды". То, что кажется выгодным, с точки зрения, допустим, производства, может оказаться губительным для природы и людей. И этот пункт особенно актуален для Арктики, так же как и следующий, отвергающий деление народов на "более" или "менее" развитые.

Четвертая "заповедь" - готовность к самоограничению как отдельных людей, так и целых сообществ, если это диктуется необходимостью сохранения баланса интересов, консенсуса.

ОТ ПРИОРИТЕТНОЙ ПОЛИТИКИ К ПОЛИТИКЕ ПАРИТЕТА

1. Понятие "человеческое измерение" ассоциируется с понятием "человеческий фактор", придуманным политиками размноженным идеологами. Практического применения в сфере экономики или социологии последний так и не нашел, так как одновременно подменял анализ личностных и групповых отношений. Если предположить, что с помощью "человеческого измерения" будут оцениваться какие-либо действия, затрагивающие интересы человека /группы/, то необходимо выработать определенные единицы измерения и договориться о системе координат, в которых они однозначно измеримы и соизмеримы. Такими единицами, по-видимому, могут быть продолжительность жизни населения, уровень его физического и психологического здоровья, уровень преступности и т.п. Этими критериями можно измерять и результаты арктической политики.

2. Сложность введения понятий "арктическая аксиология", "этика Севера" сопряжена, прежде всего, с разграничением общегуманитарных заюномерностей и региональных особенностей, так как дифференциация общезначимых ценностей в попытке привязать их к региональным условиям может, в конечном счете, привести к их утере. Возможно, рассматриваемые понятия могли бы стать частью понятийного аппарата экологической этики. Ценностным основанием, драматизирующим арктическую политику, является хрупкость экокультурной системы Севера, моментально определяющая пределы экономического роста /промышленного освоения/.

3. Основой конфликтных ситуаций является разрушение традиционной среды обитания и образа жизни коренного населения Севера, а также неадекватная политика, проводимая сверху. В зависимости от региональных условий и состояния этноса конфликты можно разграничить по типам, суть которых заключается в следующем: 1) дайте спокойно умереть; 2) не мешайте нам жить; 3) уберите с нашей территории. Цель арктической политики должна заключаться не в выработке единой стратегии /плана, кампании/ для северных народов (их было вполне достаточно, они несли лишь разрушения), а создании условий для саморазвития и выбора пути каждым, пусть самым малочисленным народом. В результате он сам должен определиться, на каком языке ему вести общение; где жить - в тундре, в поселке, городе; чем питаться и как воспитывать детей.

4. Идея сбалансированного развития общества весьма привлекательна. В основе этики такого развития может быть положена идея о равноправии интересов этноса, отдельных социальных групп и отдельных личностей. Однако условия, в которых проживает коренное население Севера, действительно требуют определенных приоритетных начал, прежде всего, связанных с владением земельными угодиями и возможностью сохранения привычного образа жизни. По мере соблюдения этих условий необходимо переходить от приоритетной политики к политике паритета, т.е. к регулированию таких отношений, когда любые действия должны быть выгодны не только самому коренному населению, но и всему населению, проживающему с ним на одной территории. Это и будет залогом конструктивного разрешения конфликтных ситуаций и шагом к формированию сбалансированного общества.

...С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ

1. Понятие "человеческое измерение" для меня не схоластика и не "речевая фантазия", поскольку мне понятна стоящая за ним интенция, но и не этически значимое понятие. Для меня оно стоит в ряду с "человеческим фактором" и этически некорректно, ибо как "фактор", так и "измерение" подразумевают геометричность, машинообразность и несовместимы с понятием человека - носителя свободной воли; то есть данное понятие внутренне противоречиво, соответственно, и продуктивное использование его невозможно.

Кроме того, я полагаю, что вопрос о применении того или иного понятия может рассматриваться только в контексте системы понятий, а здесь я ощущаю интенцию, а не систему.

2. Мне трудно судить о том, что допустимо и что не допустимо в категориальном смысле, так как за предлагаемыми словосочетаниями для меня не стоит система категорий; попробую объяснить, почему.

Во-первых, мне непонятно словосочетание "гуманитарные основания ... этики". Может ли этика иметь негуманитарные основания?

Во-вторых, я не уверен, что этика может создаваться целевым назначением. За ней, как минимум, в качестве основания должна стоять другая этика, принятая потенциальными создателями, и необходимо зафиксировать ее принципы. Таким образом, вопрос сразу распадается на два - об исходных принципах и о желаемых. А вообще, я думаю, реально лишь распространение уже имеющихся этических установок некоторой социальной группы, вопрос в том, существует ли подобная группа. Но буду рассуждать в рамках предложенной парадигмы.

В-третьих, мне кажется, имеет смысл говорить об этических нормах разных социальных общностей: ханты, ведущих традиционный полукочевой образ жизни; покорителей Севера; жителей северных городов, задавленных повседневной суетой... С позиции такого различия становится понятным, что речь не может идти о преобразовании этических установок коренного населения или об изменении моральных принципов тех, кто пришел завоевывать Север. По-видимому, необходимо обсуждать возможность выработки принципов некоей метаэтической системы, принимаемой всеми жителями Севера (коренными, пришедшими давно или недавно, временными и постоянными жителями). Сразу оговорюсь: о создании такой системы невозможно судить в отрыве от экономических, социальных, политических и правовых принципов. Так, многие действия покорителей недр подлежат не моральной оценке, а уголовной. И вопрос упирается в применение закона, т.е., в создание правового государства. Опять же, если не будет закона о собственности кочевников на определенную территорию (в той или иной форме), теряют почву этические поиски. Примеры легко умножить, т.к. при отсутствии четких правовых и экономических норм жизни упомянутая метаэтическая система не может быть создана в принципе.

Но представим себе, что такие нормы определены и глобальная этика Севера (именно как метаэтика) создается. В этих условиях, мне кажется, основные ценности и принципы будут вполне тривиальны. Главные ценности: человек с его самобытной культурой и природа в ее первозданной чистоте. Норма - действия, которые не только не несут прямого ущерба ни тому, ни другому, но и способствуют их восстановлению, сохранению и умножению. Соответст-

венно, недопустимы никакие действия, последствия которых нельзя уверенно предсказать, даже если, на первый взгляд, они не кажутся вредными.

Я не уверен, что правильно понимаю вопрос о драматизации арктической политики, но я бы указал, в первую очередь, на ошибку понимания прогресса как безусловного блага (конечно, имея в виду не моральный, а технический и социальный прогресс). Мы постоянно сталкиваемся с тем, что люди, практически лишенные культурных корней, самоуверенно считают и заставляют считать других (в том числе и носителей глубинных традиций), что их образ жизни заведомо лучше. Поэтому, разрушая жизненный уклад коренного населения, покорители недр убеждены в своей исторической правоте и даже в том, что несут благо.

Я уже говорил, что исходные и желаемые принципы - это разные проблемы. В принципы этики создатели, несомненно, включают прогресс как благо. Но если прогресс ценность, то названные ценности - человек с его уникальной культурой и первоизданная природа - с ним несовместимы. Если он даже оказывается как зло, остается вопрос, неизбежен он или нет. Если да, то я думаю, основной этической проблемой окажется проблема соотношения прогресса и традиции.

3. Основные очевидные конфликты: между индустриальной цивилизацией и природой Севера, между населением временным и постоянным. Но особенно тяжел, с этической точки зрения, конфликт, раскалывающий на две неравные части само коренное население - небольшая часть желающих сохранить традиционную культуру (как правило, живущие на стойбищах) и много более значительная часть тех, кто принимает ценности агрессивной технотехнической цивилизации.

В условиях, когда принадлежность к традиционной культуре ощущается как принадлежность к людям второго сорта, говорить о возрождении и даже о сохранении этой культуры бессмысленно. В рамках такого сознания попытки обучать языку, ремеслам и т.д. воспринимаются как стремление оттолкнуть от пирога цивилизации. Зачем ханты учить свой родной (уже забытый) язык, если он живет и работает в русскоязычном коллективе? Конечно, только для того, чтобы он не вышел в люди. Возникает парадоксальная ситуация: сохранность коренных северных культур начинает в пожарном порядке отстаиваться чуть ли не вопреки желанию их носителей.

Я надеюсь, что ситуация изменится с появлением обществ типа "Спасение Югры" и развертыванием серьезных экономико-информационных связей между всеми народами Севера, включая население северных территорий зарубежных стран.

4. "Сбалансированное развитие" - в любом случае подразумевает развитие, т.е. приоритет идеи прогресса. И здесь вступает в силу этический конфликт, о котором я сказал ранее. Думаю, следует говорить не о развитии, а о соблюдении баланса наличных интересов с поправкой на приоритетные ценности, это - основная цель. Ведь развитие (неважно, обоснованное научно или нет) предполагает движение в пространстве со множеством неизвестных. Дай нам Бог разобраться с известными! Так, традиционный образ жизни нужно не развивать - он складывается сотнями и тысячами лет! - а сохранять и восстанавливать, создавая соответствующие условия и не принося интересы одних групп населения в жертву другим.

Необходимая оговорка. Я писал с точки зрения культурологии, имея в виду ре-

альную угрозу близкого исчезновения ряда самобытных культур и оставляя за скобками интересы многочисленного русскоязычного населения, жизнь которого также очень мало походит на сказку. Мне представляется, что сама задача создания условий жизни, достойных человека, подразумевает все группы населения, и ее нельзя решать по частям.

Н.Д. Зотов

НЕ УРОНИТЬ ДОСТОИНСТВА

1. "Человек есть мера всех вещей", по Протагору. В этом смысле он ко всему подходит со своей, человеческой мерой, все воспринимает в "человеческом измерении" и преобразует человечески. Понятие "человеческое измерение" философски интересно и значимо. Однако тот смысл в осуществлении Арктической политики, который хотят не упустить организаторы опроса, на мой взгляд, более точно выявляется понятием "ценностное измерение". Посредством этого понятия достигается наиболее корректное обозначение духовно - гуманистического содержания в совершающейся человеческой жизни. В предметно-практических действиях, в деятельно-практическом отношении к миру человеку свойственно опираться на понятия "цены", "стоимости", "пользы" и т.п. Но его волнуют при этом и духовные свершения бытия. Они репрезентируют высший смысл, которым поверяется любая деятельность, социально-экономическое освоение региона в том числе. В постижении этого смысла потребны уже не "цена" и "стоимость", а "ценность" и "достоинство", то есть другой понятийный ряд.

Понятие "человеческое измерение" отражает специфически человеческую меру освоения действительности во всей его /освоения/ содержательной полноте. Ценностное измерение означает духовные цели и определения бытия и в пределах человеческой меры, человеческого измерения является высшей составляющей.

Ценностное измерение предполагает критику деятельности, человеческой практики с точки зрения смысложизненных определений; такая критика осуществляется средствами философии, этики как философии и моралистики. Философия как весьма специфическое постижение мира и человека, как саморефлексия Духа не относится к положительной науке. Существенное место в ее предметной области занимают ценности: истина как правда жизни, добро, красота, творчество. Философия, взятая в отвлечении от ее методологической функции, сосредоточенная на вопросах жизненного, духовного самоопределения человека, выступает в ипостаси Аксиологии.

2. То, что в экспертном запросе лаборатории фигурирует под именем Арктической аксиологии, по-видимому, призвано обозначить философско-аксиологическое исследование процессов экономического и социально-культурного освоения северных регионов. Конечная цель исследования, как я понимаю, - содействовать приведению этих процессов в возможно более полное соответствие с требованиями морали и правды жизни.

Потребность в специальном философско-аксиологическом обосновании ценностной стороны процессов экономического освоения Севера вытекает из того, что государство поглощенное политикой и экономикой, по самой его природе не склонно соизмерять свою деятельность с ценностями духовного порядка. Отсюда - необходимость в разумной внешней оппозиции государству со

стороны общества, оппозиции, которая бы дополнила политику освоения северных регионов формулированием ценностных требований. Арктическую аксиологию правомерно рассматривать как одни из видов такой оппозиции /государству/ по поводу вызванных экономическим освоением "аномалий" в существовании человека на Севере. Ее инструментарий - социальная теория в философско-моралистическом и этико-прикладном преломлении.

Целесообразность корректирующего влияния средствами арктической аксиологии обусловлена в первую очередь тем, что традиционный образ жизни коренных северян, обеспечивающий существование их как этнической общности, не имеет необходимой социальной и правовой защиты. Крайне неустойчивая ситуация на Тюменском Севере усугубляется особенностями мировоспитания тех, кто пришел "взять" нефть и газ: осознание временности своего пребывания на "малой земле" со всеми вытекающими отсюда последствиями и "Я-концепция" героев, предпринявших "штурм" северных недр. А всякий штурм, как известно, разрушителен. Таким образом, государство, бросившее мощные силы на экономическое освоение Заполярного региона, приобретает по отношению к аборигенам характерные черты "Левиафана". Чтобы окончательно ему не уподобиться, государство, не будучи в состоянии осуществить "изнутри" ценностную критику своих действий, должно само признать необходимость такой критики извне. Претворение в жизнь обоснованных средствами арктической аксиологии предписаний, ограничений и запретов предполагает последующее обращение к общественному мнению как к силе, способной потребовать у государства соответствующих законов.

"Этика Севера" есть наиболее важная часть арктической аксиологии, ее ядро. Она призвана исследовать особенности моральных проявлений человека - особенности его нравственного самоопределения, нравственного мировосприятия и миропереживания - в обстоятельствах жизни на Севере вообще, а также в условиях его экономического освоения. Особенности эти обусловлены не только общей экстремальностью ситуации, своеобразием северного быта, характером целей и ценностей северян-пришельцев, но и в немалой степени не передаваемым на языке понятий загадочным воздействием на человека самого полярного ландшафта. Знаменитый Роберт Пири метафорически называл это воздействие "гипнозом севера".

Нравственное мировосприятие, нравственное миропереживание человека на Севере при всех возможных оттенках "внутри" и "между" представлены двумя основными типами.

Нравственно возвышенное восприятие действительности

Жизнь на Севере, аскетическая и суровая, среди просторов Белого безмолвия, где каждый для другого значителен и ценен, где сама обстановка беспощадно "проявляет" любого, - такая жизнь настраивает человека на высокий и чистый лад:

"Север, воля, надежда, страна без границ,
Снег без грязи - как долгая жизнь без вранья.
Воронье нам не выключает глаз из глазниц -
Потому что не водится здесь воронья". /В.Высоцкий/

Нравственно сниженное восприятие мира

Оно есть следствие сугубо утилитарного отношения к факту своего /заведомо временного/ пребывания на Севере, да и к самому Северу тоже. Конечно, часть из тех, кто приезжает на Север, первоначально имея в виду чисто практические цели /"... а я еду, а я еду за деньгами, за туманом едут только дураки"/, с течением времени оказывается во власти великого "обаяния" Севера, во власти его "гипноза" и переходит в разряд людей, влюбленных в Север, преданных ему, содействующих его благу. Эти люди перестают быть пришельцами-разрушителями, поскольку навсегда выбирают Север, выбирают как судьбу. Но это только часть...

По-видимому, для "Этики Севера" небезразличен вопрос: "Предопределено ли качество моральной позиции северян константными особенностями их личности или, скорее, оно обусловлено особыми обстоятельствами самого освоения?" Наверное, был бы интересен осуществленный средствами этики /с привлечением социологических и социально-психологических исследований/ сравнительный анализ нравственного мироотношения следующих групп населения: а) аборигенов; б) людей, укорененных на Севере помимо кампании по его экономическому освоению; в) прибывших на Север на "волне освоения" в роли рядовых участников. При этом задачи вспомогательным исследованиям социологов и социальных психологов должна ставить /формулировать/ "Этика Севера". Необходимо специальное исследование моральной позиции непосредственных руководителей освоения в ранге высоких начальников и позиции совокупного морального субъекта в лице государства.

Очевидно, "Этике Севера" предстоит ответить и на вопрос о возможности практических моральных воздействий на процессы освоения и, коль скоро ответ будет положительным, разработать и обосновать способы воздействий. В ряду этих способов, вероятно, будет представлено и моралистическое влияние на процессы освоения средствами самой "Этики Севера". Этика никогда не существует в виде рафинированной теории, в ней всегда с необходимостью присутствует и моралистическая функция. Можно ожидать, что моралистическое наполнение "Этики Севера" будет повышенным сравнительно с обычным, средним для этической теории уровнем. Это предполагается направленностью "Этики Севера" на конечную цель утверждения моральных ценностей в обстоятельствах сложной социальной ситуации.

О возможности видов этики, соотнесенных с другими географическими пространствами, затрудняюсь судить. Скажу только, что выражение "Этика Севера" звучит естественно, а вот словосочетание "Этика Юга" как-то не выговаривается. "Этика Востока", правда, слух не режет, но только потому, что сознание привычно соотносит его с "Востоком" в смысле его историко-культурной специфики, но не с Востоком в географическом понимании.

3. Все типичные конфликты и ситуации "трудного" выбора так или иначе восходят к той фундаментальной проблеме, к той непреходящей коллизии бытия, о которой пойдет речь в ответе на пункт 4.

4. Идея "сбалансированного развития" общества порождена извечной необходимостью согласования в практике жизни духовных, моральных ценностей и стремления к благам, которые обеспечивают наше телесное существование. "Нарушение" баланса может происходить двояко: как предпочтение "достоинства" перед "стоимостью" или наоборот. Когда происходит первое, то рождается: "Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут. Но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут" (см.

Евангелие от Матфея, гл. 6). А когда предпочитают "стоимость" и потребности тела, то рождается: "Бытие определяет сознание", а в плане практическом - деформированный социализм, общество высокого массового потребления; людьми овладевает дух вульгарного гедонизма. Они хотят вначале быть сытыми и "удовольственными", а уж потом, и непременно на фундаменте сытости - благородными.

То и другое предпочтение в его предельном выражении /полное исключение альтернативы/ и осуществившееся в глобальном масштабе, вероятно, повлекло бы за собой физическую гибель человечества. Однако всеобщей и абсолютной святости надежно препятствует сама наша телесная природа. Что касается опасности всеобщей ввергнутости в "служение мамоне", то здесь естественных препятствий меньше. И на сегодняшний день весьма осязаемое нарушение баланса развития проявилось как нарастающее погружение людей в стихию потребления, в соблазны наслаждения, в экономику и политику, чтобы их /экономики и политики/ перестройкой еще более укрепиться в поклонении благам тленным и преходящим. "Экономизм нашего века сделался всепроникающим и определяющим. Нигде от него нет спасения" - это сказано относительно обеих "противостоящих" общественно-политических систем (Н. Бердяев. Философия неравенства - Париж, 5-е, с.151).

По-видимому, идея "сбалансированного развития" не есть рационально найденная идея оптимума в соотношении двух определяющих координат нашего бытия, оптимума, который надлежит поддерживать усилиями "специалистов". Скорее, эта идея есть осознание исторически сложившейся нормы /?/ в развитии общества и отклонений от нее. Думаю, что возникшее таким образом реальное соотношение позиций по части предпочтения духовных ценностей или материальных благ далеко от действительной нормы, поскольку образ жизни человечества привел-таки его почти на край пропасти. Нормой было бы существенное смещение людских тяготений в сторону духовных, моральных ценностей, предпочтение их в качестве главных и определяющих ориентиров.

В конкретных обстоятельствах освоения Тюменского Севера нарушение "баланса" приняло формы чрезвычайные и драматические. Преодолеть обозначившийся здесь резкий "дисбаланс развития" простым смягчением ситуации - через сближение ценностей соприкоснувшихся культур, усиление морального самоконтроля субъекта освоения, через ужесточение правовых ограничений, регламентирующих процесс освоения - уже невозможно, даже если к этому добавляется публицистическое негодование со стороны "перестроившихся" средств массовой информации. Сложившаяся обстановка угрожает аборигенам Севера этническим исчезновением, жителям новых, стремительно выросших городов - общей стагнацией жизни в перспективе, всей стране - серьезным экономическим ущербом "на финише" освоения. Поэтому требуется квалифицированный анализ происходящего именно в ценностном измерении и философско-моралистическое обоснование ряда абсолютных запретов с целью радикального изменения арктической политики государства.

Вот почему я с удовлетворением воспринял появление на философском горизонте арктической аксиологии. С ее скорейшим становлением связываю надежду на развитие событий в Заполярье под знаком идеи сохранения тех ценностей, которые помогут народам Севера благополучно продолжить национально-культурное существование в истории, а стране в целом, государству - не уронить достоинства в глазах мировой общественности.

СО СВОИМ УСТАВОМ В ЧУЖОЙ МОНАСТЫРЬ НЕ СУЙСЯ . . .

"Со своим уставом в чужой монастырь не суйся" - нравственная норма столь древняя, сколь и верная. Мы же в повседневной практике нарушаем ее постоянно. Живет в нас этакий колонизаторский снобизм. А народы, объединенные нами в единое государство, в Союз, ничуть не нуждаются в нашем благодетельствовании. Это справедливо по отношению ко всем народам: большим и малым, вернее, малочисленным. Ну, не нужна им наша благотворительность, тем более, что на поверку она оборачивается колонизацией, эксплуатацией и разорением. Единственное, чего хотят все народы нашей великой и многонациональной страны - это свободы. Свободы жить и трудиться на своей территории по своему разумению, по своим правилам и обычаям. А из этого следует: единственное, что мы вправе делать на Севере, а также Юге, Востоке и других направлениях "розы ветров" - это изучать быт и культуру других народов. Возможно, полезный опыт пригодится и нам.

Вторгаться с промышленным освоением в пределы автономных образований можно на тех же основаниях, на которых это делали бы мы в подобных случаях с зарубежными странами. Не хозяйничаем же мы на Севере Канады, Норвегии, Финляндии и пр. Вот если бы нас попросили, мы, наверное, пошли бы бурить скважины и на Аляске, и в Гренландии. Но и в этом случае, помня о чрезвычайной ранимости северной природы, делать это следовало бы с величайшей осторожностью, после тщательного изучения условий труда, всесторонней научной экспертизы проектов работ, после технического и экономического их обоснования. Никакого компенсационного строительства для коренных народов! Тезис о таком строительстве вреден. Это колонизаторский тезис: я тебе здесь испорчу лес, озеро, речку, пастбище; дети твои будут болеть после моего хозяйничанья, но я тебе построю новую больницу, и твой больной ребенок будет лежать там на очень удобной койке. Вряд ли можно придумать что-либо более безнравственное.

По отношению к коренным жителям экономическая политика возможна только такого рода: мы здесь уже порядком напакостили, больше не будем. Что возможно, постараемся исправить и возратить долги. Долги эти должны быть вложены прежде всего в развитие и улучшение социальной жизни коренных народов Севера. Необходимо также совершенствование технологии их традиционных форм хозяйствования, их жилища, транспорта к т.д. Возвращать долги необходимо не только за те безобразия, которые сотворены непосредственно на северных территориях. Они берут истоки далеко на юге и так же, как "всесибирская канализационная система", выносят всякую грязь и мерзость далеко на Север, вплоть до Ледовитого океана, отравляя рыбные угодья и нерестилища. Значит, и за это мы должны платить по самой высокой мерке (платит же Норильский комбинат штрафы за кислотные дожди Канаде).

Значит ли все сказанное, что я за полную изоляцию коренных народов Севера? Нет и нет! Не поддерживая связи с мировым сообществом, с другими культурами, народ обречен на деградацию и вымирание. Но нельзя в цивилизацию заталкивать силком, пинками. Надо создавать условия для всестороннего, экономического и социального, культурного развития народа, и он сам придет в лоно цивилизации, свободный и равный другим.

Нужна ли помощь извне? Нужна, но она должна быть направлена, по вы-

ражению доктора философских наук Иордана, "главным образом на активизацию самодеятельности населения, выведение его из состояния апатии и духовного оцепенения". Опекунство не должно быть источником внешнего осчастливливания. Ее главное назначение - это все-таки создание благоприятных условий для самовыражения и самоутверждения народа. Помощь зачастую уходит в песок не столько от незнания особенностей образа жизни подопечных, сколько из-за неглубокого знания их духовного мира.

М. С.Каган, М. М. Каган

"ЗВАННЫЕ", НО ГОСТИ ...

1. Понятие "человеческое измерение" вполне правомерно, ибо оно выявляет особый аспект общественной жизни, отличающийся от других ее теоретических "разрезов" – экономически-производственного, политически-организационного, экологического. "Человеческое измерение" имеет, по-видимому, два вектора: а) роль человека в жизни общества и развитии культуры; б) влияние условий жизни, организации общества, типа культуры на человека.

В арктической практике следует учитывать оба вектора. Как именно? - Изучая возможности человеческой деятельности в специфических условиях Арктики и характер воздействия этих условий на человека, т.е. на формирование его сознания, обучение и воспитание особенности психики. Перестройка, имеющая целью создание гуманного и демократического общества, требует решительного преодоления прагматически-потребительского, технико-экономического отношения к Арктике, безусловного подчинения этих "измерений" человеческому.

2. Считается, что говорить об особых, "специальных" аксиологии и этике в арктической зоне можно, поскольку Арктика входит в число территорий с экстремальными условиями жизни людей. Однако классификацию лучше производить не по географическому признаку, а по условиям жизни. Таким образом, в одной группе с Арктикой окажется Антарктида, пустыни Африки и Австралии, высокогорные районы различных континентов и т.д. Подобное классифицирование правомерно, так как в экстремальных условиях жизненно важными (в отличие от других территорий) становятся такие ценности, как коммуникабельность, понятие ответственности и т.д. Гуманитарным основанием этого направления является чувство взаимосвязанности внутри человеческого коллектива, ощущение невозможности индивидуального способа существования.

Арктическую политику драматизирует, прежде всего, то, что до самого последнего времени такие понятия, как экология, и в особенности этноэкология, не входили в круг наиболее важных ценностей, что привело к губительным, необратимым последствиям в природной среде, вымиранию и деградации аборигенного населения.

Очень важно отметить несостоятельность "диффузионного" подхода к взаимодействию пришлого и аборигенного населения.

3. 1). Такие отношения способствуют:

- ассимиляции аборигенного населения;
- утрате культурных ценностей;
- изменению традиционного образа жизни;
- деформации национального самосознания;
- спаиванию аборигенов.

Все это ведет к деградации аборигенного населения, вымиранию отдельных народов (нганасаны и др.)

2). Технократический подход к использованию Арктики способствует уничтожению арктической экосистемы (Ямал, Таймыр и др.).

3). "Колонизация" Арктики привела к появлению имперского, именно колонизаторского сознания у пришлого населения.

4. Этика сбалансированного развития означает, прежде всего, соблюдение основного принципа: Арктика - для ее обитателей. Приоритет в решении всех проблем должен быть у аборигенного населения, за которым необходимо закрепить права на традиционные способы жизни и хозяйствования. Отношения пришлого и аборигенного населения не должны строиться на обмене "огненной воды" на деликатесные продукты и пушнину. Аборигенное население - хозяева этой земли, пришлые - пусть и долгожданные, "званные", но гости.

И.И.Крупник

... МЫ ВСЕ БЫСТРЕЕ ВХОДИМ В ЭТОТ НРАВСТВЕННЫЙ КРУГ

1. С моей точки зрения, понятие "человеческое измерение" - суть схоластика, советский речевой конструкт, не имеющий аналогов и не переводимый на другие языки. Применимо ли это понятие к арктической политике? На мой взгляд, от него лучше отказаться и искать новые, вернее, общепринятые этические термины.

2. Допустимо ли говорить об особом направлении приложения этики - "Арктическая аксиология", "Этика Севера"? Если да, то чем оно, по-Вашему, может отличаться от этики других направлений? С моей точки зрения, говорить об "Арктической аксиологии" допустимо, особенно если очень хочется так говорить. Поскольку Ваша задача состоит в том, чтобы найти особую Этику Севера, то ее, по-моему, нужно искать. В чем она заключается? Чем этика Севера отличается от этики Юга, Востока и т.д.? Думаю, что в условиях Севера, в условиях Арктики в конце XX века впервые был поставлен предел экспансии европейской индустриальной цивилизации не столько на основе прагматического расчета или силового давления, как это было на Юге или на Востоке /где проходила деколонизация/, сколько на основе экологических или гуманитарных ценностей. Прежде всего - охрана природы, сохранение природы, национальных меньшинств. В этом смысле существует этика Севера и существует гигантский нравственный смысл и нравственный опыт, не скажу - для человечества, но для индустриального мира, индустриальной цивилизации. Впервые в условиях Севера пришлось сделать этот выбор и сделать его именно в таком направлении.

3. Главный конфликт - имперская колониальная идеология, старые и новые экологические и гражданские ценности. Имперское сознание постоянно оправдывает колониальную модель освоения Севера, экспансию и неограниченное использование северных ресурсов и, соответственно, старую модель взаимодействия с местным населением. Нефть, газ, золото и прочее важнее, чем судьба немногочисленных, крошечных народов. И дальше начинается весь набор имперских колониальных стереотипов: "мы" "их" вынули из нищеты, научили есть хлеб, мыться, жить нормальной жизнью, мы провели им электриче-

ство. Этим оправдывается все то, что мы делаем для страны, "ради них".

Что же необходимо сделать? Перевернуть нынешнюю пирамиду ценностей. Сейчас наверху находятся ресурсы /нефть, лес, золото и пр./, добываемые в Арктике, а внизу - люди, как коренное население, так и приезжие. Внизу находится этика, т.к. в условиях колониальной модели освоения Севера вся она подчинена анонимной, бесконтрольной выдаче ресурсов. Пока не произведен поворот этой пирамиды, конфликт будет продуцироваться постоянно, на всех уровнях.

4. Этика сбалансированного развития возможна, потому что здесь мы сталкиваемся с поставленной еще в начале 70-х годов проблемой "пределов роста" - движение, построенное на расчетах, математических моделях развития цивилизаций, использовании ресурсов. Сейчас мы имеем дело с "пределами роста" в чистом виде, но, прежде всего, на основе экологических и гражданских критериев. Речь идет не только и не столько о том, что мы сталкиваемся с исчерпаемостью северных ресурсов, сколько о том, что поставлены экологические и гражданские критерии освоения. И этика сбалансированного развития возможна, особенно за счет отказа от худших форм все того же, что я называю экспансионистским, колониальным освоением. Она возможна в условиях Арктики не на основании прагматического расчета как своего рода ареальной модели Западной цивилизации. Магистральный путь - не за счет баланса между наличием и применением ресурсов, а за счет высшей формы эффективности используемых ресурсов и минимизации затрат. Поскольку этот магистральный путь будет характерен для основных районов развития Западной Сибири, то для, скажем, таких специфических районов, как Арктика, имеющих особый этический смысл, вполне возможна Этика Сбалансированного Развития, построенная на экологических и нравственных принципах.

Вот этим, видимо, определяется специфическое положение Арктики в сознании и идеологии Западной цивилизации, к которой мы, безусловно, активно подключаемся. Мы входим все быстрее и быстрее в этот этический, нравственный круг, потому что начинаем понимать эти проблемы и говорить о них их собственным языком.

А.И.Лучанкин

СИМПТОМ ТЕХНОКРАТИЧЕСКОЙ СИНДРОМАТИКИ

1. Понятие "человеческое измерение" (ЧИ) этически значимо, фиксируя телесно-духовно-жизненное бытие человека в различных (и недочеловеческих) системах, обстоятельствах и т.п.

ЧИ - это СИМПТОМ технократической синдроматики: симптом болезни, где человек (имеется в виду болезнь общества, государства и его политики) лишний. Это же надо дожить до такого терминологического монстра, как "ЧИ", да еще объявить его "понятием"!

Стало быть, как ПОНЯТИЕ "ЧИ" выражает БЕССИЛИЕ гуманитарной науки перед ВЛАСТЬЮ - во-первых, а во-вторых, отражает претензию гуманитариев на "кусочек власти" (пирога и т.п. - жить хочется!).

Думаю, что в ЭТОМ смысле понятие "ЧИ" этически значимо. И именно так - в аспекте КАТАСТРОФИЗМА (а современное гуманитарное мышление, в том числе и этическое - это мышление в семантике возможных катастроф) -

понятие "ЧИ" приложимо к арктической политике.

2. Гуманитарным основанием "Этики Севера" и т.п. может быть, на мой взгляд, принцип ДИАЛОГА, взятый в аспекте "у каждого есть ресурс, необходимый Другому" (где "Другой" - это Арктика либо Человек). Предел здесь - СМЕРТЬ Другого, т.е. ЧИСТАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ НЕБЫТИЯ, катастрофа всей структуры.

Драматизм арктической политики отсчитывается отсюда - из пункта "чистой возможности" как абсолютной негативной ценности.

3. Типичные конфликты обобщенно здесь сводятся к шкале: кто? как? что?

а). Ценности (кто?) групп, этносов и т.п. задают технологию освоения (как?), которая выстраивает свою онтологию, картину Севера (что?).

б). Конфликты ценностей, конфликты технологий и конфликты онтологий Севера ПОЛИТИЧЕСКИ разворачиваются как КОНФЛИКТЫ:

- языков описания Арктики, Севера;
- позиций идеологий (систем ценностей освоения);
- позиций техник и технологий освоения;
- политических позиций и групп, претендующих на власть (управленческую и распределительную);
- личностей (лидеров проектов, ведущих программ и т.д.);
- внутриличностные (драматизм переживания ситуаций, связанный с отказом от стереотипов).

4. "Этика Сбалансированного Развития" - это то же самое, что моисеевская идея коэволюции, т.е. сопряженного развития - диалога по сути - человека и Севера при балансе (учете) всех "интересов".

Подобно власти ДИСКУРСА (языка) - этой самой мощной из всех властных структур - на Севере уже катастрофично реализован дискурс ВЛАСТИ в его самой беспощадной РЕСУРСНОЙ логике. Ресурс ныне - это ТЕЛО ВЛАСТИ, тогда как гуманизм требует ВЛАСТИ ТЕЛА - северной антропософии, ценностного прояснения человеческой телесности "места", особенностей телесно-духовного бытия человека здесь. Кстати, именно такая антропософия, своего рода этика "северного тела", северной телесности и есть фундамент образа и стиля жизни традиционного человека Севера.

Отсюда "Этика Сбалансированного Развития" возможна на базе "власти тела", а не тела власти в ее ресурсном измерении. Но опять же, повторим, понятие "человеческое измерение" - всего лишь понятийный диагноз болезни человеческого тела Севера.

По поводу Декларации:

1. Она безавторна ("кто?") и безадресна (нет онтологии - "что?").

2. Слова "примат", "недопустимость", "минимизация", "должен", "необходим" и т.д. есть СИМПТОМ НЕПОЛИТИЧЕСКОГО подхода: ведь если мое "хочу" не переходит в "могу", то "должен" - и вообще ДОЛЖЕНСТВОВАНИЕ - свидетельствует об абстрактном гуманизме и не более. Кто должен? Как? Чем?

3. Вношу предложение о создании "Арктического права" как права ПРЕЦЕДЕНТОВ. В соответствии с определенными ПРОЦЕДУРАМИ прецеденты диалогического, действительно коэволюционного освоения АРКТИКИ ЛЕГИТИМИРУЮТСЯ ("папка" или банк прецедентов), и на их основе возникает "АРКТИЧЕСКОЕ ПРАВО".

С АПЛОДИСМЕНТАМИ НАДО ПОДОЖДАТЬ

Определяя тему экспертного опроса "Арктическая политика: человеческое измерение", организаторы, видимо, ставили перед собой задачу выявить не только лишь моральный аспект этой проблемы, но и постараться "вписать" ее в систему координат аксиологии как таковой.

Если делать ставку на это, то сразу возникает необходимость анализа всего генезиса и современной конкретно-исторической ситуации северных общностей.

Этические парадигмы универсальны по своей сути, поскольку у них одна родовая основа - сознательное или стихийное нравственное освоение человеком окружающего мира. Они всегда были освящены идеалами, но корни имели земные. Их континуум неразрывно связан с человеческим бытием, сердцевину которого составляет многообразие видов деятельности и отношений людей, детерминированных экономической многоукладностью.

Насильно прерванная эволюция арктических этносов привела к суперотчуждению как в сфере производства, так и в сфере духовной. Даже традиционное миссионерство и колониализм блекнут перед разгулом политико-экономической стихии, ворвавшейся в патриархальщину народов Севера под флагом субъективного, волюнтаристского социализма.

Утверждаю это как очевидец, имевший (да и сейчас имеющий) возможность на протяжении длительного периода видеть муки и страдания человека, насильно перемещенного из одной эпохи в другую, человека психофизиологически не подготовленного жить в совершенно другом измерении.

Искусственно прерванные роды всегда чреватые опасными последствиями. Сегодняшнее существование северных народов (и не только их) требует даже не столько этического "родовспоможения", сколько строгой научной, исключительно гуманизированной эффективной социально-экономической терапии. Другими словами - создания таких условий, при которых единственно возможно их сохранение и развитие.

Способна ли в этом смысле "этика Севера" стать катехизисом с большой буквы в политическом, социологическом, экономическом и другом инструментальном наборе "экстренной помощи" приполярным этническим общностям?

"Не навреди!" - под таким девизом, готовым из умозрительной вещи превращаться в решительное "табу" для некомпетентного политика, хозяйственника, философа и т.д., должна работать вся аксиологическая система.

Эксперт, взявший на себя смелость найти выход из затянувшегося конфликта, на наш взгляд, обязан иметь в виду ряд следующих обстоятельств.

1. Необходимо глубоко и всесторонне знать предмет (объект) приложения сил. В первую очередь иметь современное представление о становлении многовариантности и многоукладности жизнедеятельности "нашего" и мирового Севера как компонентов макроэкономических структур. Это позволит выяснить, как в таких условиях и в каком виде сохраняются, выживают и развиваются традиционная экономика и вся система надстроечных отношений коренных народов.

2. Знание о базисной и надстроечной полифонии послужит ключом к пониманию сущности абстрактного северного человека - совокупности исторически обусловленных общественных отношений, где суперотчуждение уже не ка-

жется непреодолимым, где откроется путь его упразднения.

3. Тропа добросовестной научной абстракции может вывести на реализм в оценке нынешнего состояния жизни каждой национальной общности, дать ориентиры для построения необходимых технологий решения проблемы, приведет исследователя из трясины политических рефлексий и случайностей на твердь познанных законов развития и предсказуемых последствий.

4. Нынешнее состояние станет исходной базой определения всей суммы не востребуемых ценностей, которые нужно адекватно закрепить в теории, политике, а главное, в практике устройства жизни аборигенов. Здесь наступает этап внедрения...

Вообще приходится только удивляться героизму (романтизму?) Тюменской команды организаторов движения "Этос и этнос". Они не боятся "лаять на слона" - плохо восприимчивую к поискам истины Систему устаревших, но еще сильных стереотипов, в плену которых находятся "субъекты политической деятельности".

Эти неугомонные и даже неугодные искатели Добра и Истины очень хотят, чтобы их услышали. Им не страшен Вавилон в общественных науках, в политике и экономике. Их не пугает броуновское движение в национальном самосознании. Они готовы двигаться вперед, пока не умрет надежда быть услышанными хотя бы частью из тех, от кого зависит "светлое будущее" народов Севера уже сегодня.

Если это случится и арктическая политика начнет строиться бесконфликтно, на основе "сбалансированного развития", где будут торжествовать новый истмат и новая политэкономия, тогда наступит эпоха человека как меры всех вещей.

Но с аплодисментами надо подождать - "этика Севера" не позволяет, да и "роза ветров" мешает: вдруг не в ту струю угодишь и вместо почитателя общечеловеческих ценностей превратишься в нравственного примата в северном исполнении.

Кстати, о "приматах". Проект Декларации "Базовые ценности и основные принципы арктической политики" можно рассматривать как рабочий документ. Полагаю, что над ним еще надо поработать, особенно в тех частях, где слово "примат" трактуется буквально или где аналогичный смысл в политизированной ипостаси стремится игнорировать законы реального общественного развития.

А.К. Омельчук

ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ ЕЩЕ НЕ НАСТАЛ ИЛИ ПРАВИЛА ИГРЫ ЧЕЛОВЕКА С СЕВЕРОМ

Я бы хотел начать со второго пункта и со слов "этика Севера". Допустимо ли говорить о понятии "Этика Севера"?

Я полагаю, естественно, допустимо, хотя, наверное, специалисты считают, что этика может быть только общечеловеческой, без географических различий: восточных, южных, северных, западных. Чем объяснить, что такое понятие можно вводить в обиход? Я считаю, это напрямую связано с обостренным взаимоотношением человека и природы. Коренной северянин, т.е. человек, родившийся на Севере, имеющий генетические корни, связанный с Севером, вынужден относиться к природе двояко. По физическому существу природа арк-

тических районов, прилегающих северных районов глубоко враждебна физической природе человека, и в то же время, несмотря на эту враждебность, генетический северянин считает природу своим главным другом. Это исторически позволило ему прижиться и существовать на протяжении тысячелетий именно в экстремальных погодных условиях. Вот это противоречие, которое заложено во взаимоотношениях человека и природы, и порождает человеческую специфику, что позволяет говорить об особенностях этики Севера. Если в других районах природа позволяла человеку выступать в роли покорителя, то на Севере она его заставляет только приспособливаться к ней, т.е. всегда, во всех случаях учитывать враждебность природных проявлений. Поэтому у северян есть, скажем, непонятные для человека из средней полосы обычаи, например, принимать в своем чуме человека, который враждебно настроен к нему. Мы придем к хозяину чума с враждебными намерениями, но он по северным законам примет нас, обогреет, даст выпить чаю, потому что он знает; главный враг у вас двоих - это беспощадная полярная природа. И видовые отличия, принципы выживаемости вида заставляют его поступиться своими индивидуальными этическими соображениями. Он может погибнуть от своего гостеприимства, но он примет Вас... в интересах видовой выживаемости. Пусть ученые скажут, что это, скорее, не мораль, а биология. Сегодня, когда мы все озабочены проблемой выживания человечества, это заставляет нас думать о модели спасения человечества с использованием "биологической морали", "Этики выживания". Мы знаем, что северяне не учатся плавать и очень часто тонут, как говорится, покоряются стихии. Я что в этом вижу? Наверное, не очень трудно научиться плавать; но в этом обычае не просто смирение перед природой, а уважение природного закона человеком. Он, прибрежный ненец, научится управлять своей лодкой в бурную погоду, на бурной реке, в бурном море, подладится под природу, не противоречит ей. Если он окажется бессилем и будет выброшен из лодки, значит он слаб и потому вынужден погибнуть. Т.е. это еще один вариант, может быть, той самой биологической выживаемости, ставшей нормой северной морали. Он оказался слаб, слабее природной стихии, и погибает - не просто случайно, а погибает как слабый, не сумевший естественно вписаться в северную стихию.

В отличие от южанина или жителя средней полосы, человек Севера относится к природе не как к врагу, а как к другу. Она не враг его, но только по физической сущности. И в данном случае, когда он тонет и тонет почти сознательно, т.е. принимает условия игры. Он не выиграл, должен погибнуть. Это природная стихия: арктические морозы, долгая полярная зима с ее психологическим гнетом, она по физической природе враждебна. Я это сразу оговорил, но, только приняв природные правила на биологическом уровне и сделав это нормой человеческой морали, человек впитался в природу, прижился, сделался ее другом. В этом "несвобода" северянина по отношению к природе, которой может пренебречь человек, живущий в среднем поясе; это отличает этику Севера. Поэтому я считаю, что глубочайшее понимание природных закономерностей, себя как части этой северной природы, диктовало северянину нравственные правила своей жизни по правилам этой природы (и если ты выпал из этих правил, ты должен выпасть из жизни). Это отличает этику северянина от иной человеческой этики. Если мы не примем природные правила игры и будем считать, настаивать на том, что человек - главная ценность природы, а тем более - "царь природы", то эта имперская человеческая логика вполне может привести к исчезновению человечества с планеты. Мы должны проникнуться этикой Се-

вера, экологической этикой северянина. Модель северной этики становится глобальной. Мы разбудили те стихии, которые человеком неуправляемы, и нам нужно принять условия игры, а значит, проникнуться жертвенностью северянина - отдельная особь может погибать в интересах выживания вида и человечества.

В чем же драматизм арктической политики?

Я уже сказал, что не может быть человеческого измерения, когда игнорируется природное измерение. Возьмем в качестве модели Ямал. Я считаю, что его различие с более южным - Ханты-Мансийским регионом не пространственное, а временное. То, что быстро произойдет с Ямалом - агония - несколько замедленно будет в Ханты-Мансийском экологическом регионе. Это связано с природной воспроизводимостью, с особенностями этих регионов: то, что ментально природа сделает, ответив на человеческий вызов на Ямале, растянется во времени в Ханты-Мансийском округе. Но финал тот же. Финал естественный. Апокалипсис.

Что такое Ямал, и в чем его драма? Здесь, наверное, в концентрированном виде - безумства человека, человеческий эгоизм, растаптывающий свое будущее, безрассудство человека, концентрированная политика режима, строя, который не оглядывается на будущее, не просчитывает варианты будущего, охваченный дрожью сиюминутного обладания каким-то земным сокровищем; совершеннейшее отрицание просчета на будущее, на которое природа отреагирует мгновенно и однозначно убийственно, что ведет, естественно, к умиранию природы в данном регионе. Все цивилизованные государства, включая Советский Союз, умудряются жить на территории, предоставленной им природой, не собираясь глубоко проникать на Север. Север - это запасная земля человечества на черный день. Черный день еще не настал. Это безумные люди, не желающие работать и не желающие, главное, думать головой, считают, что они пришли к черному дню; это кризис их умственной деятельности, а не кризис проживания человечества на планете. Еще двадцать лет назад я был убежден, что тогдашнее Советское правительство делает мудрый шаг, вписываясь в северную политику. Увидев, как оно это делает, мы понимаем, что это безрассудство, безумство, что это политика недалёковидных. Мы знаем, что каждая цивилизованная страна может обойтись тем, что у нее есть, и мы с вами знаем пример не обладающей никакими минеральными ресурсами Японии, вышедшей на первое место в мире. Это когда работает голова, человеческие возможности, и мы понимаем, что это достаточно богатые возможности - работает компьютер, а не лопата. В Советском Союзе работают геологической лопатой и считают, что это единственно мудрая политика. Наши богатства нас развратили, сейчас думает желудок и совершенно не работает мозг. Вот приблизительно моя схема, почему Советское государство вписалось в Север. Если бы СССР забыл о Тюменской области или, по крайней мере, о северных регионах Тюменской области, возможно, мы были бы процветающей страной, но государство пошло по самому легкому пути, который привел к самому "лучшему" тупику. Это было эгоистическое выживание некой группы, но не общества. А общество она загнала в тупик, т.е. свою ближнюю задачу она выполнила. Я могу неуважительно относиться к Л.И.Брежневу, но сейчас же вспоминают: "Вот при Брежневе было жить хорошо". Значит, Брежнев выполнил задачу своей группки и какого-то временного общества, но совершенно не задумывался, что общество на нем не заканчивается. Выживает мудрый, работающий головой. На Севере выживает мудрый, у него голова - компьютер, и он

весь природный комплекс вобрал в себя и умеет перевести в свое физическое состояние. Так и в обществе, если мудрый вобрал в себя комплекс проблем и спрогнозировал проблемы, он выживает. Выживает не сильный или слабый, выживает мудрый как на Севере, так и в обществе. Я думаю, что в принятии тех решений, которые привели к сегодняшнему экологическому тупику на нефтегазовой основе, этики было равно нулю.

В течение столетий, тысячелетий освоение Арктики шло на основе именно северной этики. Человек уживался, приживался, жертвуя собой, понимая, что природа над ним. Семьдесят лет насилия не могли не сказаться. Этическое сознание северянина подорвано, а массовый наплыв людей, не понимающих и не представляющих сложностей северного природно-человеческого комплекса, естественно, приводит к грубейшему надругательству над этой землей. Изживание этической концепции Севера, грубое насилие над ним выражены в "этике" ведомств, которые вообще человеческим законом не пользуются, а пользуются какими-то моделями без этических компонентов. Естественно, на Ямале все происходит в концентрированном выражении. И это ведет к однозначному результату. Только-только проснулось какое-то человеческое сознание на уровне, скажем, советской власти, разбуженной демократией, еще не понимание интересов коренных северян как представителей человечества, а просто осознание, что их мораль надо хотя бы понять. В обществе гражданском возникнет понимание, что северяне отстаивают не свой маленький интерес, а что они, защищая свой локальный интерес, отстаивают все человечество.

Это хрупкое понимание - первый шанс спасения. Не Ямала. Это шанс спасения человечества. Если мы проникнемся сознанием того, что нужно спасать не просто малые народности, а что гибель малых народностей - это первая ступенька, ведущая в грядущую экологическую Гибель все человечество. Если это сознание возникло у людей, которые проживают вроде бы благополучную жизнь, это в принципе шанс всего человечества.

Я не выделяю себя, я долго пел аллилуйю, но уж понять-то я, по крайней мере, могу, что должен сказать об одномерности и однолинейности нашего гражданского сознания. Мы видим только первичные выгоды, не занимаясь прогнозом. Если я лично могу ради мгновенного удовольствия пожертвовать собой, бог с ним, это чисто индивидуальное, но когда речь идет о выживании общества и человечества... Общество должно прогнозировать, что мы сознательно идем на экологический СПИД.

Давайте смоделируем такую ситуацию. Ямало-Ненецкий округ принял японское подданство. И отошел от России. Россия погибнет? Нет, она начнет думать. Знание того, что у ней есть мешок за спиной, ей только вредит. На Ямал с голодным сознанием лезть не следует. Эта позиция может быть компромиссной, но ставя себя в безвыходное положение, человек начинает думать. Так вот, советскому мозгу нужно поставить себя в безвыходное положение. Эгоизм всеобъемлющ. Сегодня в обществе сильны эгоистические тенденции, мол, самые простые решения - самые выгодные. Нужно поставить Берлинскую стену в сознании. Пока у нас этого нет, но ведь у нас есть главное отечественное достояние - наши мозги. Но они отключены. Мы, еще раз подчеркиваю, думаем желудком и руками. И если огромная армия проектировщиков, промышленников будет обливаться слюной от вида Ямала, а не думать, как разумно использовать это, мы просто усугубим кризис. Давайте забудем о Ямале. Это не экстремизм, а размышление о наших с вами внуках и правнуках.

Мы сегодня говорим о Ямале, о сбалансированном развитии на сегодняшнем проектно-промышленном уровне. Это замедленное самоубийство, когда человек сознательно себя убивает, достаточно мягким способом, успокаивая свою совесть и не чувствуя физических мук. Поэтому я глубоко солидарен с программой сбалансированного развития, но для этого нужно сначала отказаться от старых методов. Все, что происходит - это не просто старые методы, это варварские методы. Изначально нужно от чего-то отказаться. Я не говорю о том, что нужно отказаться от добычи. Я считаю, что общество должно пойти на какие-то самоограничения. Любое общество переживало такой период, кроме непомерно эгоистически развитого советского общества, которое считает, что природа должна ему дать все, что оно потребует.

Говорят, что народ этих утопий не поймет, наш народ не может терпеть, он натерпелся. Где взять аргументы, чтобы убедить не столько правителей, хотя от них никуда не денешься, но сам народ, т.е. не любимые многими ведомства (их уже заведомо нельзя переубедить), а хотя бы тех, кого можно попытаться переубедить?

Что можно сказать... Жаль этот народ, глубоко жаль, если он руководствуется подобными стремлениями. В этом поколении народ выживет, но ведь в биологии заложен инстинкт продолжения рода, значит, этот народ, наверное, "избавился" от некоторых нравственных канонов. Я еще раз повторю: любимая природа сбросит больное человечество.

Как пробиться в души людей, которые, если не принимают решений, то влияют на них. Как пробиться? Вспомним, во втором тысячелетии до нашей эры варварства, наверное, было больше, чем сейчас, значит, человечество можно, наверное, все-таки обуздать нравственно. Я не знаю возможностей христианской борьбы с варварством, не знаю каких-то промышленных рецептов, но считаю погубной идею наших сегодняшних промышленных приоритетов. От них надо избавляться.

Приведу два сравнения. Я, поклонник президента Джона Кеннеди, в юности думал: почему этот умный государственный деятель остается верующим? Он что - не знает, что бога нет, неужели он дурнее меня, какого-то советского школьника? Не представляет, что в мире происходит?

Сейчас я понимаю, что столкнулись два общества и две цивилизации; умная, деловая Америка большей частью верит в догматы: христианства, католичества, протестанства...

Насколько я понимаю, самое главное в Библии то, что человечество ожидает конец мира и страшный суд. А что в нашем извращенном, дурно понятом марксизмом сознании? Мы за 70 лет утратили понятия суда и конца света и считаем, что грядет "бесприсветно" светлое будущее.

Это две концепции человеческого мировоззрения. И как ни странно, та концепция, где в конце - страшный суд, показывает свою жизнеспособность, а та - где светлое будущее, заходит в тупик. То, что мы бодрим шагом и под неусыпным надзором нашей идеологии идем к концу света, мы (эксперты) должны своему обществу объяснить. Это "новое" старое сознание, общество должно помнить, что в итоге все-таки - конец света (планетарная экологическая катастрофа) и высший суд. Я считаю, что только в этом случае существует нравственность, мораль, только таким образом выживает отдельная особь и выживает человечество. Поэтому я поддерживаю Вашу идею организаторов опроса о гуманитарной экспертизе. В сознание безумного общества надо вколачивать, что его ожидает конец света и высший суд. Джон Кеннеди не просто верующий,

он помнил о своей ответственности перед человечеством, в голову советского школьника идеи высшего суда за безответственность не закладывали.

В заключение подчеркну, что моя формула очень проста. Меня обвинили в том, что в своей книге "Соленая Арктика" я предложил прямолинейный вывод - не спешить. Но, к сожалению, я придерживаюсь этой простой мысли: не спешить. А если не спешить, то можно что-нибудь придумать приемлемое, а если спешить, то можно не только насмешить... Но еще наплакаться и умереть от собственного смеха. Насмешить до смерти.

А. И. Пика

"МЫ ЗА ЦЕНОЙ НЕ ПОСТОИМ ..." - АНТИПОД ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ

1. Человеческое измерение в приложении к социальным ценностям и приоритетам - для нас естественная реакция на прошедшие годы и десятилетия, когда ценность человеческой личности, смысл и оправдание ее существования измерялись степенью пригодности для достижения прагматических целей, поставленных государством. В пример ставились те, кто жертвовал жизнью, здоровьем, человеческим счастьем и достоинством /часто чужим, а не своим/ ради осуществления планов правящей верхушки советского социалистического тоталитарного государства. Это были многочисленные герои труда и войны, "сталинские соколы", челюскинцы, стахановцы и павлики морозовы. На пути от тоталитаризма к демократии мы вынуждены постоянно доказывать и подтверждать соответствие своих действий интересам широких слоев населения. Человеческое измерение - это инструмент для определения такого соответствия. Применение этого понятия для оценки социальных, экономических, культурных изменений в обществе возможно в любой сфере, в том числе при разработке принципов арктической политики.

На Севере, как нигде в мире, природа хрупка и ранима, и для малых северных народов непосредственный контакт с природой исключительно важен для удовлетворения базовых потребностей человеческого существования. Приоритет экологических интересов над экономическими менее осознается жителями других регионов, нуждающихся в промышленных ресурсах и привыкших брать их на Севере. Как приложить здесь критерий человеческого измерения для определения правоты или неправоты желающих сохранить и жаждущих воспользоваться? Как далеко может зайти большинство в стремлении удовлетворить свои интересы за счет меньшинства? Ответ на эти вопросы даст человеческое измерение. Нужно только не забывать, что человеческое измерение не спор и противоборство, а поиски согласия как принципа принятия решения. Вообще, здесь еще много нерешенных проблем как в философско-этическом плане, так и социальной практике: какие процедуры поиска обоснования принятия решения могут быть выработаны и установлены, чтобы результаты социальной политики отвечали интересам государства и не ущемляли интересов других народов.

2. Особая "Этика Севера", на наш взгляд, существует. В основе лежит понятие "граница", и смысл здесь в том, что люди, приезжающие на Север, как в прошлом, так и сейчас попадают из жестких тисков общественных законов и правил, установлений в мир относительной свободы и бесконтрольности. "Закон - тайга" - говорили раньше, и это значит, что человек может и должен сам

делать свой этический выбор на основании внутренних качеств и побуждений, менее, чем на Юге, сообразуясь с общественными установками. Граница и Север - это динамичное, маргинальное пространство, где особенно много злодеев и много защитников, много правдоискателей и меньше заурядных людей, обывателей. Это создает особую, активно тревожную эмоциональную атмосферу жизни на Севере, которая затрагивает какие-то особые струны мужской психологии. Отсюда известное особое притяжение Севера. Оно больше характерно для мужчин, что-то заставляет их вновь и вновь возвращаться на Север. Там мало государства и много свободы, там настоящая жизнь. Это ощущение свободы, подкрепленное материальными возможностями и дефицитом нравственности и добра, может сделать людей циничными и гордыми разрушителями Севера. Таковы многие наши нефтяные и газовые "короли". Эти новые герои так же, как и старые маршалы и генералы в годы войны, не желают думать о последствиях и цене своих успехов и побед.

"Мы за ценой не постоим" - это наш социалистический принцип, и это - антипод человеческого измерения. Что касается этики отношения с коренным населением, с малыми северными народами, нужно отметить, что тут знаменитое "золотое правило" этики "не поступай в отношении других так, как бы ты не хотел, чтобы поступали в отношении тебя" не срабатывает. То, что позволено между людьми, не всегда хорошо между этносами. Как раз большинство проблем возникает тогда, когда один этнос навязывает другому, конечно, "из самых благородных этических побуждений" свои ценности, стереотипы жизни. Большой "добрый" народ-патерналист поступает по отношению к малому народу так, как хотел бы, чтобы поступали по отношению к нему. И этим уничтожает этот малый народ. Между этносами своя этика, и она не сводима к этике межличностных отношений.

Сбалансированное развитие общества - это такое развитие, когда все обязаны считаться с интересами всех, и каждый уважает интересы каждого. Ни одна территория, ни один регион, ни одна отрасль хозяйства не должны развиваться за счет других и в ущерб им. Ни одна социально-этническая группа не должна устанавливать своего доминирования и опеки над другой. И это будет сбалансированное социально-экономическое развитие. Но баланс нужно сохранить и в отношении с природой. Поэтому принципы равновесного природопользования тут тоже должны присутствовать. Мы не видим никакого противоречия между идеей сбалансированного развития и современными требованиями приоритетного развития традиционного природопользования малочисленных народов Севера. Баланс между индустриальным освоением Севера и традиционным природопользованием сейчас нарушен. Необходимо восстановить справедливость. Приоритетность интересов традиционного хозяйства и природопользования коренных жителей Севера на данном этапе - это необходимое условие для восстановления такого баланса.

С.М. Потапенко

ОБРАТИТЬ "ПОКОРИТЕЛЕЙ" В "ЛЮДЕЙ СЕВЕРА"

Считаю не только допустимым, но и необходимым говорить об особом направлении приложения этики - "Этике Севера", в которой нормы и ценности, на мой взгляд, закладывались самим Севером и людьми, сумевшими там выжить:

- тяжелые климатические условия, несовершенная технология, преимущественно ручной труд определяют крайне жесткую границу выживаемости индивидуума на Севере. Это привело к жизненной необходимости (возведенной коренными народами в статус Законов Тайги, Тундры) оказания добровольной и безвозмездной помощи любому встреченному на Севере человеку и быть уверенным в получении такой помощи каждому;

- огромные территориальные пространства, величайшие запасы природных ископаемых, богатство рек и лесов, очень малая плотность населения, исключая почти полностью вражду на почве территориальных претензий, и обладание природными запасами исторически образовали благоприятный фон миролюбия, открытости и щедрости в отношениях людей Севера;

- уникальная легкоранимая и очень трудновосстанавливаемая природа Севера, ее неповторимый животный и растительный мир - экологическая ниша, где столетиями вполне уживался и человек, но "Человек Севера", а не "покоритель Севера".

На мой взгляд, в этом главный конфликт, главный драматический момент арктической трагедии. Люди Севера в этой борьбе или вымирают, или переходят в лагерь "покорителей". Цель арктической политики, по-моему, обратить "покорителей" в "Людей Севера", исповедующих этику Севера и живущих по ней.

Миграционные процессы, усилившиеся во второй половине XX века, внесли в этот конфликт решающее значение. Одновременно с первыми учебниками на языках коренных народов на Север хлынули тысячи "цивилизованных покорителей" с варварской технологией, водкой и матерщиной. Взамен разрушенного родо-племенного уклада коренных народов и патриархального - русских северных поселений - пришел хищнический азарт временщиков и безысходность лишенных корней, "вкусивших цивилизации" северян.

Если говорить о модели развития арктической политики, то мне ближе понятие "сбалансированное развитие Севера". Ратовать за "приоритетное развитие традиционного для народов Севера образа жизни", на мой взгляд, нарушение основных прав человека. Нужно создать на Севере необходимые условия для свободного развития любого человека /естественно, не за счет и в ущерб природе или какой-то группе, общности людей/.

Для этого в дополнение к проекту Декларации необходимы: арктическое законодательство /Российское, союзное и международное/; арктическое здравоохранение /специализированная медицинская служба с правом жесткого контроля за допуском в зону Севера на работу/; особый статус арктических территорий /территории повышенной экологической опасности и зоны риска для проживания человека/.

Г. С. Райшев

НАУЧИТЬ ВОЛКА ЖИТЬ В СТАДЕ?

У каждого есть свое понятие о том, что такое этика. Я это представляю как правила поведения, сформированные на нравственной основе. Это внутренние правила. Как говорил Кант, внутри нас нравственный закон. Опираясь на него, мы вывели правила поведения, которые должны соблюдаться обоюднo - только тогда правило станет действенным. Но у нас правило не стало дей-

ственным, потому что Слово и Дело не смогли взаимодействовать. В результате я как человек выступаю за одни какие-то свои действия, а как гражданин - за другие. Парадокс. Гражданин и человек не совмещаются. Потому что гражданин в моем представлении - это обязательство человека, взятое на себя. Взяв обязательство на себя, став соучастником какой-то группы, сообщества, через некоторое время убеждаюсь, что меня обманывают. Навязывают мне обязательства, долг и этим долгом меня "пришибают", лишают моей личной свободы, свободы действующего человека, личности, которая никакой цены не имеет. И я ухожу снова в личность, в первозданность. Чтобы сохранить биологический статус, данный природой, я защищаюсь от этого привнесенного для меня правила жизни, ибо вижу, что гибну. Таким же образом и народ в целом, и малый народ тоже. Он как человек. А государственные люди очень похожи на человека в машине, который, создав эту машину, обезопасив себя, двигается и очень быстро психологически перерождается, т.к. люди, идущие, для него - мошки. Он защищен, он срастается с этой машиной, и внутренний биологический закон, данный природой - беречь и лелеять сотоварища по человеческой жизни - уходит от него. Он становится придатком машины. В результате я не могу, да и любой народ не может верить государственным людям, которые отторжены от изначального, первородного человеческого договора о помощи друг другу при создании неких благ. Через некоторое время за счет большой силы механизма они, эти блага, отторгают от людей и становятся единственными распределителями благ. Касается ли это личности или народа - одинаковый подход. Малый народ так же чувствует себя беспомощным, как идущий пешеход, как идущий человек перед машиной. Государственному человеку, этой "машине" трудно вменить какую-то этику. Он потерял нравственный закон в себе как деятель, отторженный от человечества, живущий совершенно другой жизнью. Люди должны бы, образно говоря, вытащить его из машины и заменить его, как только увидят, что он не уважает пешехода, т. е. идущего человека. Нравственный закон попирается, если "пешеход" должен сторониться и пропускать "машину", попран страхом перед идущей "машиной".

Государственное мышление в корне противоречит самой сути человеческой личности, когда оно бесконтрольно. Когда же "машиной" узурпируются всякие правила, она подминает, отторгает все.

Когда большинство людей считают, что надо сесть в "машину", она переполняется желающими спастись. Каждый думает: "Пусть затопчем пешехода, зато я спасусь". "Машина", в сущности, есть цивилизация. Простой человек очень точно понимает, когда ему говорят: "Вот тут вышка. Она даст много нефти, и ты будешь ездить на моторе". Он-то знает, что нефть есть - рыбы нет, мотор есть - опять рыбы нет.

Каков же смысл такой цивилизации, если естественный продукт уничтожен, если меня кормят химией. Но "люди-машины" хитрые. Они приобретают себе оазисы, на которых питаются, другие туда не допускаются. Выходит, что государство живет не для человека, а для определенной группы людей с государственным мышлением. Что же такое государственное мышление? Это не человеческое мышление, а машинное. Поэтому обратиться надо к человеческому мышлению, т.е. к такому, которое оставляет человека жить на Земле, дает такую возможность. Но мы потеряли контроль за управлением этой "машиной". Можно ли обратиться к людям, которые в этой машине, чтобы они стали гуманными? Может быть, в ней найдется с десяток гуманных людей, но они не в состоянии справиться с этим молохом. И вряд ли будут стараться, т.к. они

изнутри видят этот огромный молох, который перемалывает все. Страх перед "машиной", маховиком, который крутится со страшной силой, заставляет их отступить и сказать: "Ничего сделать не можем". "Машина" катится к обрыву, т.е. цивилизация таким образом катится к обрыву.

Лев Толстой хорошо сказал, что художник - это первооснова, соблюдающая нравственный закон в себе. Вот почему художники как бы анти политики, вне политики. Они в жизни и за жизнь. Это их кредо.

Можно ли говорить об уязвимости природы только Севера? А природа Юга разве менее уязвима? Возьмите Арал - также уязвим. И говорить об особом, отличном, специфичном - это значит запутать проблему, уводить ее в специфические какие-то, узкие суждения. Надо, мол, осваивать, но очень осторожно. А в сущности ведь надо просто поставить препятствие такому колониаторскому освоению.

Сейчас проходит Съезд, там есть пакет предложений, и теперь посмотрим, будет ли совмещено Слово и Дело? Будет ли создана этика поведения государственных мужей и простых людей, населяющих Сибирь? Будут ли они тормозить "машину" или нет? Если этого не произойдет, то говорить об этике не представляется возможным. Будет та самая приятная игра в слова: "Мы друг друга не оскорбили. Словесный бой вели по правилам".

Чтобы Вам не превратиться в организацию, которая ведет борьбу по правилам, нужно стать контролирующей организацией. Вы же пожелали научить волка жить в стаде, чтобы он не зарезал больше овец, чем ему надо. А у него инстинкт давить и давить...

До съезда народов Севера Договора ведь не было. Пришли люди и узурпировали право на территорию, жизнь. Будет ли действие соответствовать Договору?

Являются ли этики государственными людьми? Все, кто получает государственную зарплату - государственные люди, все - часть "машины". Но этиков запустили в виде тормозов, образно говоря. Вам за это и платят. Это одно из правил "вождения машины". Чтобы не разбиться окончательно, ей нужно иметь тормоза. Некоторые организации являются в этой машине тормозами. Но если закончится гласность, то вас упразднят как ненужный механизм.

Есть и другие тормоза - Законы, контроль. Когда "машина" давит людей и с "шофера" спрашивают за это, он отвечает, что не виноват, что задавил много людей, т.к. "тормоза" плохие, несовершенные или их нет. Сталин создал эту "машину" без "тормозов", узурпировав власть, право. Поэтому "машине" и государственным людям все дозволено, никаких тормозов. О каких правилах, нормах и этике может идти речь? Безнравственный человек - лучший человек в таком государстве. Можно и по-другому сказать: "Если ты государственный человек, то ты безнравственный". Политика ассоциируется с безнравственностью, она за пределами жизни, на услужении определенной касты людей.

Художник не может работать за деньги, т.к. иначе он узурпирует свободу. Свобода творческого полета - это по закону жизни. Профессионализм - это не свобода, а ремесло, не творение, а обслуживание за определенные материальные блага.

Жизнь коренных народов Севера гармонична с природой, это творчество, они приспособляются к природе, а не ломают ее. А государственный человек переходит границы, ломает эту гармонию, устойчивость. На каком основании? На основании выгоды. Хотя и выгода, нажива сомнительны. Нравственный человек, приехавший на Север, неволен, его везет машина. Он - винтик

машины. Даже если он будет строить дома для местных жителей, то это милостыня, подачка. Уничтожит реку, пастбище и построит дом, живите, мол, пользуйтесь благами цивилизации, ешьте хек вместо нормальной рыбы, которая когда-то бы и основой жизни этих людей.

Это не просто конфликт между Малыми народами и Большими народами, а конфликт цивилизации и "биологического человека" (т.е. изначального человека любой национальности). Ведь в "цивилизованную машину" бросились "спасаться" крестьяне, забросившие свои российские деревни. Это разращение "машиной" нравственных устоев людей. Всем надо грабить и жить за счет других.

Крестьянин, живущий на земле, был единственным мерилем нравственности народа. Это отмечали Достоевский, Толстой... Единственное мерило, потому что здесь - жизнь. Разрушили крестьянский уклад, основу жизни, и разрушилась нравственность.

Этики - это механизм торможения в этой государственной "машине". Когда идет пожар, нужно не инструкции создавать, а тушить пожар. Поэтому Ваша работа должна быть быстрой, творческой. Нельзя медлить, чтобы "инструкции по тушению пожара" не превратились в красивые, но не нужные уже никому документы.

Этика сегодня - это скорая медицинская помощь для человека, а не для "машины".

В.Н. Сагатовский

АЛЬТЕРНАТИВА КОНСЕНСУСУ – КАТАСТРОФА

1. "Человеческое измерение" - пока что не понятие, а образное выражение типа "социализм с человеческим лицом" и т.п. Но его можно и нужно эксплицитировать до уровня понятия.

Во-первых, термин "измерение", конечно, надо заменить чем-то другим - например "аспект". Человеческое, если оно не редуцируется до уровня объекта (и тем самым теряет свою гуманитарную суть), как раз и не поддается измерению (вспомним хотя бы трудности с "измерением" ценностных ориентаций).

Во - вторых, человеческий аспект какой-либо ситуации (в нашем случае - арктической политики) имеет две стороны: а) значимость данной ситуации для человека; б) возможность человеческого отношения к иным - нечеловеческим (допустим, природным) аспектам, компонентам этой ситуации. Тогда в комплексной экспертизе ситуации, кроме ее политической, технико-экономической и иных оценок, будут учтены и обе эти стороны ее человеческого или гуманитарного среза: а) как данная ситуация влияет на участвующих в ней людей (человечество, сообщество региона, отдельные народы, отдельные личности); б) что означает и в чем может быть выражено человеческое, гуманитарное отношение к окружающей среде (в нашем случае - к самой Арктике при разработке концепции арктической политики).

Неучитывание обеих сторон человеческого аспекта рано или поздно бьет бумерангом по субъектам, его игнорирующим: противоречия между людьми, развитие экологического кризиса сводят на нет самые хитроумные политические шаги, если они вдохновляются только ценностями власти и прибыли.

2. Бесспорно, что любой регион, Север в том числе, имеет свои особен-

ности, позволяющие говорить о своей аксиологии (системе ценностей) и этике. Эти особенности определяются условиями природной среды, типом культур, имеющих место в регионе, и сложившейся социальной ситуацией.

Природные условия Севера предполагают сложный процесс человеческой адаптации: биологической и культурной. С другой стороны, арктическая природа обладает повышенной ранимостью по отношению к антропогенному воздействию.

Соответственно взаимодействие человека и арктической природы делает возможным четыре варианта: а) органический симбиоз природы и культуры, продукт многовековой адаптации (эта возможность реализуется коренными народами Севера); б) изымание природных ресурсов по максимуму, не думая о завтрашнем дне (идеология и психология хищнических пришлых цивилизаций); в) освоение без постоянного проживания; г) синтез исторически сложившегося и современного образа жизни.

Второй и третий варианты неприемлемы нравственно, экологически и - в конечном счете - также и экономически. Было бы разумно, если бы в повестке дня остался четвертый вариант, который, по определению, должен взять за основу первый. Социальная ситуация, однако, такова, что неприемлемые варианты занимают прочные позиции и без боя не уйдут. В то же время сознание мирового сообщества, новое мышление и стремление к диалогу, естественно, требуют разработки и обоснования варианта синтеза на основе глубокого уважения исторически сложившихся форм единства культуры и природы.

Исторические и природные особенности вкупе с ныне сложившейся ситуацией заставляют сделать акцент на вполне определенных ценностях и этических требованиях. Современное человечество сможет избежать экологической и культурной катастрофы только в том случае, если в основу этики будет положено убеждение в самоценности природы и различных культур, независимо от их технико-экономической и политической мощи. Только такой подход способен преодолеть господствующую ныне утилитарно-функционалистскую этику, когда значимость чего-либо (природы, иных образов жизни) редуцируется до функции полезности относительно целей, принятых в данной культуре. Экстремальные условия Арктики оказываются критическими и для проверки указанной ориентации на самоценность другого. Сможет ли человек полюбить эту суровую, трудную для жизни природу? Сможет ли он взять в этих суровых условиях повышенную ответственность за ее ранимость? Сможет ли он отказаться от "прогрессивной" шкалы "выше - ниже" при оценке "нестандартных" культур? Иными словами, способен ли он к герменевтическому пониманию и со-творчеству или же - лишь к хищничеству, потребительству и пренебрежению? Таким образом, Арктика экстремальна и для проверки того, насколько антропокосмизм, эколого-гуманистические ценности действительно вошли в душу личности и культуры. Либо гармония, либо распад и гибель - третьего здесь не дано.

3. Можно перечислить следующие основные типы конфликтов на аксиологической почве при проведении арктической политики.

А. На основе ценностей потребительской технократической цивилизации, считающей себя "выше" и в принципе не способной к рефлексии, справедливой критической самооценки.

а) ведомственный вариант - интересы ведомственного "освоения" превыше всего ("стране нужна нефть" и т.п. - прикрытия могут быть разными);

б) вариант "массовой культуры" - хотим жить, "как белые люди", что нам

нужно, то и возьмем.

Никакой моральный диалог здесь невозможен. Нужны политические, экономические, правовые решения и на их основе - соответствующие санкции.

Б. На основе неуважения к интересам другой страны и сохранению среды на ее территории: где-то можно осуществлять экологически чистое производство, а чьи-то просторы превратить в источник дешевых ресурсов и место захоронения вредных отходов.

Такой вариант становится особенно опасен, когда находит "союзников" изнутри, стоящих на технократических и потребительских позициях и готовых торговать чем угодно и с кем угодно.

В. На основе обратной реакции националистического толка, деления населения на "коренных" и "мигрантов", нежелания считаться с тем, что современный мир все более становится целостным, и стремления к власти маргинальных элит.

4. Под "сбалансированное развитие" можно подвести очень разные варианты. Назовем полярно противоположные, между которыми можно разместить все оттенки.

А. Устранение наиболее вопиющих проявлений уничтожения среды, более "рачительный" подход к сохранению природных ресурсов. Но в конечном счете - ориентир на подчинение природы человеку и приведение всех образов жизни к стандартам современной технической цивилизации.

??????? СТР.79-80 нет Начало статьи СОГОМОНОВА Ю.В.

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ВЫБОРА АРКТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

водствуется разноуровневый субъект политического решения. Думается, что мы вправе выделить следующие базовые системы: а) рудименты не изведенной до конца народной экологизированной культуры коренных этносов Севера, русского, татарского и иных этносов, вытеснение которых, по образному выражению одного советского исследователя, было космической драмой крушения целого мира;

б) этос госбюрократического социализма, социокультурного полулюмпенства, который ориентирует своих приверженцев на продолжение курса на колонизацию Севера; принятые в нем примитивизированные представления о добре и зле, должном и справедливом, легко санкционируют вольное социальное экспериментирование, расточение природных и человеческих ресурсов ради квазиэффективности в ситуации разочарования части населения в официальной идеологии и ценностях, несогласия с идеологией модельных перемен социализма - разрушительные последствия для окружающей среды и культурной экологии становятся неизбежными даже в тех случаях, когда эти приверженцы готовы к личному подвижничеству и отклоняют соблазны "невокачевничества";

в) ценностная система, которую требует возрождаемое гражданское общество, создаваемое правовое государство с установкой на возврат в цивилизованный социум.

Важно подчеркнуть, что в этой последней системе ценностей ведущий императив - "будь лицом и уважай других лиц" /Гегель/ - признает необходимым многообразие идеалов, ценностных ориентаций, поведенческих норм и

даже правил различных ассоциаций, общинных и артельных объединений, коллегиальных и соседских коммун, оказывает доверие всему своеобразному, обусловленному национальными, конфессиональными, региональными, корпоративными укладами жизни. Стало быть, эта система не навязывает один - единственный вариант решения проблем Севера, а предполагает подлинный выбор стратегий в процессе деятельности субъектов политического решения. В ходе именно такого выбора между равнодостоинными вариантами открывается возможность не какофонического, а гармонического сочетания нового и старого, цивилизационного и традиционного, пользы и добра, утилитарного и ценностного подходов.

Гуманистическая экспертиза и консультирование не участвуют сами в выработке арктической политики, а лишь обслуживают все субъекты политического решения и стратегического выбора, преобразуя при этом статизированную систему ценностей, отчасти реставрируя ценности народной нравственности и всемерно развивая ценности гражданского общества.

Некогда Блез Паскаль уверял, будто вопрос о нравах - всего лишь вопрос "географической широты". Если согласиться с этим изящным изречением мыслителя, то понятие "этика Севера" не станет особенно беспокоить нас странностью словосочетания. Но указывая на явную односторонность топографического подхода к нравам, этика обращает внимание на более существенную координату - "историческую долготу", которая имеет непосредственное отношение к упомянутым выше трем системам ценностей. В процессе синтеза всех этих систем, не исключено, возникнет "этос Севера", тогда как его прикладная этика, условно говоря, будет занята разработкой методов обслуживания субъекта решения, снимая остроту коллизии принципов приоритетности и сбалансированности, отыскивая консенсус, если только не принимать за таковой давнее "беспробудное единство народа".

С.В. Соколовский

АРКТИЧЕСКАЯ АКСИОЛОГИЯ: ИМПОРТ ЦЕННОСТЕЙ ИЛИ ПОНИМАНИЕ?

Если спросить образованного европейца, о чем он думает при слове "человек", то почти всегда в его сознании начнут сталкиваться три несовместимых между собой круга идей.

М. Шелер

Если шелеровскому европейцу задать вопрос о "человеческом измерении", то в длинной цепи ассоциаций возникнет "почти всегда" фигура Протагора из Абдер, обронившего ставшее потом знаменитым изречение о человеке как мере всех вещей. Любопытно было бы услышать и его ответ, чем по его разумению может являться "человеческое измерение арктической политики"; любопытно, прежде всего, потому, что точность догадки здесь невелика - смыслы скользят, и пространство возможного становится необозримым.

Можно, например, предположить, что автор понятия "человеческое измерение политики" исходил из аристотелевского человека как существа поли-

тического, а следовательно, и аристотелевского понимания политики как "своего рода общения" /государства/, организуемого "ради блага". Тогда становится объяснимым и сплав этики и политики как единой "философии о человеческом". Такое понимание политики превращает "арктическую политику" в "арктическую сотериологию".

Употребление в дальнейшем терминосочетания "арктическая аксиология" заставляет, однако, отказаться от мысли, что речь идет о политике в аристотелевском смысле, ведь этика, ориентированная на ценность, а не на благо, - сравнительно поздний продукт этической мысли. Новоевропейская "ценность" имеет в ровесниках совсем иную "политику", сущностными компонентами которой становятся "интерес" и "власть". Таким образом, в термине "человеческое измерение арктической политики" содержится, на мой взгляд, и такая тема, как власть и человек, государство и человек, и ответить положительно, допустимо ли говорить об особой арктической аксиологии, становится возможным, если существуют некоторые специфические интересы и цели, заставляющие государство осуществлять региональную модификацию своей политики. Иными словами, арктическая аксиология получает право на жизнь, если существует арктическая политика. Иной вопрос - имеет ли такое право сама арктическая политика, существует ли особая политическая ситуация, превращающая Арктику в политический регион?

Таким образом, чтобы ответить на вопрос, необходима ли "Этика Севера" нужно разобраться в политических реалиях Арктики. Известно, что государственная власть осуществляет себя через управление, организацию, руководство, контроль либо господство, основанные как на прямом принуждении и насилии, так и на косвенных формах управления - экономическом стимулировании, культурно-идеологическом влиянии, авторитете и др. Известный политолог, профессор Университета Торонто Ф.Гриффит, анализируя распределение ресурсов в Арктике, еще в начале 1980-х гг. пришел к заключению, что политические структуры и тип местной экономики тяготеют к известному типу стран "третьего мира" с присущими ему экстенсивными формами хозяйствования, отвлечением сырьевых ресурсов в метрополию, сверхэксплуатацией местного населения, колониальными формами правления. Главное отличие от "третьих стран" - отсутствие самостоятельных государственных образований /исключая Гренландию/, что в классификационном отношении означает: мы здесь сталкиваемся с различными вариантами домашнего колониализма. Итак, Арктика имеет политическую специфику: здесь сохранились почти повсюду исчезнувшие специфические отношения господства и подчинения, присущие "домашнему колониализму".

Существующая специфика северных территорий делает необходимым развитие нескольких направлений этической экспертизы. Одним из важнейших, с моей точки зрения, является экологическая этика и экологическое воспитание людей, участвующих в практике освоения Арктики и осуществляющих политику освоения. Другим, не менее значимым, является этика межнациональных отношений, первоначальной задачей которой становится демифологизация массового сознания. Третьим направлением может стать переориентация всех социальных наук, имеющих в качестве объектов исследования человеческие общности, и их взаимодействие на понимающий подход: задача этики видится в определении границ универсума, за пределами которого объективистско-манипулятивная парадигма европейского исследователя становится несостоятельной.

Если первое направление этической экспертизы уже имеет традицию, то второе и третье практически отсутствуют, что объясняется устойчивостью социальных табу и мифологем, препятствующих рациональному постижению драматических реальностей Севера. Отсутствие столь необходимых направлений этической экспертизы делает уместным рассмотрение возможных реализаций этих направлений, осмысление возникающих здесь задач.

Изложенная ранее точка зрения Ф.Гриффита на Арктику как на сырьевой придаток европейских и американских метрополий нуждается в дополнительных экономических, политических и социологических исследованиях. Арктика неоднородна в отношении властных структур - здесь есть территории, где власть осуществляется средствами идеологического производства и основана на убеждении, являющемся продуктом особых коммуникационных стратегий. Однако нередки здесь и территории, на которых управление граничит с господством, а преобладающим средством руководства является административный произвол и экономический диктат центра. Этический мониторинг принимаемых в рамках арктической политики решений требует точного диагноза и неискаженной информации о структуре властных отношений.

Ранее называлась такая задача арктической этики, как демифологизация массового сознания в сфере межэтнических отношений. Речь идет, прежде всего, о борьбе с такими стойкими умонастроениями в отношении коренных народов Севера, как патернализм, комплекс "старшего брата", бытовой расизм и т.д.; о борьбе, без которой сложившаяся структура этнических неравенств вряд ли будет перестроена на принципах гуманизма. Даже предварительное знакомство со структурой этих неравенств обнаруживает наличие господствующих, доминирующих и подчиненных, маргинальных этносов, воспроизводящейся не только за счет особого распределения властных полномочий и ресурсов, но и благодаря используемым сознательно и бессознательно символическим средствам идеологического производства. Именно они должны стать объектом пристального внимания этиков, ибо в современном обществе личность все чаще становится жертвой идеологического манипулирования, потребителем мифов, оправдывающих и обеспечивающих воспроизводство наличной структуры власти.

В современной науке уже разработан инструментальный анализ совокупности дискурсивных практик - от правительственных документов до повседневных разговоров, - лежащих в основе идеологических средств воспроизводства власти "белого большинства" над меньшинствами (Ср. работы: ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. - М.: Прогресс, 1989; Он же. Расизм и язык. - М., 1989). Здесь задачами этиков становятся разоблачение этнических предрассудков, демифологизация так называемого "здорового смысла", "вправление чистого сознания" и воспитание навыков понимания другого народа, устранение ксенофобии и расизма.

Что касается мифов научного сознания, обильно представленных в современной этнографии и этносоциологии /презумпция превосходства собственной культуры, миф об иерархии видов труда, концепции "прогрессивной ассимиляции", "интернационализации" и т.п./, то надежды на их разоблачение связаны, главным образом, с деидеологизацией социального и гуманитарного познания, переходом от "субъект-объектных" к "субъект-субъектным" технологиям исследования, что невозможно без замены манипулятивного подхода на понимающий.

Здесь кажется уместным процитировать признание одного из норвеж-

жских исследователей, отразившего его опыт общения с народами "третьего мира": "В используемом нами подходе предполагалось, что наша культура является моделью для всех обществ - то, как мы действуем, наша экономика, наш подход к устройству общества с его рынками, производством, его культурной жизнью, религией и т.д. Этот подход с очевидностью провалился. Мы видим все больше исследовательских проектов, терпящих фиаско, и все потому, что нет понимания, нет осознания того факта, что мы основываем свои подходы на определенных ценностных системах, определенном образе действий, который мы импортируем бессознательно. Это обычно не рефлектируется, скрыто от сознания. Даже в словах, даже в том способе, как мы используем слова, мы выражаем наше собственное общество и то, как мы смотрим на вещи."

Эта пространная цитата весьма точно обозначает еще одну тему, важную для этической экспертизы - тему универсалий в ценностных системах взаимодействующих народов, тему уникальности этического наследия каждого из этих народов, без исследования которых идея этики социально-нравственного консенсуса становится мертвой.

Слова, использованные в Декларации базовых ценностей арктической политики, в этом смысле тоже - "наши слова", в которых мы выражаем собственное общество, а базовые ценности вне глубокого знакомства с ценностно-нормативными системами индигенных народов - это "импортированные ценности". Этой контрабанде с лучшими намерениями так и суждено остаться контрабандой, если не осуществится самотрансцендирование европейской /как, впрочем, и индигенной/ культуры, возможной лишь на основе диалога и понимания. Пока этого не произошло, "мы" в состоянии решать лишь "наши" проблемы, делая это по возможности цивилизованным способом. И именно в этой временной капсуле, обозначаемой выражением "до тех пор, пока не" возникают цели и средства, потребные для их осуществления, могут формулироваться "ближайшие задачи".

Внутри этой временной капсулы существуют наши собственные противоречия, слои отчасти скрытых и неосознаваемых, отчасти вполне осознанных "до тех пор пока", однако число их конечно. Приведу одну иллюстрацию. В Декларации в числе ближайших задач названа "безотлагательная разработка и реализация нормативных международных актов, запрещающих все техногенные воздействия, имеющие губительные последствия для природы и населения Арктики". Реально, если не ориентироваться на бессрочную перспективу, а иметь в виду именно "безотлагательную реализацию" и, следовательно, отказаться от спекуляций на тему безотходных производств, это означает программу сворачивания "индустриального освоения", того самого освоения, в которое уже вложены сотни миллиардов рублей. Здесь возникает первсе "до тех пор, пока не", связанное с осознанием того обстоятельства, что страна, как бы парадоксально это ни выглядело, останется сырьевым придатком более развитых держав, продолжая наращивать темпы нефте- и газодобычи. Думается, что в структуре процессов, ведущих к такому осознанию, в критике техноцентристской цивилизации существуют собственные "до тех пор пока".

Их осмысление и повседневная работа по их разрешению дают возможность вырваться из плена "пока", рассеять мифы технократической утопии и попытаться понять другого, будь это человек, народ или государство.

... ОБРАТИМСЯ К ЭКОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ,
ОПЫТУ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ

Несколько лет назад мною было предложено создать научный Центр по исследованию гуманитарных проблем развития малых народов Севера. Обоснование открытия такого Центра было представлено в дирекцию Института этнографии СССР. Идея создания Центра мною проводилась в своих исследованиях и выступлениях на разных научных форумах. Два года назад выездное заседание Президиума АН СССР по предложению и инициативе Института этнографии АН СССР поручило секции общественных наук Президиума АН СССР рассмотреть вопрос о создании Координационного Совета по гуманитарным проблемам Севера при участии Института этнографии АН СССР. К сожалению, решение Президиума АН СССР до сих пор не реализовано. Это обстоятельство позволяет мне поддержать гуманитарную Программу Института проблем освоения Севера СО АН СССР по вопросам арктической политики. Предложенная лабораторией прикладной этики этого института тема "Арктическая политика: человеческое измерение" актуальна и затрагивает самые сложные стороны своеобразной культуры коренных народов Севера.

В ответе на поставленные вопросы я хотел бы сказать в тезисной форме следующее. Современная Арктика многонациональна, но особое место занимает коренное население. К сожалению, в последние годы государственная политика в Арктической зоне проводилась без учета экологии и культуры этих народов. Можно сказать, что глобальная политика освоения Севера главное внимание уделяла технологическим проблемам, добыче природных ресурсов. Гуманитарные же проблемы вообще игнорировались, прежде всего, речь идет о ценностях культуры малочисленных народов, создаваемых здесь веками.

На Севере столкнулись две культуры: аборигенного и пришлого населения. Первые за многовековую историю создали свою оригинальную культуру в своеобразных природных условиях. Вторые же, пришлое население, представляющее разные этнические группы, принесли лишь элементы своей культуры. К сожалению, столкновение этих культур закончилось не в пользу аборигенного населения. Во многих случаях возникают конфликтные ситуации. Пришлое население стало вторгаться в этническую среду, игнорируя сложившиеся уклад жизни и культурные традиции. На этой почве сегодня возникают серьезные межнациональные конфликты. К сожалению, политика пришлого населения связана с политикой освоения Севера разными министерствами и ведомствами.

В такой ситуации необходимо обратить серьезное внимание на сложившуюся этику в Арктической зоне. Мы хорошо знаем, что коренные народы осваивали Арктическую зону и формировали культуру с учетом природной среды и уровня своего общественного развития. Они выработали определенные нормы взаимоотношений между людьми и природой, что сказывается в экономике, экологии и культуре. В частности, этические моменты находят отражение в хозяйственной деятельности, мировоззрении, в общественной жизни и правовых нормах членов того или иного общественного объединения.

Этические нормы общественных отношений слабо изучены. Это обстоятельство позволяет всячески поддержать творческое начинание ученых Тюмени. На мой взгляд, этика Севера - это своеобразное и оригинальное научное

направление. Она включает ценностные нормы поведения людей, выработанные в своеобразной экологической среде, а ее сбережение позволяет людям нормально функционировать, создавать материальные блага. Поэтому в арктической политике надо обратиться к экологии культуры коренного населения и его опыту.

Мне кажется, что в понятие "Этика Севера" надо вложить все общественные нормы, выработанные народами для естественного функционирования общества в своеобразной экологической среде. Их ценность заключается как в охране окружающей среды, так и в защите членов общества.

Вместе с тем этика Севера предусматривает защиту интересов каждого человека и оказание помощи каждому, кто нуждается в этом.

На данном этапе освоения Арктической зоны советского Севера считаю необходимым на базе этики коренных арктических народов создать банк знаний об арктической этике, выявить базовые ценности и на их основе выработать принципы гуманитарной политики в Арктике. Думаю, что многие ценные элементы в этике арктических народов могут войти в фонд мировой культуры. Мы должны осуществить такую работу срочно, пока еще можно собрать материалы от "первоисточников".

Термин "Сбалансированное развитие", вероятно, применим к чисто хозяйственной деятельности, но не к политике освоения Севера, где точнее было бы понятие "приоритетного развития традиционных для народов Севера образцов и стилей жизни".

Ю. М. Федоров

СПАСТИ СЕВЕР МОЖЕТ НЕ ПОЛИТИКА, А КУЛЬТУРА

1. Объем, содержание и валентность понятия существенно предопределяются его местом и ролью в ареале значений определенной парадигмы. Для того, чтобы выявить степень соотнесенности понятий "арктическая политика" и "человеческое измерение", их необходимо предварительно поместить в семиотическое пространство одной из существующих социально-нравственных парадигм, что позволит установить тот континуум, те пределы, в рамках которых они взаимодействуют.

Структура морали состоит из четырех основных парадигм, связанных между собой иерархическим принципом. В рамках каждой из этих парадигм интересующие нас понятия сопрягаются между собой различным образом.

Известно, что человек является субъектом и объектом социально-нравственных отношений с обществом (парадигмы долга и блага); с другим человеком (парадигма добра) и с самим собой (парадигма свободы). На том или ином этапе его истории доминирующей в системе социально-нравственных отношений оказывается одна из его связей, а, следовательно, и соответствующая ей парадигма (сверхпарадигма), гипертрофически изменяющая валентность и смысл нравственных знаков и значений.

Парадигма долга - это система нравственности, построенная на должностовании. Долг перед обществом является абсолютной нравственной ценностью, тотально регулирующей поведение человека. Блага же, которыми общество должно его обеспечивать - нечто вторичное и несущественное. Добро, продуцируемое человеком по отношению к другому человеку, лишь постольку нравственно, поскольку оно согласовывается с должностованием, в против-

ном случае оно - проявление "абстрактного гуманизма". Именно долженствование становится "объективной основой", позволяющей классифицировать людей на "своих" и "врагов". Нравственны лишь те степени свободы, которые позволяют человеку более эффективно выполнять свой долг перед обществом.

Парадигма блага. Принцип "долг ради долга" /И.Кант/ в парадигме долга замещается принципом "благо ради блага". Парадигма блага становится господствующей в обществе, переживающем стагнацию. Если в рамках парадигмы долга осуществляется диктат общества над личностью, то здесь - диктат личности над обществом. В нравственной рефлексии акцент перемещается с требований на потребности. Нравственным признается лишь то, что приносит индивиду максимальное благополучие. Выполнение долга оказывается нечто вторичным, декларативным. В условиях стагнации всех структур, связанных с производством, наблюдается стремительный рост личностных потребностей, получивший в социологии наименование "революции социальных ожиданий". Добро, творимое по отношению к другим людям, рассматривается лишь в том случае в качестве нравственного, если оно приносит творящему дополнительные блага. Нравственны лишь те "степени свободы", которые позволяют индивиду присваивать максимальные блага.

Если парадигма долга органически вписалась в идеологию командно-административной системы, то парадигма блага превратилась в "теневую мораль" теневой экономики, мафиозного перераспределения производимых в обществе благ.

Парадигмы долга и блага составляют самый низший, социетальный уровень нравственности /социология морали/, им соответствуют репрессивные формы нравственного сознания, подпорками которых являются сверхидеал и сверхнасилие.

Парадигма добра. Нравственным в парадигме добра является лишь то, что соответствует принципу гуманизма. Безнравственным – все то, что дегуманизирует экологию человеческого духа. Долженствование - лишь один из нравственных процессов, ограниченных континуумом, крайние точки которого - суть Добро и Зло. Выполнение долга по отношению к социальным институтам и, прежде всего, институтам власти является моральным при условии, если оно согласовано с принципами "минимизации зла" и "максимизаций добра". Долг, не согласованный с принципом добра, безнравственен. Блага - лишь "строительный материал", идущий на возведение Храма Добра. Человек является свободным постольку, поскольку добродетелен, милосерден. Перестройка в морали - это попытка выйти за социетальные формы нравственности, прорыв в сферу гуманизма и свободы.

Парадигма свободы. Нравственным является все то, что ведет к расширению сферы личных свобод. Долг, оказавшись лишь производной от свободы, требует от человека восстать против социальных институтов и установлений, порабащивающих его природу. Благо утрачивает свои утилитарно-потребительские и социально-статусные функции и превращается в средство духовного и социального самораскрепощения человека. Нравственны лишь те формы добра, которые подводят человека к самоосвобождению на пути творческого самосозидания. Как считал Н.А.Бердяев, "свобода укореняется в ничто". Это самая высшая форма морали, репрезентирующая собой универсум, в котором макрокосм /природа/ и микрокосм /человек/ сливаются в единый социоприродный процесс и в котором, как считал П.Флоренский, микрокосм вбирает в себя весь макрокосм.

В реальном обществе нравственные парадигмы не только сосуществуют, но и взаимодополняют одна другую. Человечество в своем историческом становлении постепенно восходит от социетальных к высшим формам морали. В рамках предлагаемой нами концепции структуры парадигмальных форм морали мы и попытаемся ответить на вопросы, содержащиеся в экспертной анкете.

На наш взгляд, попытка отыскать человеческое измерение в арктической политике в лучшем случае - утопична, в худшем - апологетична. Мораль и политика соотносятся между собой лишь в пределах социетальной формы нравственной практики (парадигмы долга и блага). Политика в высших ее проявлениях выполняет функцию регуляции общественных отношений в направлении достижения социальной справедливости, основанной на балансе долга и блага. Мораль в этой сфере отношений идет на "альянс" с политикой, так как не имеет своих собственных институций. Она резко выступает против политики, как только та начинает разрывать органическую связь между долгом и благом, противопоставляя их друг другу /"политика кнута и пряника"/. За пределами социетальных форм нравственности мораль не соотносима с политикой. Высшие формы морали /парадигмы добра и свободы/ принадлежат не сфере политики, а сфере культуры. Может быть "культурная политика", но не может быть "политической культуры". Человеческое измерение арктической политики, если оно и возможно, то только в качестве особой рефлексивной процедуры /гуманитарная экспертиза/ с позиции парадигмы добра, то есть с более высокой парадигмальной инстанции, нежели политология, непосредственно курирующая этот объект научного наблюдения.

2. Ценности - это такие значения, которые "фиксируют" и "технологизируют" отношения человека к универсуму, отношения между микрокосмом и макрокосмом. Этим они отличаются от норм, которые технологизируют отношения человека к наличному социуму, и знаний, фиксирующих человеческие отношения в качестве законосообразных объективаций. Но если ценности универсальны, то о какой особой аксиологии может идти речь? Аксиология едина, так как исследует общечеловеческие ценности. В то же время в различных культурах объем и содержание ценностного ядра различен. Ценностное ядро европейской культуры имеет сложную и разветвленную инфраструктуру из норм и знаний. Коренные народы Севера являются носителями иного типа культуры, которая почти не имеет внешней нормативно-дескриптивной оболочки, она вся суть ценностная. Культура европейцев укоренена в "землю", культура северян - в "космос". Если принять неологизм "Арктическая Аксиология", то это такая отрасль аксиологии, которая призвана исследовать ценностные формы отношения Человека к Природе в условиях Севера (культуротворческая деятельность коренных его народов).

3. Основной конфликт, разыгрывающийся на Севере - это конфликт между такими парадигмальными формами сознания и деятельности, которые основываются на принципах "блага и долга" и "добра и свободы". Коренные народы Севера естественные носители нравственного сознания "добра и свободы".

Ведомства, осуществляющие свою экспансию на Север, являются носителями репрессивной промышленной и социальной технологий. Мотивируя свою деятельность "долгом во имя блага", они культивируют зло и несвободу. Складывающиеся на Севере общности "второпроходцев" по своим ценностным ориентациям также представляют угрозу для этно-социо-био-геоценоза. Спасти Север может не политика, а культура. Чем быстрее "второпроходцы" адапти-

руются к ценностям "первопроходцев", тем больше шансов возродиться Северу в качестве уникального социоприродного процесса.

4. "Сбалансированное развитие" Севера возможно лишь в том случае, если осуществится процесс конвергенции двух Культур на базе общечеловеческих ценностей. Но пока в культуре мигрантов и ведомств будут преобладать социетальные формы морали, любые разговоры о "сбалансированном развитии" - это лишь уловка, за которой стоят интересы ведомств, а не народов. Так как именно малочисленные народы Севера являются носителями высших форм нравственности, а вторгшиеся на их территории ведомства - репрессивных форм нравственного сознания, речь может идти только о приоритетном развитии. При этом под "приоритетным развитием" мы понимаем такую форму инновационной деятельности индивидов, групп и этносов, которая по целям и задачам полностью согласовывается с принципами парадигмы "добра и свободы" и влечет за собой появление и закрепление новых элементов ноосферы.

А.Б.Франц

К "ЭТИКЕ СЕВЕРА" - ОТ "ЧЕЛОВЕКА СЕВЕРА"

1. Ответ зависит от того, о какой этике идет речь. Если о публицистической этике, об этике проповеди, этике лозунга, этике листовки, то понятие "человеческое измерение" работает здесь ничуть не хуже, чем любое другое. Более того, в силу своей недифференцированности, неопределенности, оно, пожалуй, даже более практично и эффективно в использовании, чем какое бы то ни было другое.

Что касается понятия "человеческое измерение" как инструмента теоретического анализа, то это довольно беспомощный, на мой взгляд, инструмент, опять-таки в силу своей неопределенности. О чем идет речь?

- О человеческой телесности, условиях его "плотского" бытия, и соответственно, о технологии властного манипулирования телом - о "политической анатомии тела"?

- О смыслообразующих структурах в человеческой коммуникации, об идеальных формах человеческой жизнедеятельности?

- Об эмпирически находимых условиях человеческого общежития, о том, что условно называют "соцкультбытом"?

- О типе человеческой коллективности, организующей собою эти эмпирически находимые условия?

Иными словами, понятие человеческого измерения допустимо лишь тогда и постольку, когда и поскольку за ним явно и недвусмысленно стоит совершенно определенная философская концепция человека, задающая для него способ интерпретации. Поскольку "эпоха перестройки" такой концепции сколько-нибудь явно не формулирует, то отнесение понятия "человеческое измерение" к речевым фантазиям напрашивается само собой.

2. Разумеется, допустимо. С той же, впрочем, оговоркой, что и по поводу "человеческого измерения". А именно: "Этика Севера" возможна постольку, поскольку имеется концепция "Северного Человека", "Арктического Человека" (не путать со Снежным человеком).

Соответственно, "Этика Севера" отличается от южной, восточной и за-

падной этик так же, как "Человек Севера" отличается от человека Юга, Востока и Запада.

Что же касается ценностных оснований, драматизирующих арктическую политику, то драма, как представляется, заключена в отсутствии единых ценностных оснований. Слишком уж многолик "Человек Севера" (это, впрочем, достаточно тривиально), слишком разнообразны его интересы. Это охотник и буровик, рыбак и газопромышленник, чиновник нефтегазового концерна и вахтовый рабочий, абориген и пришелец. Думается, что "Человек Севера" - не слишком благодатная почва для построения консенсуса.

3. Типичный конфликт - по поводу распределения ресурсов: ресурсы территории, ресурсы недр, ресурсы свободы, ресурсы групповых честолюбий. Собственно, других конфликтов и не бывает.

Что касается типичных ситуаций социально-нравственного выбора, то они связаны: а) с непосредственным либо опосредованным обретением искомого ресурса; б) с предпочтением одного ресурса другому.

Что предпочесть - взять все сегодня (не оставив ничего на завтра) или брать "сбалансированно"; что предпочесть - материальный ресурс (беря на совесть геноцид по отношению к коренному населению) или же такой немаловажный ресурс, как "доброе имя"?

4. Возможна ли "Этика Сбалансированного Развития"? Трудно сказать. В социальном плане этот вопрос имеет эквивалент такого рода: возможен ли механизм полной и безоговорочной гармонизации различных интересов? Даже рынок и механизм представительной демократии не являются эталонами в этом отношении, хотя, безусловно, они здесь лидеры.

В мировой практике на повестке дня стоит вопрос о существовании малых территориальных сообществ, не выходящих за порог величины, после которого начинаются необратимые процессы отчуждения. Вероятно, что если в социальном плане модель малых сообществ и их ассоциаций окажется жизнеспособной, то возникающие в них ценностные структуры заложат основания для "Этики Сбалансированного Развития".

Г.С.Чеурин

МОДЕЛЬ ВЫЖИВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Сообщаем мнение, которого придерживается коллектив научно-реализационного объединения "Полярэкс", непосредственно занятый разработкой и внедрением новой социальной технологии освоения Севера.

1. Понятие "человеческое измерение" несомненно, имеет глубокое этическое значение. Однако оно становится таковым только при отказе от господствующего ныне сугубо экономического определения максимального времени самокупаемости.

Это время определяется чисто техническим параметром времени полного морального и физического износа механизма – 5...7 лет. "Капитальные" же вложения, к примеру, в педагогику, дают реальный экономический эффект, кстати, многократный, не ранее чем через 25...30 лет, что с технократической точки зрения нерентабельно.

Таким образом, понятие "человеческое измерение" станет значимым с началом переориентации экономики от пятилетних показушных планов развития к стабильным хозяйственным отношениям на базе новых форм собствен-

ности с правом наследования.

Применение понятия "человеческое измерение" - поистине беспредельно. В его свете соотношение ценности нескольких миллионов тонн нефти и судьбы какого-то ручейка, в котором обитает рыба-эндемик, являющаяся основой питания малочисленного народа, приобретает принципиально другую окраску.

2. В отличие от "Этики Юга, Востока и т.д." следует учесть тот непреложный факт, что на Севере скорость естественного восстановления природных (и не только природных) ресурсов как минимум на порядок ниже аналогичного процесса в других регионах.

Ценность жизни как таковой, в любом ее проявлении, независимо от конкретного стоимостного выражения, возведение когда-то чисто медицинского постулата "не навреди" в принцип гуманитарный должны стать одним из оснований дальнейшего развития.

Следующее направление "Этики Севера" понимание необходимости отказа от понятия как развития "увеличение уровня потребления". Истинно гуманитарное развитие состоит в "снижении данного уровня", в переориентации ценностных установок человека.

Особый драматизм в приложении к Северу приобретает известное положение М.Я.Лемешева о том, что всего два (!) процента жизнедеятельности "европейского" человека попадают под категорию "безотходная технология". Традиционная же хозяйственная деятельность коренного северного населения являет собой практически идеальную безотходную модель.

3. К наиболее типичным конфликтам социально-нравственного выбора, на наш взгляд, относятся:

3.1. Решения с далеко идущими последствиями на Севере вынужден принимать в Центре человек, чрезвычайно слабо знающий специфику Севера, практически полностью не обладающий экологическим мышлением.

3.2. Человека, приезжающего на Север, окружает малопонятная, даже "жесткая" природная и социальная среда. Подготовки к взаимодействию с ней, воспитания экологического мышления предварительно не проводится.

3.3. В силу "временности" пребывания на Севере у приезжих не возникает мотивации к изучению и освоению ценностей местных социальных и природных систем, что, в свою очередь, ведет к острой социальной напряженности во взаимоотношениях с коренным населением.

3.4. Основные приоритеты приезжему диктует неминуемый грядущий возврат на Родину.

3.5. Из-за существующей системы "льгот" и "коэффициентов" велик соблазн отложить возвращение домой.

3.6. За 10... 15 лет пребывания на Севере приоритеты Родины практически утрачиваются.

3.7. По возвращении на Родину одним из основных приоритетов становится "возвращение на Север".

3.8. В обстановке засилья "европейской культуры" у местного населения утрачивается чувство "самоценности" культуры собственной (!!).

4. В дополнение к перечисляемым в Декларации "Базовым ценностям и основным принципам арктической политики", на наш взгляд, следует добавить:

4.1. "Разработка и практическое внедрение в районах Севера, а также в районах средней полосы РСФСР и других республик, перспективных по набору кадров для Севера, комплексной программы воспитания экологического мыш-

ления как для выезжающих на Север, так и (причем в первую очередь) для школьников.

Стержнем данной программы могут явиться психологические основы жизнеобеспечения коренных северных народов.

Теоретические разработки и практическое внедрение этих методов проводятся коллективом НРО "Полярэкс" с 1986 года в г. Свердловске.

4.2. Развитие в стране сети авторских общеобразовательных малокомплектных школ гуманитарно-экологического направления. Пример: открывшиеся в 1989 году в г. Свердловске "Гуманитарно-экологический лицей" (Савельев Ю. В.) и "Семейная школа" (Николин В.В.).

"Полярэкс" принимает активное участие в разработке и практическом внедрении их программ.

4.3. Переориентация строительства и архитектуры Севера со стремления "отгородиться от среды" на установление максимального контакта со средой.

Одним из исходных постулатов "Этики сбалансированного развития Севера" может явиться утверждение Л.Н.Гумилева о том, что северные народы в своем развитии уже когда-то достигли уровня максимального удовлетворения потребностей (наше нынешнее состояние), убедились в его бесперспективности и привели свой образ жизни, а также численность (!!)- пусть это не выглядит пропагандой геноцида - в соответствие с резервами территории.

Признание этого постулата сразу же повергает известную позицию "европейца" в отношении к северянину как "старшего брата" к "младшему". Более того, перед лицом грозящей всемирной экологической катастрофы образ жизни коренного населения Севера может явиться моделью завтрашнего жизнеустройства населения планеты в целом, т.е. моделью выживания человечества.

Мы будем благодарны, если наши предложения будут вынесены на обсуждение и подвергнуты критическому осмыслению в ходе дальнейшей разработки Декларации "Базовые ценности и основные принципы" арктической политики".

Г. Л. Чудновский

К ПРОБЛЕМЕ "АРКТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ"

1-2. Общественное сознание возвращается к пониманию значимости человека в периоды явной регистрации процессов распада социальных связей и структур, экономических и политических кризисов или природных катаклизмов. Предварительно общество платит многими жизнями, прежде чем судьба конкретного человека начинает представляться не через призму производства, а независимой ценностью.

В настоящее время наше общество, как никогда ранее, приблизилось к осознанию ценности человека как такового. Этот процесс происходит территориально неравномерно: вероятно, более стремительно в климатически благоприятных районах с активным каналом связей с цивилизованным миром, минимальной лимитируемостью условий жизни и ресурсов и замедленно - в безлюдных, малонаселенных и изолированных районах с экстремальными параметрами среды обитания.

Именно к последним относятся Приполярье и Арктическая зона. По от-

ношению к таким районам существует инерционный стереотип ничтожности человеческой личности. Более того, "европейские" стандарты мышления и поведения тех, кто врывается с индустриальными целями в "белое безмолвие", пренебрегают исторической культурой и образом жизни коренных жителей, составляющих хотя и малочисленный, но все же целостный народ. Суровые обстоятельства Севера, сужающие диапазон человеческого общения, способствуют потере и примитивизации норм и ценностных установок пришлого населения. Одновременно разрушительному воздействию подвергаются и такие же категории коренного населения. Их природная защитная реакция по сохранению родовых закономерностей оказывается несоизмеримой с интенсивностью внешнего воздействия.

Если такого рода процессы выходят из-под управления формальных структур, сохраняя признаки стихийного развития, то это грозит закончиться геноцидом и ассимиляцией наиболее слабых, хрупких групп населения и ожесточением - выживших.

В этой связи отношения, и в том числе этические, между жителями Арктических районов должны строиться по логике, отличной от той, которая складывается в европейской части страны.

Прежде всего следует вернуть права коренным народностям на самостоятельное использование исторически обусловленной территории их проживания. Это позволит сохранить и защитить привычную для них бытовую и культурно-нравственную среду.

Второе - необходимо активней интегрировать эту исторически закрепленную среду в мировую систему подобных культур.

Третье - убрать лагерные зоны.

3. В ходе длительного соприкосновения двух культурных стандартов - пришлого неадаптированного населения и коренного - вероятны конфликтные ситуации. Импульсы конфликтов могут исходить из растущего национального самосознания и ощущения вырождаемости народности. Типичными можно считать конфликты на почве воспитания молодого поколения: с одной стороны, эту задачу неумело приняли на себя интернаты, с другой - может взять на себя национальная интеллигенция или просто бытовая среда - тундровое кочевье, праздники и обряды.

Возможны конфликты между национальной интеллигенцией и местными органами самоуправления, которые могут иметь интерес для "простоты" в преимущественном распространении русской культуры.

4. "Этика сбалансированного развития" - это прежде всего взаимное уважение культур и терпимость в виде уступок друг другу. Здесь нет "сильнейших", "победителей" и "побежденных". Это готовность принять - не уступая.

В.И.Бакштановский, Ю. М. Федоров

ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА ЯМАЛЬСКОГО КОНФЛИКТА:
ЗАЯВКА НА ПРОЕКТ

Север. Воля. Надежда. Страна без границ.
Снег без грязи - как долгая жизнь без вранья.
Воронье нам не выключает глаз из глазниц,
Потому что не водится здесь воронья.
/В.Высоцкий. Белое безмолвие/

И ожила земля, и помню ночью я
на той земле танцующих людей!...
Я счастлив, что, превысив полномочия,
мы взяли риск - и вскрыли вены ей!
/В.Высоцкий. Тюменская нефть/

Две песни одного автора, две системы моральных ценностей, вступившие в острейшее противоречие друг с другом. Достаточно адекватный образ и ямальскому конфликту, и сверхзадаче нашего проекта, который мы хотели бы предложить в банк идей "Освоение без отчуждения".

Идеология "социального прогресса", длительное время господствующая в нашем обществе, игнорирует "человеческое измерение" поступательного хода истории. Эта идеология, взятая на вооружение политиками и внедренная в сознание, уже успела превратить многие регионы в безжизненные пустыни. За несколько десятилетий до основания разрушены уникальные этно-социо-биогеоценозы, формировавшиеся на протяжении веков и тысячелетий (например Арал). Осознание реальности апокалипсиса побуждает гуманистическую мысль искать пути преодоления привычного для многих в нашем обществе репрессивного способа освоения, освященного "прогрессорской" идеологией.

Ямал может стать не просто очередной катастрофой, продолжающей всем известный ряд, а последней точкой на пути к тотальному самоуничтожению жизни на Земле: с разрушением экосистемы Севера неминуемы деструктивные процессы природы на всем земном шаре. Однако Ямал может стать и первым в ряду упрежденных катастроф, отправной точкой в преодолении отчуждения Человека от Природы и от самого себя. Он может стать поворотным пунктом не только в выживании, но и в нравственном возрождении человечества.

Проблемная ситуация

Особая острота ямальского конфликта еще вряд ли отчетливо осознана. Страна нуждается в дополнительных миллиардах кубометров газа не столько в качестве сырья для отечественной промышленности и энергетики, сколько в качестве источника валютных поступлений, так необходимых для преодоления затяжного экономического кризиса. Вот почему столь высоким стало политическое давление на процесс принятия решений о дальнейших судьбах Ямала. Это давление до предела обостряет конфликт между ведомствами и террито-

рией, центром и регионом, коренными народностями и мигрантами, нынешними и будущими поколениями, между человеком и природой. Однако мы убеждены, что освоение без отчуждения возможно, но оно возможно, если будет осуществляться под приоритеты человеческих ценностей.

Инициатива гуманитарной экспертизы "Ямальский консенсус - 90" возникает не на пустом месте: различными исследовательскими группами в стране уже проведена целая серия частнонаучных экспертиз по многим аспектам освоения Ямала. Однако эти экспертизы не содержат в себе в проявленном виде гуманитарного знания о характере взаимодействия всех сторон, вовлеченных в конфликт. Причины этому - дисциплинарная узость лежащих в их основании парадигм (техничко-технологическая, экологическая, социальная, экономическая и т.п.), ведомственная предназначенность (в том числе научная ведомственность) экспертиз. Используемые в них парадигмы содержат "гуманитарный аспект" лишь в качестве признания необходимости формирования "человеческого фактора". В связи с тем, что в стране не существует подобного рода экспертиз, гуманитарная - "Ямальский консенсус - 90" относится к разряду пионерных.

Цель гуманитарной экспертизы - выявление такой системы общечеловеческих Пределов и Приоритетов в поведении противостоящих в ямальском конфликте сторон, которые позволят не только приостановить деструкцию, но и возродить регион в качестве целостного социоприродного образования. Важнейшей составной частью такой экспертизы является осуществление "человеческого измерения" глубины конфликта, спровоцированного процессом интенсивного промышленного освоения: вовлечение конфликтующих сторон в диалог друг с другом, а затем и в совместный диалог со всем "человеческим универсумом", частью которого они призваны себя осознать.

Заявленная целевая направленность гуманитарной экспертизы диктует ряд задач:

1. Фиксация целей, интересов, мотивов взаимодействующих в конфликте сторон выявлением основных стратегий поведения, применяемых ими в "борьбе".

2. Проявление моральных позиций конфликтующих сторон, аргументов их морального оправдания друг перед другом и перед общественным мнением.

3. Прогнозирование возможных вариантов освоения Ямала, связанных с "победой" ценностных приоритетов каждой из сторон в отдельности.

4. Конструирование сценария освоения Ямала, в рамках которого конфликтующие структуры ограничат Пределы своей активности под критерии сбалансированного развития.

5. Развитие методологии консенсуса, технологии морального диалога в ситуации конфликта ценностей разнообразных укладов, культур, "правд" и т.п.

Рабочая гипотеза

Если проблема освоения Ямала уже была подвергнута целой серии экспертиз, в том числе и этноэкологических, как наиболее сопряженных с гуманитарным подходом, то в чем же смысл нашей? Продолжить серию? Завершить ее? Скорее, речь идет об "экспертизе экспертиз", но не в статусе венца иерархии, без малейших проявлений высокомерия. Тем более, что гуманитарная экспертиза не может ни заменить все другие, ни дать их суммарное осмысление.

Речь идет о попытке коллективного рефлексивного анализа как процесса

выявления и проявления базовых ценностей, ценностных ориентаций, на которые опирались, из которых исходили частнонаучные экспертизы. Мы тем самым стремимся реконструировать ценностные приоритеты в поведении конфликтующих сторон. В свою очередь сам Ямальский конфликт трактуется в соответствии с парадигмой гуманитарной экспертизы и консультирования - как нравственный конфликт, столкновение многих правд, противостояние различных систем моральных ценностей.

Ситуация принятия политического решения по стратегии освоения Ямала рассматривается, таким образом, как ситуация морального выбора.

Завершая характеристику статуса гуманитарной экспертизы, подчеркнем, что "рабочая гипотеза" рассматривает каждую из частнонаучных экспертиз как особый вид рефлексии, осуществляемый под приоритеты либо социума, либо некоего "экономического механизма", либо абстрактного человека и пр. Хотя гуманитарная рефлексия содержит частнонаучные экспертизы в снятом виде, она не является лишь простой суммой и представляет собой тип рефлексии, который базируется на приоритете общечеловеческих ценностей над любыми критериями целесообразности.

Отметим при этом, что трактовка гуманитарной экспертизы в ее отношении к частнонаучным сама должна стать предметом рефлексии - с точки зрения активированной в современной культуре идеи коэволюции, трактовки человеческого и природного как паритетных ценностей. Соответственно гуманитарная экспертиза как "экспертиза экспертиз", прежде всего экологических и этноэкологических, это, скорее, позиция взаимодополнительности, а не иерархии.

Предлагаемая экспертиза претендует на статус гуманитарной не только по своим целям /и методам, которым посвящен особый раздел заявки/, но и по своей моральной установке - ориентированности на консенсус интересов сторон, вовлеченных в ямальский конфликт, консенсус, который выявляет и обязательно выверяет основные приоритеты стремящихся к согласию конфликтующих структур.

Однако консенсус может быть разным - в том числе и аморальным - в зависимости от характера парадигм, в процессе согласования которых он вырабатывается. Основная гуманитарная проблема нашей экспертизы - "человеческое измерение" конкурирующих стратегий освоения Ямала, в том числе и выбор между стратегиями, "защищенными" сильными моральными аргументами. Вряд ли серьезными в моральном плане являются защитные мотивы версии "газ любой ценой" и вряд ли целесообразно концентрировать весь критический пафос именно на этой альтернативе. Есть более трудная проблема. Реальный выбор, видимо, предстоит совершить между различными версиями стратегии сбалансированного развития. Их различие может быть обнаружено в процессе сценарного моделирования такой версии сбалансированного развития, которая исходит из паритета ценностей, связанных двумя основными формами природопользования: аборигенной и индустриальной. Наибольшая трудность здесь состоит не столько в поиске социальных технологий, обеспечивающих параллельное развитие той и другой формы, их сочетание, но в моральном обосновании этого паритета на фоне тезиса, согласно которому "альтернативы ямальскому газу нет".

Организаторы гуманитарной экспертизы ямальского конфликта исходят из гипотезы, согласно которой социоприродный комплекс, развивающийся и функционирующий в рамках региона, обладающего признаками относительно самостоятельной целостности, можно представить в качестве взаимодействия

различных конфликтующих структур (природных, социальных, экономических, этнокультурных и пр.),

Социоприродный процесс обретает тенденцию к деградации и вырождению тогда, когда деструктивная составляющая конфликтного взаимодействия становится преобладающей и ее вектор ориентирован на развитие низших социальных форм жизнедеятельности. Это чаще всего наблюдается при экстенсивных формах освоения под приоритеты интересов социальных институтов и ведомств. При этом стремительно разворачиваются и функционируют репрессивные виды промышленной и социальной технологии, унифицирующие все многообразие связей между человеком и природой, что с неизбежностью ведет к необратимым деградационным процессам как в природном, так и в культурном генофонде.

Социоприродный процесс имеет тенденцию к развитию в том случае, если конструктивная составляющая превалирует над деструктивной и ее вектор ориентирован на формирование ноосферы. Это возможно лишь тогда, когда более ускоренными темпами развиваются не орудийные свойства человека, а его целостность, системообразующим ядром которой выступают ключевые ценности (жизненные смыслы). Первой формой освоения Ямала под приоритеты человека была деятельность его коренных народов, осуществлявшаяся в рамках традиционной культуры. Разумеется, речь при этом идет не об узкохозяйственном освоении территории, а об уникальной технологии воспроизводства Человека в условиях Крайнего Севера. Современное интенсивное промышленное освоение региона, как известно, привело к разрушению уникального механизма, обеспечивавшего гармоническое взаимодействие Человека и Природы.

Вот лишь некоторые оппозиции конфликтного взаимодействия: 1) культура коренных народов Севера - субкультура общностей, складывающихся из мигрантов; 2) хозяйственная деятельность коренных жителей - репрессивные технологии "освоителей"; 3) аспект личности, связанный с потребностью универсального саморазвития - аспект личности, связанный с реализацией биогенных, витальных потребностей и пр.

Задача гуманитарной экспертизы состоит в выявлении всей структуры поля конфликтного взаимодействия - в его "человеческом измерении" - как условия выработки практических предложений, направленных на преодоление деструктивного процесса.

Метод гуманитарной экспертизы

Предлагаемая экспертиза ямальского конфликта будет проводиться методом игрового моделирования. Предусматривается разработка возможных сценариев развития конфликта в условиях доминирования интересов каждой из сторон. Игровая деятельность и игровое общение позволят сконструировать "зеркало" конфликта, всматриваясь в которое участники игры смогут осознать себя субъектами ценностной позиции, культурными - а не узкопрофессиональными - позиционерами.

Метод гуманитарной экспертизы основан на диалоге, сотворчестве конфликтующих сторон. Организаторы такой экспертизы выступают в статусе этических консультантов, стремящихся вырастить новые отношения конфликтующих сторон "до" и "в процессе" поиска конкретных политических решений. Условием конструктивности попыток координаторов морального диалога как по-

средников между участниками конфликта является принятие участниками игры принципа морального доверия всех сторон конфликта друг другу. Более того, это условие - собственно, одна из важнейших целей экспертизы.

Таким образом, задача игрового моделирования подразумевает обеспечение полноправности участия представителей всех взаимодействующих в конфликте сторон. Одна из задач метода состоит в том, чтобы снять с "игроков" маски "заказчиков" или "потребителей" результатов экспертизы, побудить их стать подлинными субъектами выработки совместного решения судьбы Ямала. Игровое моделирование (например, ролевая рокировка) позволит инициировать и технологизировать смену парадигм каждой из групп экспертов, выражающих интересы какой-либо из сторон конфликта, выявить иные, в том числе не замеченные на прежних этапах экспертизы Ямала, возможности решения проблемы. В этом должно сыграть свою роль и участие в экспертизе общественных движений - политических, экологических, этнических и т.п. Важнейшим моментом организации гуманитарной экспертизы является выработка такой игротехники, которая смогла бы обеспечить работу сторон в конструктивном режиме согласования их целей и интересов, позволяющем достичь между ними консенсуса.

Эта игротехника напрямую связана с гуманитарными целями экспертизы. Например, в отличие от организационно-деятельностных или практических деловых игр задача игрового моделирования как метода гуманитарной экспертизы - задача необходимая и достаточная - заключается в организации и активации моральной рефлексии, стимулировании диалога интересов, позиций, культур, мотивации сотрудничества конфликтующих структур как достойных партнеров, проявлении и взвешивании приоритетов, которые стоят за столкновением политических, социально-технологических стратегий.

Организаторы экспертизы методом игрового моделирования ведут моральное консультирование конфликтующих сторон. Много это или мало? У нас, к сожалению, хватает трезвости осознать известный утопизм намерений, выраженный в первоначальном названии проекта экспертизы "Ямальский консенсус". Вряд ли в ямальском конфликте сегодня возможна победа абсолютного Добра. Но разве меньшее зло - не желаемая цель?! Скромная задача - первые шаги к согласию, первые шаги ненасильственного разрешения конфликта, готовность к сотрудничеству.

Гуманитарную экспертизу предварит серия игр отдельно с каждой из сторон конфликтного взаимодействия. Здесь предполагается получение сценарных прогнозов, отражающих развитие Ямала под цели и интересы отдельных сторон. Такие игры должны быть проведены, на наш взгляд, с депутатами местных Советов, отражающими интересы "пришлого населения"; с коренными народами Севера; с представителями министерств и ведомств, осваивающих территорию; с экологами, репрезентирующими собой "интересы природы" и пр. Естественно, что полученные таким образом стратегии освоения будут противоречить одна другой, но именно они должны стать исходными первичными документами для проведения собственно гуманитарного сериала деловых игр.

Первая игра гуманитарного сериала должна быть посвящена определению Пределов развития тех тенденций, которые зафиксированы в частных экспертизах. Предстоит найти такие Пределы развертыванию взаимодействующих в конфликте тенденций, которые бы не сдерживали, а наоборот, способствовали гармоническому развитию социоприродного процесса, учитывали жизненно важные интересы взаимодействующих сторон и их согласованность с интере-

сами целостного развития региона. Процедурно эта задача достигается разработкой каждой из команд, участвующих в игре и представляющих различные стороны конфликтного взаимодействия, прогностических сценариев переживаемого конфликта, установлением конструктивных и деструктивных его последствий "для себя" и противостоящих сторон. Выявляются стереотипные "образы врагов", которыми отягощено сознание противоборствующих сторон.

Вторая игра базируется на материалах, полученных в ходе первой. Основной документ, который предстоит разработать ее участникам - Сценарий "освоения без отчуждения". В его основу будет заложен принцип консенсуса и выявление иерархии приоритетов, строгое следование которым взаимодействующими сторонами должно будет привести к освоению Ямала под цели и задачи его возрождения.

Заключительный этап гуманитарно-этической экспертизы "Ямальский конфликт" предполагается провести в рамках международной конференции "Проблемы сбалансированного развития приполярных регионов" /Сургут, 1991/, которую организует ИПОС и Центр Северных исследований МакГильского университета /Канада/.

Приложение 2

А.Ю. Согомонов

АРКТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Весной 1990 года на территории Ханты-Мансийского округа и в Тюмени проводился прессовый опрос населения, посвященный проблемам выбора стратегии деятельности местных Советов, осуществления народного контроля за ней и ряду других актуальных вопросов послевыборного развития местной демократии. В опросе приняли участие около тысячи респондентов, которые с небольшими смещениями /что, впрочем, и естественно для опроса подобного типа/ все же отражают коллективное мнение в первую очередь взрослого населения округа и города.

Ряд тем, затронутых в опросе, напрямую выходят на демократическую экспертизу отдельных параметров арктической политики. Вот некоторые из полученных результатов.

Важнейшим вопросом арктической политики, каким, по крайней мере, он представляется нынешним носителям власти, является выбор внутриполитических приоритетов. Зона российского севера сейчас становится территорией, пожалуй, наивысшей мобильности населения во всех смыслах этого слова. Со всей неизбежностью это сказывается на судьбе коренных национальностей /носителей традиционного образа жизни и производства/, не говоря уж о фактическом "противостоянии" между "местными" и "пришлыми", которые, к счастью нынешней власти, еще не сорганизовались в два лагеря. Иными словами, в основе выбора арктической политики заложено противоборство трех сил - культуры, технологии и природы - и любой реальный политический акт сопряжен с комплексом "коренных-местных-пришлых". Перед носителями власти, как и перед ее реципиентами, в таком случае дилемма приоритет-равенство будет извечно самой актуальной.

В альтернативной форме эта дилемма была предложена для оценок на-

селения. Ее значимость - в массовом сознании, да и в том, что из всех участников опроса не нашлось ни одного воздержавшегося от ответа.

Сведем всю полученную информацию в таблицу.

Распределение ответов на вопрос "Внутриполитическая ситуация во всей Тюменской области осложнена тем, что перед любым местным Советом для определения линии развития будет неизбежно стоять выбор, на кого в первую очередь ориентироваться; на удовлетворение интересов и запросов коренных национальностей, всего ли местного населения или вовсе отказаться от каких-либо исключений и служить интересам всего населения, даже временно проживающего на данной территории. Какой выбор, на ваш взгляд, будет подлинно гуманным, демократичным и справедливым?"

Варианты ответов	% к числу ответивших	
	Округ	Город
1. Долг депутата - учитывать в первую очередь интересы коренных национальностей: не секрет, что именно они сейчас находятся в крайне тяжелом, критическом положении	15	9
2. Депутат обязан удовлетворять интересы всего местного населения, пренебрегая запросами временно живущих на данной территории	14	11
3. Местные Советы не вправе делать какие-либо предпочтения для одной части населения; они должны способствовать равномерному, так сказать сбалансированному, развитию всех групп населения	71	80

Подавляющее большинство голосов отдано сбалансированному пути развития. Видимо, само понятие сбалансированности в обыденном сознании имеет несколько иной смысл, чем тот, который конвенционально принят в науке. Представляется, что выбор сбалансированного пути развития отражает не столько реальный, сколько мнимый выбор в пользу равномерности сбалансированности, то есть извечно советское - "всем поровну". Эгалитаристские основы массового сознания и здесь напомнили о себе. И в этом смысле ответы по первым двум позициям кажутся более честными - патернализм в пользу ли коренных или местных в данном случае роли не играет. Среди "честных" сторонников патернализма число мужчин, а также людей с низким образовательным цензом значительно больше.

Сопутствующим эгалитаризму феноменом можно считать эффект нетерпения. В среднем две трети из участников опроса считают, что единственно правильный способ решения большинства вопросов - это немедленно приняться за дело, не опасаясь ошибок, проколов и т.п. В общем, "не ошибается тот, кто ничего не делает". Не более чем каждый пятый склоняется в пользу терпели-

вности и апелляции к чужому опыту. Думается, что в наше время нетерпение людей вполне объяснимо и нет необходимости подробно об этом говорить. Спрашивается, у кого заимствовать опыт, когда все кругом столь же беспомощны и пытаются методом проб и ошибок нащупать что-то приемлемое для них. Остается один вариант - за граница.

Любопытно, как переплетаются образы арктических стран в массовом сознании населения области. Для альтернативного выбора предлагался список, представляющий все страны Арктического пояса. Кроме них "резервировалась" еще одна позиция: "исторический путь нашей страны уникален, и поэтому никакой чужой опыт нам не подходит". Естественно, именно эта позиция вышла на первое место - за нее высказался каждый четвертый участник опроса. Подтверждает ли это тезис о "державности" массового сознания в стране - трудно сказать определенно.

А вот арктические страны изначально разбились на две группы: лидеров (самые популярные страны в массовом сознании) и хвоста. В последнюю с чувствительным отрывом фуг от друга вошли США, Япония и Норвегия. В первую группу - Канада, Швеция, Финляндия. Распределение по городу и округу выглядит следующим образом:

округ	город
Швеция	Финляндия
Канада	Канада
Финляндия	Швеция

Что повлияло на такой ход выбора? Думается, что кроме всего прочего, учитывая масскоммуникативный тип личности, предпочтению этим трем странам в значительной мере способствовали средства массовой коммуникации - муссирование идеи о "шведском социализме", "канадское решение" северных проблем и т.п. Что же касается Финляндии, если советский человек "случайно" и натывается на прилавках магазинов на импортные товары, то чаще всего они финские.

В общем, всякие рассуждения о гуманности и справедливости решения арктической политики - пустой звук, если они не будут сопровождены равномерно-распределительным эффектом удовлетворения.

КАТЕГОРИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ ЭТИКИ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА?

/Послесловие редактора/

"... Все усилия своего отдела Мак-Интош сосредоточил на самаритянской программе. Этическая проблема в ее чистом виде, как он себе представлял, - это двое на плоту, выдерживающем только одного; и он все старался построить автомат, который разработал бы четкий алгоритм этичного поведения для таких обстоятельств. Задача не из легких. Первая модель, "Самаритянин-1", прыгала за борт с величайшей охо-

той, но прыгала ради спасения любого предмета, оказавшегося рядом с ней на плоту, от чугунной болванки до мешка мокрых водорослей. После многонедельных жарких препирательств Мак-Интош согласился, недискриминированная реакция - явление нежелательное, забросил "Самаритянина-1" и сконструировал "Самаритянина-2", который жертвовал собой ради организма, хотя бы уже не менее сложного, чем он сам..."

/Майкл Фрейн. Оловянные солдатики/

Сотрудникам отдела этики - героям научно-фантастического романа - предстоит сконструировать и испытать программы "Самаритянин -3", "Самаритянин-4" и т.д. Организаторам опроса, результаты которого публикуются в этом сборнике (дело читателя определить отношение данного эпиграфа к его содержанию), предстоит провести и 2-й, и 3-й, и т.д. туры диалога экспертов, объединенного темой проекта "Арктические ценности: выбор сбалансированного пути развития /циркумпольная аксиология и праксиология/". Цель Проекта - этико-прикладное исследование ситуации морального выбора в арктической политике; основные задачи: а) экспертиза подлинности и мнимости конфликта инновационной и традиционной культур; б) консультирование выдвигаемых моральным сознанием императивов этики освоения Севера.

Перспектива серии экспертных опросов побудила меня посвятить Послеловие не "выводам", "заключениям", а постановке программных вопросов к следующим турам.

1. Смутное время, тотальная переоценка не только ценностей, но и понятий, "загруженность" большинства из них негативными значениями требуют уточнения смысла "арктическая политика" /плюрализм истолкований "человеческого измерения" очевиден после ознакомления с материалами этого опроса/.

На самом пике эффективности идеи гуманитарной экспертизы политических решений, призванной своими результатами консультировать практику политического выбора /см.: В.И.Бакштановский. Лаборатория в Храме Свободы /II/-Тюмень, 1990/, вдруг взорвалась новой актуальностью важнейшая в эпоху застоя проблема морального квиетизма, морального нейтралитета, неучастия в политике. Становится все более насущной заботой эпохи тотальной политизации моральная защита от политического выбора.

Наша сегодняшняя свобода оказалась настолько обремененной отчуждением - неподлинным выбором, политическим аморализмом, - что приходится ставить специальную научно-практическую задачу по развитию культуры неучастия в мнимом выборе, предлагаемом наличными политическими альтернативами. Как разрешить парадокс этапа зарождения свободы, когда эйфория от тотальной политизации и общественной, и приватной жизни заглушила инстинкт морального самосохранения, затащила в водоворот свободы выбора те моменты моральной регуляции субъекта, которые призваны уберечь его от отчужденных альтернатив, самосохранять уклонением от неумеренной политической активности?

Но что же, свобода выбора сама по себе обрекает на аморализм по-

литических решений? А как же с тезисом о нравственном возрождении именно через "воспитание выбором" /сравните, например, само название моего Послесловия к сборнику материалов одного из первых экспертных опросов: "Самотлорский практикум: воспитание выбором" – см.: сб. "Самотлорский практикум-2".-Москва-Тюмень, 1988/? Тезис вполне правомерен. Но, видимо, целесообразно в дальнейшем исходить из более строгого различения задач морали в ситуациях: а) подданного выбора, где подразумевается воспитание достойным выбором; б) неподлинного выбора, где речь пойдет уже о воспитании выбором неучастия, уклонения, отказа и т.д.

Не разумнее ли обусловить употребление понятия "арктическая политика" обязательной дозой скепсиса уже относительно масштаба его применения в поиске средств "освоения без отчуждения"? Разве политическая жизнь - единственная сфера проявления гомо моралес? "Человеческое измерение" политических решений - единственное направление приложения идеи гуманитарной экспертизы и консультирования? Политика - единственная надежда спасения Севера, даже если речь идет о политике, цели и средства которой контролируются моральными ценностями и нормами?!

И, наконец, не является ли более плодотворным, прежде всего, тот широкий смысл понятия "арктическая политика", который во многом совпадает с понятием "новое освоение"? Может быть, такая версия позволит избежать указанных ранее парадоксов и негативных смыслов?

2. Знак вопроса, поставленный в названии моего Послесловия, относится и к возможности именно категорического императива для "частной" этики, и к возможности собственно этической теории освоения Севера.

Что могут сказать нам, по мнению М. Сагоффа, Каний, Роулс или утилитаристы по поводу кислого дождя? Трудно не увидеть здесь все то же двойное сомнение: возможность "чисто" этического, внемеждисциплинарного подхода, с одной стороны, и, полагаю, скепсис в приложимости именно категорического императива - с другой. Может ли быть безусловным моральный императив, формулируемый для определенных условий - при освоении Севера? Остается ли он именно категорическим, устоявшим перед рефлексивным скепсисом - прогнозом, сформулированным самим Кантом: "Нужно еще считаться с возможностью; не гипотетические ли в скрытом виде все те императивы, которые кажутся категорическими" /И.Кант. Соч. в 6-ти томах, т. 4, ч.1., с. 258/.

Еще предстоит определить контуры этики освоения Севера, ее статус-прописку в комплексе научных дисциплин, объектом которых является Север. Но долго ли придется искать аргументы, снимающие последнее сопротивление против трактовки этики как ядра междисциплинарного гуманитарного комплекса? Шквал "кровосмесительных" работ, особенно в становящейся арктической этноэкологии, не показывает ли риторичность этого вопроса?

Приложение этических исследований к процессу освоения Севера легче всего дается тем версиям науки о морали, которые активизируют проблематику этики как "практической философии". Именно этим версиям предстоит сегодня предложить парадигму, избавляющую этику от устаревшего образа мышления, от парадокса - этика вчерашнего дня занимается днем завтрашним. Исследовательский проект этики освоения Севера претендует на преодоление этого парадокса? Значит, предстоит убедиться в действительной инновационности подхода, в рамках которого этика стремится привлечь на правах парадигмального соавторства весь этически ориентированный арсенал гуманитарных исследований; при этом еще предстоит в процессе дискуссии между сторонника-

ми данной парадигмы решить вопрос о природе самого этического "ядра" этого междисциплинарного комплекса - образует ли такое ядро "прикладная этика", "социология морали" или ...?

3. Арктическая политика сегодня - прежде всего экстракт этноэкологической политики. Соответственно, этика освоения Севера - во многом этноэкологическая этика. Если написать это предложение без неизбежного знака вопроса, придется предложить без такого знака и тезис о том, что категорическим императивом этики освоения Севера является принцип "освоения без отчуждения", который среди многих стратегий воплощается в ценностях и нормах сбалансированного развития.

Разумеется, сегодня этот тезис без глубокой рефлексии не приемлем. Возвращая на законное место знак вопроса, предстоит подвергнуть глубокой рефлексии и опасения в маскирующем характере самого выражения "сбалансированное развитие" /скрытая конкиста, прогрессорство, высокомерие индустриальной цивилизации и т.п./, и аргументы против этической регионалистики /подрывающей идею морального Абсолюта, с одной стороны, мифологизирующей моральную атмосферу Севера - с другой, нивелирующей множественность моральных систем на Севере - с третьей /.

Важно попытаться выявить весь "банк" императивов освоения Севера. Версии о приоритете сбалансированного развития предстоит отстаивать себя средствами морального оправдания не только перед альтернативами типа "закон-тайга" или "человек человеку и природе - Друг", но и дискуссией о смыслах самого сбалансированного развития. Этот императив должен быть испытан процессом реконструирования стоящих за разными его толкованиями нравственных идеалов и ценностей, и особенно толерантностью к иным моральным системам, и способностью к сотрудничеству с ними, и к моральному консенсусу.

Полагаю /пусть и со знаком вопроса/, что сбалансированное развитие - это не просто "сбалансированная" политика, но "сбалансированная" аксиология освоения Севера. Императивом является паритет различных систем моральных ценностей /прежде всего между традиционной культурой и культурой индустриального общества/, обуславливающий и паритет выражающих эти системы стратегий освоения. Да, освоение без отчуждения невозможно без признания равноправия и равноценности /экономической, политической, идеологической/ индустриальных и аборигенных форм образа жизни и природопользования. Этическое обоснование этой этноэкологической парадигмы /см.: И.И.Крупник. Арктическая этноэкология.- М., 1989/ и содержится в идее морального консенсуса, который является предметом не только гуманитарной экспертизы, но и этического консультирования и, возможно, этического проектирования.

Заклячая эти "воспоминания о будущем", обращаюсь к символу, вынесенному на обложку нашего сборника. Моральная ангажированность донкихотов - эталон человека, пришедшего на Север, уже освоенный иной культурой. Способность донкихотов принять как абсолют "лодку" этой культуры - залог освоения без отчуждения.

СОДЕРЖАНИЕ

"УВАЖАЕМЫЙ ЭКСПЕРТ... "	3
Айпин Е.Д. /Хантыйский писатель, народный депутат СССР, г. Ханты-Мансийск) ОБЕСПЕЧИТЬ САМОДВИЖЕНИЕ ЖИЗНИ	6
Агранат Г.А. /Институт географии АН СССР/ ...ПРЕЖДЕ ВСЕГО – ОБ АРКТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТАХ	7
Арбатов А.А. /Комиссия по изучению естественных ресурсов и производительных сил при Президиуме АН СССР/ О ТАКОЙ ЭТИКЕ МЫ ПОДУМАЛИ В САМЫЙ ПОСЛЕДНИЙ МОМЕНТ	10
Батыгин Г.С. /Институт социологии АН СССР/ ШАББАТ- ЭТИКА СЕВЕРА.....	11
Бекешкина И.Э. /Институт философии АН УССР/ ПРИОРИТЕТ – ЛИЧНОСТЬ	13
Березин Л.С. /Тюменский государственный университет/ СЕВЕР БЕЗ МИФОВ	15
Бестужев-Лада И.В. /Институт социологии АН СССР/ ...НЕОБХОДИМА РАЗРАБОТКА ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА.....	18
Богомяков В.Г. /ИПОС СО АН СССР, г.Тюмень/ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ АРКТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ - ЭТО, ПРЕЖДЕ ВСЕГО, АНТИЭКСПАНСИОНИЗМ.....	19
Богословская Л.С. /Институт эволюции морфологии и экологии животных им.А.Н.Сиверцова АН СССР/ КТО ЖЕ ТАКИЕ МЫ, ИДУЩИЕ НА СЕВЕР?.....	22
Ганжин В.Т. /Академия народного хозяйства при Совете Министров СССР/ СТРАНОВЕДЧЕСКИЙ РЕФЛЕКС В ЭТИКЕ КОНЦА XX ВЕКА.....	24
Ганопольский М. Г. /ИПОС СО АН СССР, г.Тюмень/ АРКТИЧЕСКАЯ ЭТИКА И ПАРАДИГМЫ СБАЛАНСИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ.....	26
Гольдберг Т.С. /Тюменский индустриальный институт/, Гольдберг Р. С. /Редакция газеты «Тюменская правда»/ ПО КОМ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ?.....	28
Гонтмахер Е.Ш. /ЦЭНИИ при Госплане РСФСР, г.Москва/ ЗАПОВЕДИ СБАЛАНСИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ.....	31
Дмитриев В.С. /Научно-исследовательский институт экономики и организации сельскохозяйственного производства нечерноземной зоны РСФСР, г. Пушкин/ ОТ ПРИОРИТЕТНОЙ ПОЛИТИКИ К ПОЛИТИКЕ ПАРИТЕТА.....	34
Донских О.А. /ИПОС СО АН СССР, г. Новосибирск/ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ.....	35
Зотов Н.Д. /Тюменский государственный университет/ НЕ УРОНИТЬ ДОСТОИНСТВА.....	37
Иванчук Ю. Н. /Редакция журнала "Северные просторы", г.Салехард/ СО СВОИМ УСТАВОМ В ЧУЖОЙ МОНАСТЫРЬ НЕ СУЙСЯ.....	41
Каган М. С. /Ленинградский государственный университет/, Каган М. М. /г.Ленинград/ "ЗВАННЫЕ", НО ГОСТИ.....	42
Крупник И.И. /Институт этнографии АН СССР/	

...МЫ ВСЕ БЫСТРЕЕ ВХОДИМ В ЭТОТ НРАВСТВЕННЫЙ КРУГ.....	43
Лучанкин А.И. /ИПОС СО АН СССР, г.Свердловск/ СИМПТОМ ТЕХНОКРАТИЧЕСКОЙ СИНДРОМАТИКИ.....	44
Метаков М. М. /г.Тюмень/ С АПЛОДИСМЕНТАМИ НАДО ПОДОЖДАТЬ.....	46
Омельчук А.К. /Областной комитет по телевидению и радиовещанию, г.Тюмень/ ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ ЕЩЕ НЕ НАСТАЛ ИЛИ ПРАВИЛО ИГРЫ ЧЕЛОВЕКА С СЕВЕРОМ.....	47
Пика А.И. /Институт социально-экономических проблем народонаселения, г.Москва/ "МЫ ЗА ЦЕНОЙ НЕ ПОСТОИМ..."- АНТИПОД ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ.....	52
Потапенко С.М. /Штаб ЦК ВЛКСМ Западно-Сибирского ТПК, г.Тюмень/ ОБРАТИТЬ "ПОКОРИТЕЛЕЙ" в "ЛЮДЕЙ СЕВЕРА".....	53
Райшев Г.С. /Хантыйский художник/ НАУЧИТЬ ВОЛКА ЖИТЬ В СТАДЕ?	54
Сагатовский В.Н. /Крымский государственный университет/ АЛЬТЕРНАТИВА КОНСЕНСУСУ – КАТАСТРОФА.....	57
Согомонов Ю. В. /Владимирский политехнический институт/ ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ВЫБОРА АРКТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ.....	59
Соколовский С.В. /Институт комплексных проблем гигиены и профессиональных заболеваний СО АМН СССР, г. Новокузнецк/ АРКТИЧЕСКАЯ АКСИОЛОГИЯ: ИМПОРТ ЦЕННОСТЕЙ ИЛИ ПОНИМАНИЕ?.....	60
Таксами Ч.М. /Ленинградская часть Института этнографии АН СССР/ ...ОБРАТИМСЯ К ЭКОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ, ОПЫТУ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ	64
Федоров Ю. М. /ИПОС СО АН СССР, г.Тюмень/ СПАСТИ СЕВЕР МОЖЕТ НЕ ПОЛИТИКА, А КУЛЬТУРА.....	65
Франц А.Б. /Институт маркетинга при НПО "ПОЛЯРЭКС", г. Свердловск/ К "ЭТИКЕ СЕВЕРА" - ОТ "ЧЕЛОВЕКА СЕВЕРА".....	68
Чеурин Г.С. /НПО "ПОЛЯРЭКС", г.Свердловск/ МОДЕЛЬ ВЫЖИВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.....	69
Чудновский Г.Л. /МИНГ им. И.М. Губкина/ К ПРОБЛЕМЕ "АРКТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ?.....	71
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Бакштановский В.И., Федоров Ю. М. /ИПОС СО АН СССР, г.Тюмень/ ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА ЯМАЛЬСКОГО КОНФЛИКТА: ЗАЯВКА НА ПРОЕКТ.....	73
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Согомонов А.Ю. /Институт социологии АН СССР/ АРКТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА : ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	78
КАТЕГОРИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ ЭТИКИ СЕВЕРА /Послесловие редактора/.....	80

Отпечатано ХПЦ "Искра"
заказ 189 тираж 300 экз.